

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2021

№ 1 (613)

Январь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания, Москва); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва); А.Н. Панов (МГИМО, Москва); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Япония); Анжела Стент (Джорджтаунский университет, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов; Н.А. Счётчикова.

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт США и Канады РАН, 2021
© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2021

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2021

No. 1 (613)

January

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow); E. Komkova (ISKRAN, Moscow); K. Kosachev (The Council of the Federation, Moscow); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow); V. Lukin (The Council of the Federation, Moscow); M. Nosov (Institute of Europe RAN, Moscow); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow); A. Panov (MGIMO, Moscow); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow); S. Rogov (ISKRAN, Moscow); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow); V. Supyan (ISKRAN, Moscow); T. Shakleina (MGIMO, Moscow); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2021
© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2021

Содержание

2021, № 1 (613)

С.М. Рогов, А.А. Громыко «Диалог “Россия – НАТО”. Как снизить напряжённость и избежать кризисов»	5
Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе (английзычная версия на с. 6-19)	20
Райков Ю.А. Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите.....	35
Графов Д.Б. Лоббирование в США интересов Египта при президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси.....	53
Студенцов В.Б. Мировоззрение «позитивно мыслящего» Дональда Трампа и его «воинства»	70

Экономические обзоры

Архангельский И.Ю. Политический контроль иностранного капитала в США.....	89
--	-----------

Публичная дипломатия

Цветкова Н.А., Федорова И.В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание.....	104
--	------------

В мире бизнеса

Козлов В.О. Идеология финансово-промышленной олигархии США конца XIX – начала XX века	117
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2021, No. 1 (613)

Recommendations of the Participants of the Expert Dialogue on NATO–Russia Military Risk Reduction in Europe	6
Raikov Yu.A. Washington's Space Sword: Confrontation in the Orbit	35
Grafov D.B. Lobbying the Interests of Egypt in the USA under the President Abdel Fattah el-Sisi.....	53
Studentsov V.B. Worldview of "Positive Thinking" of Donald Trump and His "Host".....	70

Economic Survey

Arkhangelsky I.Yu. Political Control of the Foreign Capital in the USA.....	89
--	-----------

Public Diplomacy

Tsvetkova N.A., Fedorova I.V. U.S. Data Diplomacy: Imperatives, Apparatus, and Scope.....	104
---	------------

In the World of Business

Kozlov V.O. Ideology of the U.S. financial and industrial oligarchy of the late XIX - early XX century	117
--	------------

«Диалог “Россия – НАТО”. Как снизить напряжённость и избежать кризисов»

Отношения между Россией и НАТО подошли к опасной черте. Взаимное доверие фундаментально подорвано, укоренилось чувство враждебности. Такое положение дел увеличивает вероятность военного инцидента, который может привести к вооружённому конфликту.

7 декабря 2020 года опубликован доклад «Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе». Этот доклад был подготовлен группой ведущих российских и западных исследователей, которую возглавили научный руководитель ИСКРАН академик С.М. Рогов и директор Института Европы РАН член-корреспондент Ал.А. Громыко.

Рекомендации подписали 161 эксперт из США, России и 16-ти других европейских стран. Среди них опытные политики и военные (19 бывших министров иностранных дел и обороны, 28 послов, 22 отставных генерала), а также неправительственные эксперты из 55-ти институтов, университетов и исследовательских центров.

Требуется восстановление политического диалога в Совете Россия-НАТО и прямых военных контактов. Были бы полезными и постоянно действующие линии связи между военными на случай, если неоднозначные перемещения одной из сторон представляются угрожающими для другой. Целесообразно принять дополнительные меры прозрачности при проведении военных учений, включая понижение порога предварительного уведомления и наблюдения.

России и НАТО могли бы обсудить меры по предотвращению гонки вооружений, обеспечению большей транспарентности относительно новых видов высокоточного обычного оружия. Следует обсудить российские предложения о моратории на развертывание ракет средней дальности и позицию НАТО по этому вопросу. Стороны также должны возобновить переговоры о потенциалах противоракетной обороны. Необходимы консультации о судьбе Договора по открытому небу. Если хотя бы часть наших предложений будет востребована и реализована, военная ситуация в Европе начнет стабилизироваться, что создаст со временем предпосылки для решения более фундаментальных политических противоречий.

С.М. Рогов,
академик РАН
Научный руководитель
Института США и Канады РАН

Ал.А. Громыко,
член-корреспондент РАН
Директор Института Европы РАН

Recommendations of the Participants of the Expert Dialogue on NATO–Russia Military Risk Reduction in Europe

Executive Summary

This group of experts from Russia, the United States and Europe held 15 online-seminars on NATO–Russia Risk Reduction in summer and fall of 2020 and offer the following ideas:

To maintain strategic stability, we look forward to immediate action to extend the New START Treaty for 5 years.

At the same time, we are concerned by the deterioration of the European security situation in recent years. The nuclear and conventional arms control system that took decades to build is rapidly unraveling, with nothing to take its place. Incidents in the course of military activities which bring Russian and NATO forces into close proximity are worrisome in their own right and run the risk of escalation. While members of our group differ over the root causes of the crisis, we are concerned that as tension builds between Russia and NATO, a real military confrontation becomes an increasing danger.

Given this situation, we call upon our countries' leaders to demonstrate the political will necessary to take a number of urgent actions in order to reduce the risks of military conflict. These military and security actions should be pursued whether or not we make progress in reducing the serious political disputes among our countries. Indeed, these steps can contribute to an atmosphere, in which resolution of those difficult political issues becomes more achievable.

We propose a set of measures, recognizing that not all of these steps will be immediately feasible. The detailed recommendations below address the following areas:

1. Re-establishing practical dialogue between Russia and NATO, including direct contacts between the military commanders and experts of Russia and NATO member states.
2. Developing common rules that will reduce the risk of unintended incidents on land, air and sea.
3. Enhancing stability by increasing transparency, avoiding dangerous military activities, and providing dedicated communication channels that would avoid escalation of incidents that might occur.
4. Utilizing (and possibly supplementing) the 1997 NATO-Russia Founding Act to codify restraint, transparency and confidence-building measures.
5. Exploring possible limitations on NATO and Russian conventional force deployments in Europe to enhance transparency and stability.
6. Establishing consultations between Russia and US/NATO on the topics of intermediate-range missiles and ballistic missile defense, in order to prevent a new nuclear missile race in Europe.
7. Preserving the Open Skies Treaty.

Specific Proposals

1. The need for dialogue

1.1. Political dialogue should be revitalized at the ambassadorial level in the NATO-Russia Council and include briefings by military experts as appropriate.

1.2. As part of the NATO 2030 reflection process, Russia and NATO member states should analyze relations between NATO and Russia with a view to developing the military-to-military dialogue. At a time when most NATO-Russia cooperation remains suspended, such a dialogue should not be viewed as a departure from NATO's "no business as usual" policy, but as a step that is necessary to increase predictability and reduce the risk of military incidents at sea, in the air and on land escalating to the level of military conflict.

1.3 Once Russia and NATO member states reach a formal or informal understanding or agreement, they could take initial steps in the form of parallel unilateral measures that do not necessarily require conclusion of a formal agreement between NATO, or NATO member states, and Russia, which could prove politically difficult to achieve in the present environment.

1.4. Regular meetings should be held between the Chief of General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, the Chairman of the U.S. Joint Chiefs of Staff, the NATO Supreme Allied Commander Europe (SACEUR) and the Chairman of the NATO Military Committee, reinforced by military experts, to address issues of current concern.

1.5. In addition, NATO member states and Russia should resume contacts at the level of military representatives in the NATO Military Committee and restore the Russian military liaison mission at SACEUR Headquarters.

1.6. Furthermore, NATO member states and Russia should enhance military contacts in OSCE forums to provide a more efficient and inclusive format for discussion and quick decision-making on current issues relating to military activities.

1.7. NATO and Russia should consider the possibility of establishing special NATO-Russia communication channels or hotlines in sensitive regions such as the Baltic, and Black sea regions and the High North area.

1.8. While the recommendations offered in this paper would be developed primarily in NATO-Russia channels, a number of them could be opened to discussion with and participation by other countries, such as Sweden and Finland in the Baltic and High North regions, and Ukraine and Georgia in the Black Sea region.

2. Preventing incidents

2.1. Prevention of incidents and de-escalation once they have occurred is the most urgent issue related to military interaction. NATO member states and Russia, as well as other European states, need to together formulate a minimum set of realistic measures that could be adopted as formal agreements, informal understandings or parallel, coordinated steps. While they do not have to be in the form of a legal treaty, they should have real force so as to effectively reduce the level of mutual tension.

2.2. NATO and Russia should develop a single set of common rules that would define minimum distances between military aircraft and ships as well as procedures for interaction of crews. To this end, they could resume joint work within the framework of the Cooperative Airspace Initiative (CAI), which had as one of its tasks the strengthening of confidence-building measures along the NATO-Russia line of contact. To address this task, sides should resume a navigational data exchange on the air situation along Russia's Western border with NATO member states that was already established in the past.

2.3. As one of the options for managing incidents, the 1972 U.S.-Soviet Agreement on Prevention of Incidents at Sea and in the Airspace Above the Sea, as well as 11 similar agreements between certain NATO member states and Russia, could be taken as the basis for additional bilateral or multilateral agreements. Another source of ideas and approaches can be found in the Sino-American agreement of 2014 and Protocol of 2015 on prevention of incidents, which combines principles of prevention of incidents at sea and prevention of incidents during military activities in general.

2.4. Russia and the United States should reach agreement on notification of heavy bomber patrols and flights near the borders of the other side, similar to the notifications they exchange of ICBM and SLBM launches.

2.5. NATO and Russia should develop and adopt standardized procedures for de-escalation of military incidents and conflicts. They should also conduct joint staff training exercises to prepare for de-escalation, create de-confliction mechanisms in the Baltic, High North and Black Sea regions, and establish a joint mechanism similar to the one built up by Russia and the United States in Syria.

3. Ensuring stability

3.1. NATO member states and Russia should reaffirm the reciprocal political commitments contained in the NATO-Russia Founding Act (1997) and the CFE Final Act (1999) whereby NATO and Russia agree to refrain from additional permanent stationing of substantial combat forces in areas close to the territory of the other side in Europe.

3.2. They should explore the possibility of reciprocal constraints or further parallel unilateral commitments on the size and scope of military activities in contiguous areas, or on the level of armed forces permanently located in such areas, with scope wider and thresholds for advance notification and mandatory observation much lower than those required under the 2011 Vienna Document. A focus for such measures could be the Baltic Region (Estonia, Latvia, Lithuania, Belarus, Poland and Germany), including Kaliningrad and Russia's Western military district.

3.3. NATO member states and Russia should consider including in transparency measures land-based and sea-launched conventional intermediate (medium-range) strike systems, such as cruise missiles that may be located outside the contact zones if they can support exercises and military operations in the contact zones.

3.4. They could also draw on the experience with the provisions relating to the inner-German border area contained in the 1989 U.S.-Soviet agreement on preventing

dangerous military activities. That agreement required troops to behave with caution in the border area. The sides could consider the establishment of reciprocal zones in which exercises should not be conducted, e.g. within 5 to 10 kilometers of specified borders, while also limiting personnel and certain kinds of military equipment in such zones.

3.5. Russia and NATO member states could agree that both sides will conduct large-scale military exercises, as a rule, at a militarily meaningful distance from their borders taking into account the specificity of contact zones. They should consider reducing the scale and frequency of military activities with respect to numbers and geography, in particular exercises in near borders. Generally, military exercises should be executed responsibly, not provocatively.

3.6. As for “snap exercises”, which continue to be a source of tension and are not subject to prior notification, we recommend the establishment of a regime of mutual transparency at a high military level between Russia and NATO. To that end, a “quiet notification” mode should be developed, e.g. providing confidential advance high-level notice to the other side, but with no advance warning to troops participating in the exercises. “Quiet notification” could also be applied to short-notice transit of multinational forces. An appropriate level for this sort of mutual information exchange would be the Chief of Staff of the Armed Forces of the Russian Federation and the NATO Supreme Allied Commander

4. NATO-Russia Founding Act

4.1. If agreements can be reached between NATO and Russia on additional confidence-building, transparency and restraint measures, these could be incorporated as additional protocols or annexes to the 1997 NATO-Russia Founding Act.

4.2. NATO and Russia could also agree to definitions of the parameters of the reciprocal measures of restraint mentioned in the Founding Act, such as “additional permanent stationing of substantial combat forces.” This could be established as the equivalent of one army brigade and one air wing/regiment per country or Russian military district.

4.3. With the implementation of these additional risk-reduction measures and significant progress in the resolution of broader political differences between NATO and Russia, the sides could agree to draw up a new Code of Conduct for European security, which could also engage other European states beyond NATO and Russia.

5. Possible agreements on conventional armed forces in Europe

5.1. Confidence-building measures and possible measures of restraint should provide for effective collective and individual defense for all states in the region, big and small, with a view to enhancing stability and transparency, avoiding surprises, and minimizing risks of escalation. Given that a new conventional arms control treaty does not seem possible or practicable at this time, agreements may take the form of political commitments.

5.2. NATO and Russia should start negotiations to adopt certain measures to limit the arms race in the European region based on the assumption that currently de-

ployed force levels are sufficient. Agreement should be aimed primarily at limiting destabilizing concentrations of forces and military training activities.

5.3. Both sides should consider and discuss the potentially destabilizing capabilities of some precision and long-range conventional weapons with a view to exercising restraint and ensuring transparency in this sphere. They could adopt transparency measures also with respect to conventional strike forces located outside the zone of direct contact of Russia and NATO. This refers to naval forces, long-range aviation and ground-based weapons, not covered by New START, with the range capability to reach this region.

5.4. The measures proposed in this paper should be significantly more far-reaching than the provisions of the Vienna Document 2011. They should take into account the experience of the 1990 Conventional Forces in Europe Treaty and its adapted version and extend their scope.

5.5. Therefore, we recommend conducting an analysis of the Vienna Document 2011 with a view to extending the scope of its transparency and verification measures and its provisions on large-scale military exercises and other deployments to include naval forces, all large air force and air defense formations, conventional ground-, air- or sea-launched ballistic or cruise missiles, as well as logistic and communication units.

5.6. NATO member states and Russia should practice parallel unilateral arms control measures, coordinating them in advance, where practicable, and reciprocating as appropriate.

6. Missile Defenses and Intermediate Range Missiles in Europe

6.1. Russia and the United States/NATO should hold consultations on missile defense in Europe, both strategic and non-strategic, nuclear and non-nuclear, with a view to increasing transparency and overcoming existing differences.

6.2. They should consider ways to bridge the differences between NATO's declared intention not to deploy any nuclear-armed ground-based missiles in Europe and Russia's proposal for a moratorium on nuclear- and conventionally-armed medium-range and intermediate-range missiles in Europe. A first step could be to agree upon reciprocal transparency measures with regard to existing capabilities.

6.3. Russia, the United States and other NATO member states should enhance transparency beyond current capabilities through an annual exchange of ten-year plans for the development of missile defense in Europe, the creation of a data exchange center, and notification of new missile defense elements that have reached operational readiness.

7. Open Skies Treaty

7.1. Participants in the dialogue support preserving the Open Skies Treaty as it is one of the few remaining transparency instruments geared to promote confidence-building between states parties in Europe.

7.2. We should focus on the consequences of the U.S. withdrawal from the Open Skies Treaty for the remaining 33 states parties and on preserving the treaty. All states parties, including Russia, should remain in the Treaty for a sufficient time to assess how it would function in these conditions and to allow time for possible reentry by the United States. Russia and the United States, as well as other states parties, should discuss their concerns about the treaty and try to find agreed solutions.

7.3. Remaining states parties should consider the possibility of joint diplomatic initiatives aimed at returning the United States to the Open Skies Treaty.

Americans, Europeans and Russians who signed the statement

Note: Each of the signers of these recommendations agrees with most but not necessarily all of them.

Affiliations are for purposes of identification only

1. **Benoît D'ABOVILLE**, Former Ambassador and Permanent Representative to NATO, Vice President of the Fondation pour la Recherche Stratégique (FRS), France.
2. **James ACTON**, co-director, Nuclear policy Program, Carnegie Endowment for International Peace;
3. **Graham ALLISON**, Douglas Dillon Professor of Government, “Founding Dean” of Harvard’s John F. Kennedy School of Government, until 2017 Director of its Belfer Center for Science and International Affairs, former Assistant Secretary of Defense;
4. **Roy ALLISON***, Professor of Russian and Eurasian International Relations, Director, Russian and Eurasian Studies Centre, St. Antony’s College, Oxford;
5. **Alexey ARBATOV**, Head, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Member of the Russian Academy of Sciences;
6. **Nadezhda ARBATOVA**, Head, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO);
7. **Valeriy BARANOV**, Colonel General (ret.), Inspector general of the Ministry of Defense.
8. **Vladimir BARANOVSKY***, Member of the Directorate, Primakov National Research Institute of World Economy and International relations (IMEMO), Member of the Russian Academy of Sciences;
9. **Alexandra BELL***, former Director for Strategic Outreach in the Office of the US Under Secretary of State for Arms Control and International Security, Senior Policy Director at the Center for Arms Control and Non-Proliferation;
10. **Robert BELL***, former assistant to the US President, former counselor to the Secretary General of NATO, distinguished Professor of the Practice, Georgia Tech;
11. **Alexander BESSMERTNYKH**, former Foreign Minister of the USSR, former Soviet Ambassador to the United States, President of the Russian foreign policy association;

* Members of the expert group.

12. **John BEYRL**, former Ambassador of the United States to the Russian Federation (2008–2012), former Ambassador to Bulgaria (2005 – 2008), Chairman of the U.S. Russia Foundation

13. **James BINDENAGEL***, Ambassador (ret.), Henry Kissinger Professor, em. Center for Advanced Security, Strategy and Integration Studies Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn;

14. **Hans BLIX**, former Swedish Minister for Foreign Affairs, former IAEA Director General, Executive Chairman of the United Nations Monitoring, Verification and Inspection Commission (UNMOVIC);

15. **Dieter BODEN**, Ambassador (ret), Potsdam;

16. **Michael BOYCE**, Former Chief of the Defence Staff and First Sea Lord of the Royal Navy; a cross bench member of the the British House of Lords;

17. **Ulrich J. BRANDENBURG**, German Ambassador to NATO (2007-2010), German Ambassador to the Russian Federation (2010-2014);

18. **Karl-Heinz BRUNNER**, Member of Parliament, Spokesman on the Sub-Committee on Disarmament, Arms Control and Non-Proliferation of the German Bundestag, Berlin;

19. **Corentin BRUSTLEIN**, Director of the Center for Security Studies, France

20. **Philip BREEDLOVE***, USAF General retired. Distinguished Professor, Sam Nunn School of International Affairs at Georgia Tech, former US European Command Commander and Supreme Allied Commander Europe;

21. **Des BROWNE**, Chair of the European Leadership Network (ELN), Vice Chairman of the Nuclear Threat Initiative (NTI), Convener of the TLG and former UK Defence Secretary

22. **Denis BUKONKIN***, Director of Foreign Policy and Security Research Center, Minsk; Belorussia;

23. **William J. BURNS**, President of the Carnegie Endowment for International Peace, former Deputy Secretary of State, former Ambassador to Russia;

24. **Evgeniy BUZHINSKY***, Lieutenant General (ret.), Vice President of the Russian International Affairs Council; Chairman, Executive Board, PIR Center;

25. **Vincenzo CAMPORINI**, former Chief of the Joint Defence Staff, Former Chief of Staff of the Air Force, Italy;

26. **Per CARLSEN**, former Assistant Secretary of Defence (Denmark), Former Ambassador to Vilnius, Moscow and Riga;

27. **Hikmet ÇETIN**, former Minister of Foreign Affairs, Turkey;

28. **Samuel CHARAP***, former Senior Advisor to the Undersecretary of State for Arms Control and International Security, 2011-2012;

29. **Pierce CORDEN***, former head of the department of the United States Arms Control and Disarmament Agency, research fellow at the Center for science, technologies and security policy;

30. **Thomas COUNTRYMAN***, former Assistant Secretary of State for International Security and Nonproliferation, Chairman of the Arms Control Association;

31. **Madelyn CREEDON**, Chair of the Nuclear Security Working Group, a research professor of international affairs at the George Washington University, former Assistant Secretary of Defense for Global Strategic Affairs, former Principal Deputy Administrator for the National Nuclear Security Administration (NNSA);

32. **Dmitry DANILOV***, Head of Department at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IERAS);

33. **Christopher DAVIS***, Professorial Research Fellow, University of Oxford;

34. **Lewis DUNN***, former U.S. Ambassador to the Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons;

35. **Uffe ELLEMANN-JENSEN**, Former Danish Foreign Minister (1982-1993);

36. **Victor ESIN***, Colonel General (ret.), Former Head of the Main Staff of the Russian Strategic Rocket Forces, Leading Research Fellow, Department for Military-Political Research, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN);

37. **Marc FINAUD***, Head of Arms Proliferation and Diplomatic Tradecraft, the Geneva Centre for Security Policy;

38. **Ute FINCKH-KRAEMER**, former Member of Parliament, Foreign Affairs Committee, Sub-Committee on Disarmament, Arms Control and Non-proliferation; Alumna of Parliamentarians for Nuclear Disarmament and Non-proliferation (PNND);

39. **Cornelius FRIESENDORF**, Head, Centre for OSCE Research, Institute for Peace Research and Security Policy, at the University of Hamburg (IFSH);

40. **Helmut W. GANSER**, Brigadier-General (ret), Defence Advisor to the German NATO Delegation 2004-2008, Brussels;

41. **Rainer L. GLATZ**, Lieutenant-General (ret), former Commander German Armed Forces Joint Force Command, Potsdam;

42. **Valery GARBUZOV**, Director, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN);

43. **Francois LE GOFF**, General Secretary of the Franco-German-British Club of Three;

44. **Thomas GOMART**, Director, Institut français des relations internationales (IFRI);

45. **Alexander GRAEF**, Research Fellow, Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH);

46. **Charles GRANT**, Director of the Centre for European Reform (CER), UK;

47. **Philippe GRÉCIANO**, Professor at Grenoble Alpes University, Jean Monnet Chair, Member of the Center for International Security and EU Cooperation, France;

48. **Ruslan GRINBERG**, Academic Director of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;

49. **Alexey GROMYKO****, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IERAS), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;

** Co-chairs of the expert group.

50. **Wolfgang GUENSCHKE**, LtColonel (ret), former Head of Arms Control Unit, German Armed Forces Verification Centre, Geilenkirchen; former military advisor to the German Foreign Office on security, arms control and disarmament;

51. **David HANNAY**, Former Ambassador to the EU and to the UN; current Chair of UK All Party Parliamentary Group on Global Security and Non-Proliferation in the UK Parliament;

52. **Ruediger HARTMANN**, Ambassador (ret), former Commissioner of the German Federal Government for Disarmament and Arms Control;

53. **Benjamin HAUTECOUVERTURE**, Senior Research Fellow at Fondation pour la recherche stratégique (FRS);

54. **François HEISBOURG**, Chairman and Special Advisor, International Institute for Strategic Studies (IISS) / Fondation pour la Recherche Stratégique (FRS), France;

55. **Kurt HERRMANN**, Lieutenant-General (ret), former Head NATO Military Liaison Mission (MLM), Moscow, and former Director NATO Communication and Information Systems Services Agency (NCSA);

56. **Sven HIRDMAN**, Ambassador to Russia 1994-2004, State Secretary Ministry of Defence of Sweden (1979-1982);

57. **Matthias HOEHN**, Member of Parliament, Chairman, Sub-Committee on Disarmament, Arms Control and Non-Proliferation of the German Bundestag, Berlin;

58. **Hellmut HOFFMANN**, Ambassador (ret), former Representative of the Federal Republic of Germany to the Conference on Disarmament (2009-2013);

59. **Heiner HORSTEN**, Ambassador (ret), Permanent Representative of the Federal Republic of Germany to the OSCE in Vienna 2008 – 2012;

60. **Hans HUEBNER**, Brigadier-General (ret), former Director, German Arms Control Verification Centre, Geilenkirchen;

61. **Hans-Dieter HEUMANN**, Ambassador (ret.), former President of Federal College for Security Policy, Berlin;

62. **Jon HUNTSMAN**, former Governor of Utah, former Ambassador of the United States to Russia, to China and to Singapore;

63. **Igor ISTOMIN**, Senior Lecturer at the Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University;

64. **Igor IVANOV**, Minister of Foreign Affairs (1998-2004), former Secretary of the Security Council of the Russian Federation (2004-2007), President of Russian International Affairs Council (RIAC);

65. **Juhani KASKEALA**, Senior Finnish Admiral and former Chief of Defence of the Finnish Defence Forces (2001-2009);

66. **Roderich KIESEWETTER**, Member of the German Parliament (CDU) and former General Staff Officer of the Bundeswehr (Colonel GS, Federal Armed Forces);

67. **Daryl G. KIMBALL**, Executive Director, Arms Control Association;

68. **Michael KOFMAN***, Director of the Russia Studies Program at CNA, Fellow at the Kennan Institute, Woodrow Wilson International Center;

69. **Bert KOENDERS**, Former Foreign Minister of the Netherlands;
70. **Lawrence KORB***, US Navy Captain (ret.), former Assistant Secretary of Defense, Reagan Administration, Senior Research Fellow, Center for American Progress, and Senior Advisor, Defense Information Center;
71. **Andrey KORTUNOV***, Director General, Russian International Affairs Council;
72. **Oleg KRIVOLAPOV***, Research Fellow, Department for Military-Political Research, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN);
73. **Evgeniy KOZHOKIN**, Dean of School of International Relations and Regional Studies of the State University for Humanitarian Studies;
74. **Ulrich KUEHN**, Head, Arms Control and Emerging Technologies, Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH);
75. **Valentin KUZNETSOV***, Vice Admiral (ret.), former Chief Military Representative of the RF at NATO, Senior Research Fellow, Department for Military-Political Research, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN);
76. **Henrik LARSEN**, Senior Researcher, Center for Security Studies, Swiss Federal Institute of Technology (ETH Zürich);
77. **Robert LEGVOLD**, Marshall D. Shulman Professor, Columbia University;
78. **Imants LIEGIS**, Latvian Ambassador to France and to Hungary, Latvia's Defense Minister (2009-2010) and the Acting Minister of Justice (2009-2010);
79. **Osman FARUK LOGOGLU**, former Turkish Ambassador to the United States and former Undersecretary of the Ministry of Foreign Affairs;
80. **Mogens LYKKETOFF**, former Minister for Finance and Foreign Affairs and Speaker of Parliament, Denmark. Former President of the United Nations General Assembly (2015-2016), Denmark;
81. **Roderic LYNE**, former British ambassador to the Russian Federation;
82. **Ruediger LUEDEKING**, Ambassador (ret), former Deputy Commissioner of the German Federal Government for Disarmament and Arms Control;
83. **Vladimir LUKIN**, Russian Ambassador to the United States (1992- 1994), director on the board of the Nuclear Threat Initiative (NTI), Deputy Chair of the Foreign Affairs Committee of the Federation Council of the RF;
84. **Douglas LUTE***, Lieutenant General (rt.), US Ambassador to NATO, 2013-2017, Senior Fellow, Belfer Center, Harvard University;
85. **Emmanuelle MAITRE**, Research Fellow at FRS;
86. **Michael MACLAY**, Chairman of the Franco-German-British Club of Three;
87. **Eduard MALAYAN**, former Russian ambassador to Mexico, Luxemburg, Jamaica;
88. **János MARTONYI**, Former Foreign Affairs Minister of Hungary;
89. **John MCCOLL**, former NATO Deputy Supreme Allied Commander Europe (DSACEUR) and Lieutenant-Governor of Jersey, UK;
90. **Oliver MEIER***, Senior Researcher, Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH);

91. **Giles MERRITT**, Founder and Chairman, Friends of Europe;
92. **Mira MILOSEVICH-JUARISTI**, Senior Analyst for Russia and Eurasia, Elcano Royal Institute for International and Strategic Studies, Spain;
93. **Victor MIZIN***, Leading Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO);
94. **Thierry DE MONTBRIAL**, founder and Executive chairman of Institut français des relations internationales (IFRI);
95. **Klaus NAUMANN**, General (ret), former Chief of Staff of the Bundeswehr (German Armed Forces); Former Chairman of the NATO Military Committee (1996-1999);
96. **Alexander NIKITIN***, Director of the Center for Euro-Atlantic Security, of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Honorary President of the Russian Association of Political Science;
97. **Bernard NORLAIN**, General (ret), former Air Defense Commander and Air Combat Commander of the French Air Force;
98. **Mikhail NOSOV**, chief research fellow of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
99. **Joseph NYE**, Harvard University Distinguished Professor Emeritus, Under Secretary of State, former Assistant Secretary of Defense, former Dean of the John F. Kennedy School of Government;
100. **Olga OLIKER***, Director for Europe and Central Asia, International Crisis Group;
101. **Janusz ONYSZKIEWICZ**, Former Minister of Defence, Poland;
102. **Sergey OZNOBISHEV***, Head, Department of Military and Political Analysis and Research Projects, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO);
103. **Alexander PANOV**, head of the Department for Diplomacy, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO), former Russian Ambassador to Norway, Korea, Japan, former Deputy Foreign Minister;
104. **William PERRY**, former US Secretary of Defense, Director of the Preventive Defense Project at CISAC, FSI Senior Fellow;
105. **Thomas R. PICKERING**, former US Under Secretary of State, former Ambassador to Jordan, Nigeria, El Salvador, Israel, the United Nations, India and Russia;
106. **Steven PIFER***, former US Ambassador to Ukraine, William Perry research fellow at Stanford University and nonresident senior fellow at the Brookings Institution;
107. **William POTTER**, Director, James Martin Center for Nonproliferation Studies and Sam Nunn and Richard Lugar Professor of Nonproliferation Studies Middlebury Institute of International Studies at Monterey, Foreign Member to the Russian Academy of Sciences;
108. **Pavel PALAZHCHENKO***, Head of the International Relations, the Gorbachev Foundation;
109. **Giampaolo DI PAOLA**, former Minister of Defence of Italy; Former Chairman of NATO Military Committee;

110. **Solomon PASSY**, former Chairman of the United Nations Security Council, former Bulgarian Foreign Minister;
111. **Friedrich W. PLOEGER**, Lieutenant-General (ret), German Airforce, former Deputy Commander AIRCOM Ramstein (2010-2013);
112. **Ruprecht POLENZ**, President German Association for East European Studies, former Chairman Committee on Foreign Affairs of the German Bundestag
113. **Paul QUILÈS**, President of the Initiatives for Nuclear Disarmament (IDN). Former Defence Minister and former President of the Defence and Armed Forces Committee of the National Assembly of France;
114. **Alain RICHARD**, French Senator; Defence Minister of France (1997-2002);
115. **David RICHARDS**, General (ret), former Chief of the Defence Staff, member of the UK House of Lords;
116. **Wolfgang RICHTER***, Colonel (ret.), Senior Military Advisor of the Permanent Representation of Germany to the OSCE, Vienna (2005-2009); Senior Associate, International Security Division, German Institute for International and Security Affairs, Berlin (SWP);
117. **Daniela DE RIDDER**, Member of Parliament and Vice-Chair of the Bundestag Foreign Affairs Committee;
118. **Malcolm RIFKIND**, Former Conservative MP in the UK Parliament, former chairman of the Intelligence and Security Committee and former British Defence Secretary and former Foreign Secretary;
119. **Cynthia ROBERTS***, Professor of Political Science, Hunter College, City University of New York, Senior Research Scholar, Columbia University, policy adviser, Joint Staff, US Department of Defense, 2019;
120. **George ROBERTSON**, Former NATO Secretary General; Former UK Secretary of State for Defence;
121. **Sergey ROGOV****, Academic Director, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRA), Chairman of the International Security Advisory Board of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation; Member of the Russian Academy of Sciences;
122. **Kevin RYAN***, Associate at the Belfer Center for Science and International Affairs, Member of the US-Russia Initiative to Prevent Nuclear Terrorism, former Defense Attache at the US embassy in Russia, Brigadier General;
123. **Laëtitia SAINT-PAUL**, French Politician and Vice President of the National Assembly;
124. **Pavel SHARIKOV***, Leading Research Fellow, Department for Military-Political Research, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRA);
125. **Igor SHERBAK**, former First Deputy of the Permanent Representative of the RF at the United Nations, Research Fellow Chief the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences;

126. **Robby SCHLUND**, Head of German-Russian Parliament Group, Deutscher Bundestag;
127. **Hans-Joachim SCHMIDT**, Senior Associate Research Fellow, Peace Research Institute Frankfurt (PRIF);
128. **Reiner SCHWALB**, Brigadier-General (ret), National German Representative at NATO Allied Command Transformation, Norfolk/VA, 2007-2010; German Senior Defense Official and Attaché to the Russian Federation, Moscow, 2011-2018;
129. **Vladimir SENKO**, former Foreign Minister of Belarus; Former Ambassador of Belarus to the United Kingdom;
130. **Stefano SILVESTRI**, Senior Scientific Advisor at Istituto Affari Internazionali (IAI), former Under Secretary of State for Defence, former President of IAI (2001-2013);
131. **Javier SOLANA**, Former NATO Secretary-General, Spain;
132. **Hartwig SPITZER**, Professor, Centre for Science and Peace Research, University of Hamburg;
133. **Michael STAACK**, Professor, Helmut-Schmidt-University/University of the Armed Forces in Germany, Hamburg;
134. **Armin STAIGIS**, Brigadier-General (ret), former Vice President of the Federal Academy for Security Policy in Berlin;
135. **Stefano STEFANINI**, former Permanent Representative to NATO, Former Diplomatic Advisor to the President of Italy;
136. **Angela STENT**, professor, Georgetown University;
137. **Nataliya STEPANOVA***, Research Fellow, Department for Military-Political Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRA);
138. **Goran SVILANOVIĆ**, Former Secretary General, Regional Cooperation Council, Serbia;
139. **Strobe TALBOTT**, Distinguished fellow in the Foreign Policy program at the Brookings Institution, Deputy Secretary of State (1994-2001), President of the Brookings Institution (2002-2017);
140. **John TEFFT**, former US Ambassador to Russia, Ukraine, Georgia, and Lithuania
141. **Greg THIELMANN***, Board member of the Arms Control Association, Commissioner of the U.S.-Russian-German “Deep Cuts” Project;
142. **Adam THOMSON***, Director of the European Leadership Network, Permanent UK Representative to NATO (2014-2016);
143. **Alexander TIKHANSKY**, military-political analyst (Belarus), professor of the Academy of Military Science of Russia;
144. **Nathalie TOCCI**, Director of Istituto Affari Internazionali (IAI), Italy, Special Adviser to EU High Representative/Vice President Josep Borrell;
145. **Dmitri TRENIN**, Director, Carnegie Moscow Center;
146. **Vyacheslav TRUBNIKOV**, Director of the Foreign Intelligence Service (1996-2000), Deputy Foreign Minister of the Russian Federation (2000-2004), Member of the Direc-

torate, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO);

147. **Vygaudas UŠACKAS***, former Foreign Minister of Lithuania, Lithuanian ambassador to USA, Mexico and UK as well as EU ambassador to Russia and Afghanistan, Member of the Board of Directors of Avia Solutions Group;

148. **Alexander VERSHBOW***, former Assistant Secretary of Defense, former NATO Deputy Secretary General; former US Ambassador to South Korea, NATO, Russia; Distinguished Visiting Fellow at University of Pennsylvania's Perry World House; Distinguished Fellow at the Atlantic Council;

149. **Karsten D. VOIGT**, former Member of Parliament and President of the NATO-Parliamentary Assembly, former German-American Coordinator in the German Federal Foreign Office;

150. **Fedor VOYTOLOVSKY**, Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;

151. **Andrew WEBER**, former U.S. Assistant Secretary of Defense for Nuclear, Chemical and Biological Defense Programs, and Senior Fellow, Council on Strategic Risks;

152. **Klaus WITTMAN**, Senior Fellow, Aspen Institute Germany;

153. **Igor YURGENS***, President of the All-Russian Insurance Association, Member of the Board of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs;

154. **Andrey ZAGORSKIY***, Head, Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, Primakov National Research Institute for World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO);

155. **Dov ZAKHEIM**, Vice Chair of the Center for National Interest, former Undersecretary of Defense;

156. **Uta ZAPF**, Former Chairwoman of the Parliamentary Sub-Committee on Disarmament, Arms Control and Non-Proliferation, Germany;

157. **Wolfgang ZELLNER**, Senior Research Fellow and former Deputy Director, Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH);

158. **Valery ZHURAVEL**, Colonel (ret), chief adviser of the Department of International Security of the Staff of the Security Council of the Russian Federation (2009-2014), head of the Center for Arctic Studies of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences;

159. **Vitaliy ZHURKIN**, Director Emeritus, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IERAS), Member of the Russian Academy of Sciences;

160. **Pavel ZOLOTAREV***, Major General (ret.), Leading Research Fellow, Department of Military-Political Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN);

161. **Vladislav ZUBOK**, professor, London School of Economics.

Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе

Резюме

Группа российских, американских и европейских экспертов провела летом-осенью 2020 года 15 онлайн-семинаров по снижению рисков конфронтации между Россией и НАТО и предлагает следующее:

Мы призываем для поддержания стратегической стабильности предпринять неотложные действия с целью продления Договора СНВ-3 на последующие пять лет.

В то же время мы обеспокоены происходящим в последние годы ухудшением ситуации в сфере европейской безопасности. Создававшаяся десятилетиями система контроля над ядерными и обычными вооружениями стремительно разрушается без какой-либо альтернативы. Инциденты в ходе военной деятельности, которые происходят при непосредственном сближении вооружённых сил России и НАТО, вызывают тревогу и приводят к риску эскалации. Хотя члены нашей группы имеют разные оценки ключевых причин этого кризиса, мы выражаем озабоченность, что такое нарастание напряжённости между Россией и НАТО делает всё более реальной угрозой опасной конфронтации.

Принимая во внимание складывающуюся ситуацию, мы призываем лидеров наших государств продемонстрировать политическую волю для того, чтобы уменьшить риск военного конфликта. Необходимо предпринять действия в военной сфере и сфере безопасности независимо от того, приведут ли они к прогрессу в решении серьёзных политических споров между нашими странами. По нашему мнению, такие шаги могут способствовать созданию атмосферы, в которой решение этих сложных политических вопросов станет более достижимым.

Мы предлагаем комплекс мер, отдавая себе отчёт в том, что не все из этих шагов могут быть осуществлены немедленно. Подробные рекомендации, которые изложены ниже, затрагивают следующие темы:

1. Возобновление практического диалога между Россией и НАТО и прямых контактов между командным составом вооружённых сил и экспертами России и государств – членов НАТО.

2. Разработка общих правил, которые уменьшат риск ненамеренных инцидентов на суше, море и в воздухе.

3. Укрепление стабильности посредством повышения транспарентности, воздержания от опасной военной деятельности и путём создания каналов связи, которые помогут не допустить эскалации возможных инцидентов.

4. Использование и, возможно, дополнение Основополагающего акта Россия – НАТО от 1997 года в целях кодификации сдержанности, транспарентности и мер доверия.

5. Выявление возможных мер ограничений на развёртывание обычных вооружённых сил НАТО и России в Европе в целях повышения транспарентности и укрепления стабильности.

6. Создание консультационного механизма между Россией и США/НАТО по вопросам ракет промежуточной (средней) дальности и противоракетной обороны в целях предотвращения новой гонки ракетно-ядерных вооружений в Европе.

7. Сохранение Договора по открытому небу.

1. Необходимость диалога

1.1. Предлагается активизировать политический диалог на уровне послов в Совете Россия – НАТО, включая проведение брифингов военных экспертов по мере необходимости.

1.2. В ходе процесса анализа «НАТО-2030» России и странам – членам НАТО следует провести оценку отношений между Россией и НАТО с целью возобновления диалога между военными. В то время как практическое сотрудничество между Россией и НАТО в основном остаётся приостановленным, такой диалог следует рассматривать не как отход НАТО от политики «никакого бизнеса как обычно», а как шаг, который необходим для повышения предсказуемости и снижения риска перерастания военных инцидентов на море, в воздушном пространстве и на суше в военный конфликт.

1.3. В случае достижения какой-либо формальной или неформальной договорённости могут предприниматься первоначальные шаги в виде параллельных односторонних мер, не требующих заключения формального соглашения между Россией и НАТО или отдельными странами – членами НАТО, которое может оказаться политически труднодостижимым.

1.4. Проводить регулярные встречи начальника Генерального штаба ВС РФ, председателя Комитета начальников штабов ВС США, ВГК ОВС НАТО в Европе и председателя Военного комитета НАТО с участием военных экспертов для решения возникающих актуальных вопросов.

1.5. Кроме того, надо возобновить контакты между Россией и государствами – членами НАТО на уровне военных представителей в Военном комитете НАТО и воссоздать российскую военную миссию связи при штабе ВГК ОВС НАТО в Европе. –1.6. Также необходимо расширить военные контакты на форумах ОБСЕ для обеспечения более эффективного и всеобъемлющего формата обсуждений и оперативного принятия решений по вопросам военной деятельности.

1.7. Рассмотреть вопрос о создании специальных каналов связи или «горячих линий» Россия – НАТО в чувствительных регионах, в частности Балтийском и Черноморском регионах, а также в районе Крайнего Севера.

1.8. Рекомендации этого доклада касаются главным образом каналов связи Россия – НАТО. Однако некоторые из этих рекомендаций могут быть открыты для обсуждения и участия других стран, таких как Швеция и Финляндия в Балтийском регионе и регионе Крайнего Севера, Украина и Грузия в Черноморском регионе.

2. Предотвращение инцидентов

2.1. Предотвращение инцидентов и, если они произошли, их деэскалация – самый важный вопрос, связанный с взаимодействием военных. Странам – членам НАТО и России, а также другим европейским государствам необходимо совместно сформулировать минимальный набор реалистических мер, которые были бы приняты обеими сторонами через официальные соглашения, неформальные договоренности или через параллельные скоординированные шаги. Они могут быть не оформлены юридически, но должны иметь реальную силу и позволить на деле снизить уровень взаимной напряженности.

2.2. НАТО и Россия должны выработать набор единых совместных правил, которые определяли бы минимальные расстояния при сближении самолетов и кораблей, а также порядок взаимодействия экипажей. С этой целью можно было бы возобновить совместную работу в рамках Инициативы по сотрудничеству в воздушном пространстве, одной из задач которой было укрепление мер доверия вдоль линии соприкосновения России и НАТО. Для решения этой задачи стороны могли бы возобновить действовавший ранее обмен навигационными данными о воздушной обстановке вдоль западной границы России со странами-членами НАТО.

2.3. В качестве одного из вариантов урегулирования инцидентов можно взять как основу для дополнительных двусторонних и многосторонних договоренностей советско-американское Соглашение о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним от 1972 года, а также 11 подобных соглашений между странами – членами НАТО и Россией. Следует использовать и опыт американо-китайского Соглашения о предотвращении инцидентов 2014 года и Протокола 2015 года, которые комбинируют принципы предотвращения инцидентов на море и предотвращения инцидентов в военной деятельности в целом.

2.4. Россия и США должны достичь договорённости по уведомлениям относительно патрулирования и полетов тяжёлых бомбардировщиков вблизи границ другой стороны подобно уведомлениям, которыми они обмениваются по пускам МБР и БРПЛ.

2.5. НАТО и России необходимо разработать и ввести стандартизированные процедуры для деэскалации военных инцидентов и конфликтов. Им следует проводить совместные командно-штабные учения для подготовки к деэскалации. Для снижения рисков и создания инструментария «деконфликтизации» в регионах Балтийского и Чёрного морей, а также Крайнего Севера следует выработать совместный механизм, аналогичный российско-американскому механизму предотвращения инцидентов в Сирии.

3. Обеспечение стабильности

3.1. Государства – члены НАТО и Россия должны подтвердить взаимные политические обязательства по Основополагающему акту Россия-НАТО от 1997 года и Заключительному акту конференции государств-участников ДОВСЕ от 1999 года, согласно которым НАТО и Россия согласились воздерживаться от постоянного развертывания дополнительных существенных боевых сил в районах, которые расположены вблизи территории другой стороны в Европе.

3.2. Россия и НАТО должны рассмотреть возможность взаимных ограничений или дальнейших параллельных односторонних обязательств в отношении масштабов и охвата военной деятельности в прилегающих районах или количественных уровней вооруженных сил, постоянно дислоцирующихся в таких районах. При этом пороги для предварительного уведомления и обязательного наблюдения должны быть значительно ниже, чем в Венском документе от 2011 года. Такие меры могли бы фокусироваться на Балтийском регионе (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Польша и Германия), Калининграде и Западном военном округе России.

3.3. Государства – члены НАТО и Россия должны рассмотреть возможность включения в меры транспарентности ударных неядерных систем промежуточной (средней) дальности наземного и морского базирования (например, крылатые ракеты), которые могут находиться за пределами зон соприкосновения, в том случае, когда такие системы задействованы в учениях и военных операциях, проводимых в зонах соприкосновения.

3.4. Россия и страны – члены НАТО должны воспользоваться опытом советско-американского Соглашения о предотвращении опасной военной деятельности от 1989 года. Одно из требований этого соглашения заключалось в проявлении сдержанного поведения войск в районе границ. Стороны должны рассмотреть возможность установления зон, в которых не проводились бы учения, например, в 5–10 километрах от границ. При этом необходимы ограничения на численность личного состава и на некоторые виды военной техники.

3.5. Россия и НАТО могли бы согласиться проводить крупные военные учения, как правило, на существенной с военной точки зрения дистанции от общих границ при учёте специфики тех или иных зон соприкосновения. Они должны рассмотреть, как сократить регулярность и уменьшить масштабы военной деятельности по количеству привлекаемых войск и географическому охвату, в частности, ограничить учения вблизи границ. В целом надо проводить учения ответственно, а не провокационно.

3.6. Что касается проведения внезапных учений (по тревоге), которые остаются источником напряженности и не подпадают под предварительные уведомления, необходимо установить режим взаимной транспарентности на высоком военном уровне между Россией и НАТО. С этой целью следует осуществлять «тихое уведомление» с тем, чтобы информация о таких учениях конфиденциально передавалась на высоком уровне другой стороне, не предупреждая заранее свои войска,

которые участвуют в этих учениях. «Тихое уведомление» может также применяться при переброске многонациональных сил с извещением в последний момент. Соответствующим уровнем для такого режима информирования был бы уровень начальника Генерального штаба ВС РФ и ВГК ОВС НАТО в Европе.

4. Основополагающий акт Россия – НАТО

4.1. Если между НАТО и Россией будут достигнуты договорённости о дополнительных мерах доверия, транспарентности и сдержанности, их можно включить в дополнительные протоколы к Основополагающему акту Россия – НАТО от 1997 года.

4.2. НАТО и Россия могли бы также договориться об определении параметров взаимных мер сдержанности, которые содержатся в Основополагающем акте, таких как «развёртывание дополнительных существенных боевых сил постоянного базирования». В частности, установить эквивалент - одна бригада и одно воздушное крыло (один авиаполк) на одну страну или военный округ России.

4.3. В случае осуществления этих мер и значительного прогресса в разрешении политических разногласий между НАТО и Россией, стороны могли бы договориться разработать новый Кодекс поведения для обеспечения европейской безопасности, к которому могли бы присоединиться другие европейские страны помимо России и стран – членов НАТО.

5. Возможные договорённости по обычным вооружённым силам в Европе

5.1. Меры укрепления доверия и возможные меры сдержанности должны обеспечивать эффективную коллективную и индивидуальную оборону для всех государств региона, больших и малых, с целью укрепления стабильности и повышения транспарентности, предотвращения неожиданностей и минимизации рисков эскалации. Договорённости об этом можно оформить в виде политических обязательств.

5.2. Россия и НАТО должны начать переговоры о мерах по ограничению гонки вооружений в Европейском регионе исходя из того, что нынешние уровни развёрнутых сил являются достаточными. Эта договорённость должна быть направлена в основном на ограничение дестабилизирующей концентрации сил и некоторых видов деятельности в рамках оперативной подготовки.

5.3. Обе стороны должны рассмотреть и обсудить потенциально дестабилизирующий потенциал некоторых видов неядерных вооружений высокой точности и большой дальности в целях проявления сдержанности и обеспечения транспарентности в этой сфере. Они могут разработать меры транспарентности в отношении обычных ударных вооружений и сил, которые расположены вне зоны непосредственного соприкосновения России и НАТО. Это касается военно-морских сил и дальней авиации, а также тех вооружений, дальность действия которых позволяет достигать Европы (это касается вооружений, не включённых в Договор СНВ-3).

5.4. Разрабатываемые меры транспарентности должны идти значительно дальше того, что предусмотрено Венским документом 2011 года, и приниматься с учё-

том опыта Договора об обычных вооруженных силах в Европе от 1990 года, Соглашения об адаптации ДОВСЕ от 1999 года и расширения сферы их применения.

5.5. Мы рекомендуем провести анализ Венского документа от 2011 года, имея в виду распространение его положений на крупномасштабные военные учения и другие операции с участием военно-морских сил и крупных соединений ВВС и ПВО, баллистических и крылатых ракет в обычном снаряжении наземного, авиационного и морского базирования, а также частей тыла и связи.

5.6. Государства-члены НАТО и Россия должны ввести в практику параллельные односторонние меры в области контроля над вооружениями, координируя их заранее, когда это практически осуществимо, и предпринимая соответствующие ответные шаги.

6. Европейская ПРО и ракетные силы промежуточной дальности

6.1. России и США/НАТО следует провести консультации по ПРО как стратегической и нестратегической, так ядерной и неядерной, с целью достижения большей транспарентности и преодоления существующих разногласий.

6.2. Стороны должны рассмотреть способы преодоления расхождений между заявленным НАТО намерением не развёртывать в Европе ракеты наземного базирования в ядерном оснащении и Россией, предложившей мораторий на развёртывание в Европе ракет средней (промежуточной) дальности в ядерном или обычном оснащении. В качестве первого шага можно было бы договориться о взаимных мерах транспарентности в отношении существующих ракетных систем.

6.3. Россия, США и другие страны – члены НАТО должны повысить транспарентность по сравнению с нынешними возможностями, осуществляя ежегодный обмен планами развития ПРО на ближайшие 10 лет, а также путем создания Центра обмена информацией и уведомлений о новых элементах ПРО, достигших оперативной готовности.

7. Договор по открытому небу

7.1. Участники диалога поддерживают сохранение Договора по открытому небу от 1992 года как одного из немногих остающихся инструментов транспарентности, предназначенных для укрепления доверия между государствами-участниками в Европе.

7.2. Мы должны сосредоточить внимание на последствиях выхода США из Договора по открытому небу от 1992 года для остающихся 33 государств-участников и на том, как сохранить этот Договор. Другим государствам-участникам, включая Россию, следует остаться в рамках данного Договора в течение достаточного времени, чтобы убедиться, как он будет функционировать в этих условиях, и дать время Соединенным Штатам для возможного возвращения в Договор. России и США, а также другим государствам-участникам следует обсудить свою озабоченность выполнением Договора и попытаться найти согласованные решения.

7.3. Рассмотреть возможность совместных дипломатических инициатив с целью обеспечить возврат США к соблюдению Договора по открытому небу.

Список подписавших заявление

Примечание. Каждый из подписавших эти рекомендации согласен с большинством положений, но не обязательно со всеми.

Место работы указано в целях идентификации

1. **Бенуа Д'АБОВИЛЬ**, бывший посол и постоянный представитель при НАТО, вице-президент Фонда стратегических исследований (ФРС), Франция;
2. **Алексей Георгиевич АРБАТОВ**, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН;
3. **Надежда Константиновна АРБАТОВА**, заведующая Отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН;
4. **Джон БАЙЕРЛИ**, бывший посол США в России и Болгарии, Председатель фонда USRF;
5. **Валерий Петрович БАРАНОВ**, генерал-полковник в отставке, генеральный инспектор Министерства обороны РФ;
6. **Владимир Георгиевич БАРАНОВСКИЙ***, член дирекции ИМЭМО РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа, академик РАН;
7. **Александра БЕЛЛ***, бывший директор по стратегическим связям в канцелярии заместителя государственного секретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности, программный директор Центра по контролю над вооружениями и нераспространению;
8. **Роберт БЕЛЛ***, бывший помощник Президента США, бывший советник Генерального секретаря НАТО; почётный профессор, Технологический институт Джорджии;
9. **Уильям БЕРНС**, Президент Фонда Карнеги за международный мир, заместитель Государственного секретаря США (2011–2014), бывший посол США в Российской Федерации и Иордании;
10. **Александр Александрович БЕССМЕРТНЫХ**, бывший Министр иностранных дел СССР, бывший посол СССР в США, президент Внешнеполитической ассоциации России;
11. **Джеймс БИНДЕНАГЕЛ***, почётный профессор Центра передовых стратегий обеспечения безопасности и интеграционных исследований, Боннский университет;
12. **Ханс БЛИКС**, бывший министр иностранных дел Швеции, бывший генеральный директор МАГАТЭ, исполнительный председатель Комиссии ООН по мониторингу, верификации и инспекциям;
13. **Дитер БОДЕН**, бывший посол Германии в ОБСЕ, Потсдам;
14. **Майкл БОЙС**, адмирал, бывший начальник штаба обороны, первый морской лорд Королевского флота; член Палаты лордов Великобритании;
15. **Ульрих БРАНДЕНБУРГ**, посол Германии в НАТО (2007–2010), посол Германии в России (2010–2014);
16. **Дез БРАУН**, председатель Европейской сети лидеров, заместитель председателя Инициативы по сокращению ядерной угрозы, координатор «Группы высокого уровня», бывший Министр обороны Великобритании;

* Член экспертной группы.

17. **Филип БРИДЛАВ***, генерал ВВС США в отставке, почётный профессор, Школа международных отношений Сэма Нанна, Технологический институт Джорджии; бывший командующий Европейским командованием вооружённых сил США и Верховный главнокомандующий Объединённых вооружённых сил НАТО в Европе;

18. **Карл-Хайнц БРУННЕР**, член Парламента, официальный представитель Подкомитета по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению Бундестага ФРГ, Берлин;

19. **Корентин БРУСТЛЕЙН**, Директор Центра исследований безопасности, Франция

20. **Евгений Петрович БУЖИНСКИЙ ***, генерал-лейтенант запаса, вице-президент РСМД, председатель совета ПИР-центра;

21. **Денис Алексеевич БУКОНКИН***, директор общественного объединения «Центр изучения внешней политики и безопасности», Минск, Беларусь;

22. **Эндрю ВЕБЕР**, бывший помощник министра обороны по ядерным, химическим и биологическим оборонным программам, старший научный сотрудник, Совет по стратегическим рискам;

23. **Александр ВЕРШБОУ***, помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (2009–2012), заместитель генерального секретаря НАТО (2012–2016), бывший посол США в России, Южной Корее, НАТО, заслуженный научный сотрудник Пенсильванского университета; почётный член Атлантического совета;

24. **Клаус ВИТТМАН**, старший научный сотрудник института Аспена, Германия;

25. **Карстен ВОЙГТ**, бывший член Парламента и Президент Парламентской ассамблеи НАТО, бывший координатор германо-американских отношений в МИД ФРГ;

26. **Федор Генрихович ВОЙТОЛОВСКИЙ**, директор ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН;

27. **Хельмут ГАНСЕР**, бригадный генерал в отставке, советник по вопросам обороны делегации Германии в НАТО (2004–2008), Брюссель;

28. **Валерий Николаевич ГАРБУЗОВ**, директор Института США и Канады РАН;

29. **Томас ГОМАР**, директор Французского института международных исследований (IFRI);

30. **Чарльз ГРАНТ**, директор Центра европейской реформы, Великобритания;

31. **Руслан Семёнович ГРИНБЕРГ**, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН;

32. **Райнер ГЛАТЦ**, генерал-лейтенант в отставке, бывший Командующий Объединённым командованием вооружённых сил ФРГ, Потсдам;

33. **Франсуа ЛЕ ГОФФ**, Генеральный секретарь франко-немецко-британского Клуба Трёх;

34. **Филипп ГРЕСЬЯНО**, профессор, Университет Гренобль-Альпы, член Центра международной безопасности и сотрудничества ЕС, Франция;

35. **Александр ГРЕФ**, научный сотрудник, Гамбургский институт изучения проблем мира и политики безопасности;

36. **Алексей Анатольевич ГРОМЫКО****, директор Института Европы РАН, член-корреспондент, РАН;

** Сопредседатель экспертной группы.

37. **Вольфганг ГЮНШЕ**, бывший военный советник министерства иностранных дел Германии по вопросам безопасности, контроля над вооружениями и разоружения;

38. **Льюис ДАНН***, бывший посол США на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия;

39. **Дмитрий Александрович ДАНИЛОВ***, заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН;

40. **Кристофер ДЭВИС***, профессор в Оксфордском университете;

41. **Виктор Иванович ЕСИН***, генерал-полковник в отставке, ведущий научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН, бывший начальник Главного штаба РВСН;

42. **Валерий Петрович ЖУРАВЕЛЬ**, полковник в отставке, главный советник департамента международной безопасности аппарата Совета Безопасности Российской Федерации (2009–2014 гг.), руководитель Центра арктических исследований Института Европы РАН;

43. **Виталий Владимирович ЖУРКИН**, почётный директор Института Европы РАН, академик РАН;

44. **Андрей Владимирович ЗАГОРСКИЙ***, заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов ИМЭМО РАН;

45. **Дов ЗАКХАЙМ**, вице-председатель Центра национальных интересов, бывший заместитель министра обороны США;

46. **Вольфганг ЗЕЛЬНЕР**, старший научный сотрудник и бывший заместитель директора, Гамбургский институт изучения проблем мира и политики безопасности;

47. **Павел Семенович ЗОЛОТАРЁВ***, ведущий научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН, генерал-майор в отставке;

48. **Владислав ЗУБОК**, профессор Лондонской школы экономики;

49. **Игорь Сергеевич ИВАНОВ**, министр иностранных дел РФ (1998–2004), секретарь Совета Безопасности Российской Федерации (2004–2007), президент Российского совета по международным делам (РСМД), член-корреспондент РАН;

50. **Игорь Викторович ИСТОМИН**, старший преподаватель кафедры прикладного международного политического анализа МГИМО;

51. **Томас КАНТРИМЕН***, Председатель Ассоциации контроля над вооружениями, бывший помощник государственного секретаря по вопросам международной безопасности и нераспространения;

52. **Винченцо КАМПОРИНИ**, бывший начальник Генерального штаба вооруженных сил Италии, бывший начальник Главного штаба ВВС Италии;

53. **Пер КАРЛСЕН**, бывший помощник министра обороны (Дания), бывший посол в Литве, России и Латвии

54. **Юхани КАСКЕАЛА**, старший адмирал Финляндии, бывший начальник обороны финских сил (2001–2009);

55. **Берт КЕНДЕРС**, бывший Министр иностранных дел Нидерландов;

56. **Родерих КИЗЕВЕТТЕР**, депутат Бундестага от партии ХДС и бывший офицер Генерального штаба Бундесвера (полковник Бундесвера в отставке);

57. **Поль КИЛЕС**, Президент Инициативы по ядерному разоружению (IDN), бывший министр обороны Франции, бывший президент Комиссии Национального собрания Франции по национальной обороне и Вооружённым силам;

58. **Дарил КИМБЕЛ**, исполнительный директор Ассоциации контроля над вооружениями;

59. **Евгений Михайлович КОЖОКИН**, бывший директор Российского института стратегических исследований, декан факультета международных отношений и регионоведения РГГУ;

60. **Лоуренс КОРБ***, капитан ВМС в отставке, старший научный сотрудник Центра американского прогресса и старший советник Центра оборонной информации, бывший заместитель министра обороны в администрации Рейгана;

61. **Пирс КОРДЕН***, Американская ассоциация развития науки; бывший начальник отдела Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению; научный сотрудник Центра по науке, технологиям и политике безопасности;

62. **Андрей Вадимович КОРТУНОВ***, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД);

63. **Майкл КОФМАН***, директор программы по изучению России, CNA Corporation; научный сотрудник Института Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона;

64. **Олег Олегович КРИВОЛАПОВ***, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН;

65. **Мадлен КРИДОН**, председатель Рабочей группы по ядерной безопасности, профессор Университета Джорджа Вашингтона, бывший помощник министра обороны США по глобальной безопасности, бывший заместитель директора Национальной администрации ядерной безопасности;

66. **Валентин Сергеевич КУЗНЕЦОВ***, вице-адмирал в отставке, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН, бывший Главный военный представитель РФ в НАТО;

67. **Ульрих КЮН**, глава программы по контролю над вооружениями и новым технологиям, Гамбургский институт изучения проблем мира и политики безопасности;

68. **Хенрик ЛАРСЕН**, старший научный сотрудник, Центр исследований в области безопасности, Швейцарский федеральный институт технологий;

69. **Роберт ЛЕГВОЛЬД**, профессор Колумбийского Университета;

70. **Имантс ЛИЕГИС**, бывший посол Латвии во Франции и в Венгрии, министр обороны Латвии (2009–2010), исполняющий обязанности министра юстиции (2009–2010);

71. **Родерик ЛИН**, бывший посол Великобритании в России;

72. **Осман ФАРУК ЛОГОГЛУ**, бывший посол Турции в США, бывший заместитель министра иностранных дел;

73. **Владимир Петрович ЛУКИН**, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол;

74. **Рюдигер ЛЮДЕКИНГ**, бывший посол, бывший заместитель Главы Комиссии Правительства ФРГ по разоружению и контролю над вооружениями;

75. **Могенс ЛЮККЕТОФТ**, бывший министр финансов, бывший министр иностранных дел, спикер Парламента, Дания. Председатель Генеральной Ассамблеи ООН (2015–2016).

76. **Дуглас ЛЮТ***, генерал-лейтенант в отставке, постоянный представитель США в НАТО (2013-2017); старший научный сотрудник, Белферский центр, Гарвардский университет;

77. **Джон МАККОЛ**, генерал в отставке, бывший заместитель Верховного главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе, вице-губернатор Джерси, Великобритания;

78. **Майкл МАКЛЭЙ**, Председатель франко-немецко-британского Клуба Трёх;

79. **Эдуард Рубенович МАЛАЯН**, бывший посол РФ в Мексике, Люксембурге, Ямайке;

80. **Янош МАРТОНИ**, бывший министр иностранных дел Венгрии;

81. **Джайлс МЕРРИТТ**, основатель и председатель организации «Друзья Франции»;

82. **Оливер МЕЙЕР***, заместитель начальника отдела международной безопасности Немецкого института международных отношений и безопасности;

83. **Виктор Игоревич МИЗИН***, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН;

84. **Мира МИЛОШЕВИЧ-ХУАРИСТИ**, ведущий научный сотрудник по России и Евразии Института Элькано, Испания;

85. **Тьерри ДЕ МОНБРИАЛЬ**, основатель и председатель Французского института международных исследований (IFRI); иностранный член РАН;

86. **Эммануэль МЭТР**, научный сотрудник Фонда стратегических исследований, Франция;

87. **Джозеф НАЙ**, заслуженный профессор Гарвардского университета; помощник заместителя госсекретаря; заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности; бывший декан Гарвардской школы управления имени Джона Кеннеди;

88. **Клаус НАУМАНН**, генерал в отставке, бывший начальник штаба Бундесвера вооружённых сил Германии (1991–1996), бывший председателя Военного комитета НАТО (1996–1999);

89. **Александр Иванович НИКИТИН***, директор Центра Евroatлантической безопасности МГИМО МИД РФ, профессор МГИМО, МГУ и ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, почётный президент Российской ассоциации политической науки;

90. **Бернар НОРЛЕН**, генерал в отставке, бывший командующий ПВО Франции, бывший командующий боевой авиацией ВВС Франции;

91. **Михаил Григорьевич НОСОВ**, главный научный сотрудник Института Европы РАН, член-корреспондент РАН;

92. **Сергей Константинович ОЗНОБИЩЕВ***, заведующий Сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов ИМЭМО РАН;

93. **Ольга ОЛИКЕР***, программный директор по Европе и Азии, International Crisis Group;

94. **Януш ОНЫШКЕВИЧ**, бывший министр обороны Польши;

95. **Бенжамин ОТКУВЕРТЮР**, старший научный сотрудник Фонда стратегических исследований, Франция;

96. **Стивен ПАЙФЕР***, бывший посол США на Украине, старший научный сотрудник-нерезидент Брукингского Института и научный сотрудник Стэнфордского университета;

97. **Павел Русланович ПАЛАЖЧЕНКО***, руководитель службы международных связей, Горбачев-Фонд;

98. **Александр Николаевич ПАНОВ**, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, бывший посол России в Норвегии, Южной Корее, Японии, бывший заместитель министра иностранных дел РФ;

99. **Джампаоло ДИ ПАОЛА**, бывший министр обороны Италии, председатель Военного комитета НАТО;

100. **Соломон ПАССИ**, бывший председатель Совета безопасности ООН, бывший Министр иностранных дел Болгарии;

101. **Уильям ПЕРРИ**, бывший министр обороны США, директор Проекта превентивной защиты, Комитет по международной безопасности и контролю над вооружениями; старший научный сотрудник, Институт международных исследований имени Фримана Сполли;

102. **Томас ПИКЕРИНГ**, бывший заместитель государственного секретаря, посол США в Иордании, Нигерии, Сальвадоре, Израиле, Организации Объединенных Наций, Индии и России;

103. **Фридрих ПЛЕГЕР**, генерал-лейтенант в отставке, ВВС Германии, бывший заместитель главнокомандующего ВВС НАТО (2010–2013);

104. **Рупрехт ПОЛЕНЦ**, президент Ассоциации восточноевропейских исследований в Германии, бывший председатель Комитета по международным делам Бундестага;

105. **Уильям ПОТТЕР**, директор, Центр исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, профессор, Миддлберийский Институт международных исследований в Монтерее, США; иностранный член РАН;

106. **Кевин РАЙАН***, бригадный генерал в отставке, сотрудник Белферского центра науки и международных отношений, член американо-российской инициативы по предотвращению ядерного терроризма, исполнительный директор по исследованиям Белферского центра (2010–2013); бывший атташе по обороне в посольстве США в России;

107. **Даниэла де РИДДЕР**, депутат и вице-президент Комитета по внешней политике Бундестага;

108. **Малкольм РИФКИНД**, бывший член Парламента от Консервативной партии, Министр иностранных дел (1995–1997) и министр обороны (1992–1995) Великобритании, председатель Комитета по разведке и безопасности,

109. **Вольфганг РИХТЕР***, полковник в отставке, старший научный сотрудник отдела исследований международной безопасности Немецкого института международных отношений и безопасности;

110. **Дэвид РИЧАРДС**, генерал в отставке, бывший Начальник штаба вооружённых сил Соединенного Королевства, член Палаты лордов;

111. **Ален РИШАР**, французский сенатор; Бывший министр обороны Франции (1997–2002);

112. **Синтия РОБЕРТС***, профессор политических наук, Хантерский колледж, городской университет Нью-Йорка; старший научный сотрудник, Институт исследований войны и мира Зальцмана, Колумбийский университет;
113. **Джордж РОБЕРТСОН**, бывший генеральный секретарь НАТО; Бывший государственный секретарь Великобритании по вопросам обороны;
114. **Сергей Михайлович РОГОВ****, научный руководитель Института США и Канады РАН, руководитель Секции по глобальной безопасности Научного совета при Совете Безопасности РФ, академик РАН;
115. **Горан СВИЛАНОВИЧ**, бывший генеральный секретарь Совета регионального сотрудничества, Сербия;
116. **Летисия СЕН-ПОЛЬ**, французский политик, вице-президент Национальной Ассамблеи;
117. **Владимир СЕНЬКО**, бывший Министр иностранных дел Республики Беларусь, бывший посол Белоруссии в Великобритании;
118. **Стефано СИЛЬВЕСТРИ**, старший научный советник Istituto Affari Internazionali (IAI), бывший заместитель государственного секретаря по обороне, бывший президент IAI (2001–2013);
119. **Хавьер СОЛАНА**, бывший генеральный секретарь НАТО;
120. **Анжела СТЕНТ**, Директор Центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, Джорджтаунский университет, старший внештатный сотрудник Брукингского института;
121. **Наталья Владиславовна СТЕПАНОВА***, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН;
122. **Стефано СТЕФАНИНИ**, бывший Постоянный представитель в НАТО, бывший дипломатический советник президента Италии;
123. **Грег ТИЛЬМАНН***, член правления Ассоциации по контролю над вооружениями, член американо-российско-германского проекта «Deep Cuts Commission»;
124. **Александр Иванович ТИХАНСКИЙ***, полковник запаса, профессор Академии военных наук РФ, военный аналитик Минск, Беларусь;
125. **Адам ТОМСОН***, Директор Европейского сети лидеров, Постоянный представитель Великобритании в НАТО (2014–2016);
126. **Натали ТОЧЧИ**, Директор Института международных отношений (IAI), Рим;
127. **Дмитрий Витальевич ТРЕНИН**, директор Московского Центра Карнеги;
128. **Вячеслав Иванович ТРУБНИКОВ**, генерал армии в отставке, член дирекции ИМЭМО РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, первый заместитель министра иностранных дел России (2004–2009);
129. **Строуб ТЭЛБОТТ**, заслуженный научный сотрудник программы внешней политики Института Брукинга, заместитель государственного секретаря (1994–2001 годы), президент Института Брукинга (2002–2017);
130. **Джон ТЭФФТ**, бывший посол США в России, Украине, Грузии и Литве;
131. **Вигаудас УШАЦКАС***, член совета директоров Avia Solutions Group, бывший министр иностранных дел Литвы, посол Литвы в США, Мексике и Великобритании; посол ЕС в Афганистане и России;

132. **Уте ФИНК-КРАМЕР**, бывший депутат Бундестага, комитет по международным отношениям, подкомитет по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению, член Парламентского объединения по ядерному разоружению и нераспространению (PNND);

133. **Марк ФИНО***, старший советник, руководитель Совета по распространению оружия и дипломатической торговли, Женевский Центр политики безопасности – GCSP;

134. **Корнелиус ФРИЗЕНДОРФ**, Глава Центра ОБСЕ по исследованиям, Гамбургский институт изучения проблем мира и политики безопасности;

135. **Дэвид ХАННЕЙ**, бывший посол Великобритании в ЕС и ООН, председатель межпартийной парламентской Группы по глобальной безопасности и нераспространению в Парламенте Великобритании;

136. **Джон ХАНТСМАН**, бывший посол США в России, Китае и Сингапуре, бывший губернатор штата Юта;

137. **Рюдигер ХАРТМАНН**, бывший посол, бывший член Комиссии по разоружению и контролю над вооружениями Федерального Правительства Германии;

138. **Франсуа ХЕЙСБУР**, председатель и специальный советник, Международный институт стратегических исследований, Франция;

139. **Курт ХЕРРМАНН**, генерал-лейтенант в отставке, бывший глава Военной миссии связи НАТО в Москве, бывший директор Агентства НАТО по связи и информации;

140. **Матиас ХЁН**, член Парламента, председатель Подкомитета по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению в Бундестаге, Берлин;

141. **Свен ХИРДМАН**, посол Швеции в России (1994–2004), государственный секретарь Министерства обороны Швеции (1979–1982);

142. **Ханс-Дитер ХОЙМАН**, бывший посол, бывший президент Федеральной Академии по вопросам политики безопасности в Берлине;

143. **Хайнер ХОРСТЕН**, бывший посол, постоянный представитель ФРГ в ОБСЕ в Вене (2008–2012);

144. **Хельмут ХОФФМАН**, бывший посол, бывший представитель ФРГ на Конференции по разоружению в 2009–2013 гг.;

145. **Ханс ХЮБНЕР**, бригадный генерал в отставке, бывший директор Центра ФРГ по контролю над вооружениями и верификации, Гайленкирхен;

146. **Ута ЦАПФ**, бывший председатель подкомитета по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению ядерного оружия при Комитете по иностранным делам Бундестага;

147. **Хикмет ЧЕТИН**, бывший министр иностранных дел Турции;

148. **Сэм ШАРАП***, старший советник заместителя госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности, 2011–2012;

149. **Павел Александрович ШАРИКОВ***, ведущий научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады РАН;

150. **Рейнер ШВАЛЬБ**, бригадный генерал в отставке, представитель Германии в ОВС НАТО по трансформации (2007–2010), военный атташе в России (2011–2018);

151. **Игорь Николаевич ЩЕРБАК**, ведущий научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН, бывший первый заместитель Постоянного представителя РФ при ООН в Нью-Йорке, представитель РФ в Комиссии ООН по разоружению;
152. **Робби ШЛЮНД**, глава германо-российской парламентской группы Бундестага;
153. **Ханс-Йоахим ШМИДТ**, старший научный сотрудник, Франкфуртский институт исследования проблем мира;
154. **Хартвиг ШПИТЦЕР**, профессор Центра исследования науки и мира, Гамбургский университет;
155. **Михаель ШТААК**, профессор, Гамбургский военный университет им. Гельмута Шмидта;
156. **Армин ШТАЙГИС**, бригадный генерал в отставке, бывший вице-президент Федеральной Академии политики безопасности в Берлине;
157. **Джеймс ЭКТОН**, директор Программы по ядерной политике и старший научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир;
158. **Уффе ЭЛЛЕМАНН-ЕНСЕН**, бывший министр иностранных дел Дании;
159. **Грэм ЭЛЛИСОН**, профессор, основатель Гарвардской школы управления имени Джона Кеннеди; бывший директор Белферского центра Гарвардского университета, бывший помощник министра обороны;
160. **Рой ЭЛЛИСОН***, профессор российских и евразийских международных отношений, директор Центра российских и евразийских исследований, Колледж св. Антония, Оксфордский университет;
161. **Игорь Юрьевич ЮРГЕНС***, президент Всероссийского союза страховщиков, член Правления Российского союза промышленников и предпринимателей, член РСМД.

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300013201-1

Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите

Ю.А. Райков

Московский государственный институт международных отношений (Университет).

Российская Федерация 119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

ORCID: 0000-0001-7105-9438 e-mail: yaraikov@yandex.ru

Статья получена редакцией 6.09.2020.

Резюме: Внешняя политика администрации Дональда Трампа придала новый импульс гонке вооружений, в которой основная ставка делается на удержание американской гегемонии за счёт достижения военного превосходства в космической сфере, где на сегодняшний день США занимают прочные позиции. В статье анализируются причины акцента Соединённых Штатов на развитие военного космоса, в чём Вашингтон видит важный инструмент обеспечения своего превосходства над геополитическими конкурентами.

Раскрываются мотивы политики и действий в космосе США, Китая и России, которые ведут к ещё большей конкуренции и обострению отношений между ведущими мировыми державами, что чревато появлением нового вида вооружённых конфликтов в околоземном пространстве. Взаимные обвинения упомянутых государств в нарушении статус-кво космической сферы и в милитаризации ближайшего космоса усиливают гонку вооружений во всех сферах. В то же время количество государств, участвующих в космической деятельности, как и число ежегодно запускаемых ими спутников, постоянно растёт, что ещё более затрудняет ситуацию, сложившуюся с большим объёмом и плотностью летающих вокруг Земли объектов, а также с космическим мусором.

Ситуацию усугубляет отсутствие признанных международных правовых норм, регулирующих деятельность в ближайшей к Земле космической зоне. Отчётливо проявляется тенденция к противоборству в космосе великих держав, которая сталкивается с оппонирующим ей стремлением к взаимодействию большинства государств, заинтересованных в мирном, стабильном и бесконфликтном освоении космического пространства.

Ключевые слова: Космическая стратегия, околоземное пространство, многодоменные операции, космические войска, орбитальная группировка, пилотируемая космонавтика.

Для цитирования: Райков Ю.А. Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51 (1) 35-52. DOI: 10.31857/S268667300013201-1

Washington's Space Sword: Confrontation in the Orbit

Yuri A. Raikov

Moscow State Institute of International Relations (University).

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7105-9438 e-mail: yaraikov@yandex.ru

Received 6.09.2020.

Abstract: Donald Trump's administration foreign policy has given a new impetus to the arms race, where the main bet is on maintaining American hegemony through achieving military superiority in the space sphere, in which the United States are occupying a fairly strong position. The article analyzes the reasons for the United States' emphasis on the development of military space, which Washington sees as an important tool for ensuring its superiority over its geopolitical competitors. The main motives of the U.S., China and Russia's policies and actions in space are revealed, which lead to even greater competition and aggravation of relations between the leading world powers, which are fraught with the possibility of a new type of armed conflicts in the near-earth space. The mutual accusations of these States in violation of the status quo in the space sphere and the militarization of outer space are intensifying the arms race in all spheres, and Washington's reliance on military space is hindering the achievement of multilateral agreements on common rules for the use of outer space for peaceful purposes, in the interests of all mankind. At the same time, the number of States participating in space activities and the number of satellites they launch each year is constantly growing, which further complicates the situation with the large volume and density of objects flying around the earth, as well as with space debris littering near-earth space. The situation is aggravated by the lack of recognized international legal norms regulating activities in the space zone closest to Earth. There is a clear trend towards confrontation in space between the great powers, which is faced with an opposing desire for interaction among the majority of States interested in the peaceful, stable and conflict-free development of outer space.

Keywords: Space strategy, near-earth space, multi-domain operations, space forces, orbital grouping, manned cosmonautics, strike space groupings

For citation: Yuri A. Raikov. Washington's Space Sword: Confrontation in the Orbit. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2021; 51 (1): 35-52.

DOI: 10.31857/S268667300013201-1

ВВЕДЕНИЕ

Во внешней политике США космической стратегии как сфере соревнования между сверхдержавами на самом высоком уровне научно-технического прогресса всегда уделялось серьёзное внимание. От периода «звёздных войн» – козырной карты администрации Рональда Рейгана, когда США и СССР остро соперничали за постоянное присутствие своих космонавтов на околоземной орбите – до начала XXI века стратегия Вашингтона в отношении развития космической отрасли и космоса в военных целях менялась в соответствии с общим курсом американской внешней политики. Хотя развитие космических технологий, в том числе военных, никогда не прекращалось, в зависимости от политической конъюнктуры отрасль переживала свои периоды спада и подъёмов.

В 1990-х – 2000-х годах в связи с распадом Советского Союза – основного конкурента в космической гонке, внимание США к военному космосу заметно снизилось, уменьшились государственное финансирование соответствующих программ и в целом активность на этом направлении. Китай, чья космическая индустрия только формировалась, был ещё слаб, а Россия из-за резкого сокращения своего промышленного потенциала и ограниченности средств не могла финансировать новые программы, подрабатывая космическим извозом. После хо-

лодной войны Россия и США наладили сотрудничество в космической сфере и даже частично объединили свои космические программы, предприняв совместные исследования на Международной космической станции (МКС). Однако отсутствие стимулирующей конкуренции лишало их былой мотивации к осуществлению крупных, прорывных проектов.

Ситуация резко изменилась к концу первого десятилетия текущего века, когда в космос неожиданно и сверхактивно ворвался Китай, а Россия застала врасплох Вашингтон, успешно восстановив свой военный потенциал и опередив США по некоторым современным системам оружия, в том числе космическим. Успехи конкурентов в космической сфере, особенно создание Россией гиперзвукового оружия вызвали в США большое беспокойство, побудили их сделать основную ставку на сдерживание соперников в сфере, где они имели преимущество, а именно – на развитие космических вооружений.

Обработка мирового общественного мнения и населения внутри страны в направлении готовности к восприятию милитаризации космоса и включения его в возможный театр боевых действий наряду с войнами на земле, в акватории морей и в воздухе активно велась американскими СМИ и политиками на протяжении всего последнего десятилетия.

ПОЛИТИКА США В КОСМОСЕ

Ещё в 2010 г. администрация президента Б. Обамы приняла новую концепцию деятельности в космосе «Национальную космическую политику США» (*National Space Policy of the USA*). Хотя в целом документ имел мирный характер и был направлен на развитие международного сотрудничества, в нём отразилась «решимость американского руководства сохранить и укрепить лидерство страны» в этой ключевой в XXI веке научно-практической и военной сфере деятельности». На фоне риторики «о необходимости превратить космическое пространство в мирную и продуктивную среду на благо всех государств» Вашингтон сделал малозаметный, но твёрдый акцент «на создание космических систем с целью обеспечения национальной безопасности» [1].

В дополнение к этому в январе 2011 г. была опубликована открытая часть «Стратегии национальной безопасности в космосе» (*National Security Space Strategy*). Её посылом во внешний мир стало упоминание о космосе как об «обширной конкурентной среде в сфере производства и использования околоземного пространства» [1]. О войнах в космосе речь тогда ещё не шла. Тем не менее, США последовательно наращивали свой военный потенциал в космической сфере. Так, газета «Вашингтон пост» со ссылкой на источники в военном ведомстве сообщила, что в 2016 г. Министерство обороны потратило на космические программы не менее 22 млрд долл. и ещё 5 млрд инвестировало в космические учения [2].

Став президентом США в январе 2017 г., Дональд Трамп, несмотря на разногласия с лидерами Демократической партии по многим крупным политическим

вопросам, уверенно и последовательно продолжил проводившийся его предшественником-демократом курс на усиление космического компонента американских вооружённых сил. Так, уже 30 июня 2017 г. он подписал указ о возрождении Национального совета по космосу, НСК (*National Space Council, NSC*) [3]. Действовавший ранее (с 1989 г.) аналогичный Совет был распущен в 1993 г., а его функции были переданы Национальному совету по науке и технике. Председателем воссозданного НСК стал вице-президент Майкл Пенс, а в состав совета вошли «профильные» федеральные министры (иностраннных дел, обороны, торговли, транспорта, внутренней безопасности), директор ЦРУ, председатель Комитета начальников штабов (КНШ), помощник президента по национальной безопасности и администратор НАСА.

НСК занимается разработкой национальной космической стратегии, формирует политику США в данной сфере, обеспечивает президента экспертными оценками, осуществляет координацию между гражданским, военным и коммерческим секторами, производящими используемую в космосе продукцию, а также представляет главе государства рекомендации по вопросам международной космической политики. В условиях, когда резко возросло число участников космической деятельности, требуются большие усилия по согласованию национальной космической политики. С этой целью в рамках НСК в декабре 2017 г. была образована Консультативная группа пользователей (*Users' Advisory Group, UAG*). Ей ставилась задача учитывать экспертные знания и интересы в развитии космоса разных участников космической деятельности, включая власти штатов, региональные аэрокосмические организации, различные сообщества и частный бизнес [4].

В марте 2018 г. Белый дом озвучил свой подход к политике в области космоса, в основе которого указывались три основных тезиса:

- «Америка – прежде всего;
- «Превосходство в космосе с опорой на американский дух;
- «Мир с позиции силы» [5].

В духе этих установок 18 июня 2018 г. на совещании в Белом доме с членами НСК Д. Трамп решительно заявил: «Мы не хотим, чтобы Китай, Россия и другие страны опережали нас. Для Америки недостаточно просто сохранять своё присутствие в космосе, ей необходимо доминировать, поэтому процесс формирования космических сил должен начаться немедленно» [6].

Сказано – сделано, и 20 февраля 2019 г. президент Трамп подписал меморандум о создании Космических сил США (*U.S. Space Force*) и Объединённого космического командования (*U.S. Space Command*) (до 2019 г. военнослужащие, занятые в основном обслуживанием военных и разведывательных спутников, входили в состав Космического командования ВВС США, которое было создано ещё в 1982 г. в рамках программы «звездных войн»).

В 2019 г. в Министерстве обороны США, как сообщил журнал «Дифенс ньюс» 14 марта, было создано Агентство космического развития (АКР), полу-

чившее задачу разрабатывать военно-космические программы следующего поколения. Имелось в виду, что «Агентство ускорит использование новых военных возможностей, необходимых для обеспечения технологического и военного преимущества в космосе и объединит усилия военных по разработке и внедрению новых и инновационных решений».

Космические силы (КС) стали шестым видом вооружённых сил США наряду с Сухопутными войсками, ВВС, ВМС, Корпусом морской пехоты и Береговой охраной. Они ориентируются на концепцию глобального ведения боевых действий и обороны и предназначены для осуществления военных операций в космосе. Сегодня КС являются высшим оперативно-стратегическим объединением (командующий – генерал Джон Рэймонд) и в американской военной структуре занимают место, равное основным видам вооружённых сил, таким как ВВС и ВМС. 18 апреля 2020 г. 86 выпускников Военно-воздушной академии США стали первой группой новоиспечённых младших офицеров в космических силах страны [7].

Основными задачами нового вида вооружённых сил, кроме защиты американских интересов в космосе, как это определено в «Стратегии космической обороны», являются «отражение агрессии и проецирование военной силы в космосе, из космоса и в космос». То есть, в функции вновь созданного Объединённого космического командования вошли планирование проведения боевых операций в космосе и руководство космическими силами на этом ТВД [8].

Авторы «Стратегии космической обороны» подчёркивают, что «Министерство обороны США приступает к самым значительным преобразованиям в истории космической программы, призванной обеспечить национальную безопасность. Мы задействуем космическую мощь, чтобы конкурировать, сдерживать и побеждать в обстановке, характеризующейся соперничеством великих держав» [8].

На реализацию стратегии нацелен постоянно усиливающийся американский военный потенциал. На сегодняшний день США располагают самой крупной среди государств, занимающихся космической деятельностью, группировкой спутников, в том числе спутников военного назначения. Орбитальная группировка США, включая военную и разведывательную, насчитывает 576 космических аппаратов (для сравнения: российская группировка насчитывает 140, китайская – 181, у прочих стран – 522 [9]).

Как сообщила гонконгская газета «Саут Чайна морнинг пост», Агентство космического развития США уже заявило о плане по запуску в 2024 г. 150 спутников для слежения за гиперзвуковым оружием. Эта мера направлена на то, чтобы контролировать обстановку в космическом пространстве, внимательно наблюдая за действиями Китая [10].

СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННО-КОСМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Развитие военной стратегии вывело США на следующий высокий уровень глобальной вооружённой конфронтации – перемещение гонки вооружений в космическое пространство. Приоритетом внешней политики Д. Трампа стало формирование мощной космической группировки, с помощью которой планируется восстановить утраченную подавляющую военную мощь США, подтянув её до такого уровня, чтобы было возможно сломить любого потенциального противника.

Развёртывая очередную гонку вооружений, теперь уже в космосе, Вашингтон рассчитывает, что, опередив соперников на старте, США получат превосходство над ними. Уверенность Д. Трампа и его военным стратегам придаёт наличие преимуществ, которым сегодня США располагают в космической сфере, превосходя Россию и Китай как по числу космических запусков, так и по мощи орбитальной группировки спутников. Россия, полагают в Вашингтоне, не сможет выдержать длительную космическую гонку из-за нехватки средств и слабости своего промышленного потенциала. Китай же, рассчитывают они, проиграет соревнование в космосе из-за отсутствия у него достаточного опыта космической деятельности и проводимой США активной политики военного сдерживания и экономической блокады.

В целом администрация Д. Трампа внесла заметный вклад в развитие военной составляющей космической отрасли. США лидируют в освоении и использовании космического пространства, в то время как Россия и Китай постепенно подтягиваются к лидеру космической гонки. В ведении Командования космических сил находится внушительная группировка космических аппаратов различного назначения, которая отвечает за разведку и наблюдение за потенциально опасными для США районами, используется в обеспечении связи и навигации, а также решает иные задачи военного и двойного назначения.

Структура космических сил США состоит из следующих компонентов:

Командование космических операций (штаб-квартира находится на авиабазе Ванденберг, Калифорния),

Первая армейская космическая бригада,

Командование космических и военно-морских систем ВМС США,

Операционный центр военно-морских спутников,

Центр космических и ракетных систем (Лос-Анджелес, Калифорния),

Существует также самостоятельная структура – Национальное управление военно-космической разведки США, которое обслуживает все виды вооружённых сил, ЦРУ и тесно взаимодействует с Командованием космических операций [1]. Обсуждается необходимость создания Резерва космических войск.

В последние годы взгляды и подходы американских военных к ведению войн будущего развивались и уточнялись, что позволило сформулировать основные

черты современных войн, как они их представляют. Это войны с применением высокотехнологичных систем оружия, которые характеризуют высокая динамика боевых действий, мгновенный обмен информацией между всеми видами вооружённых сил, их совместные и одновременные операции против противника в одном, нескольких или сразу во всех пяти боевых доменах*: на земле, в акватории морей, в воздухе, космическом и киберпространстве.

В обеспечении превосходства в космосе над остальными странами Вашингтон делает ставку на разработанную в недрах ВС США новую концепцию «многодоменных операций» (*Multi-domain battle, MDB*), представляющую собой последнее слово американской стратегической мысли. Её центральная тема – «глобально интегрированные операции». Суть многодоменных операций, утверждает американский стратег генерал Стивен Таунсенд, состоит в том, чтобы «уже сегодня изменить способ ведения войны, чтобы завтра добиться преимущества над потенциальными противниками» [12].

«Космос является доменом, который вновь стал центральной ареной соперничества великих держав», – утверждает в «Стратегии космической обороны» [8]. США также рассчитывают на активное вовлечение в реализацию своих военных планов стран – союзниц по НАТО и Японии.

Готовясь к войнам будущего, Вашингтон ускоренными темпами развивает и усиливает свой боевой космический потенциал. Инвестируя большие средства и мобилизуя на решение проблем военного космоса имеющиеся большие возможности в сфере науки, «США могут уйти в технологический отрыв и создать мощную структуру космических вооружений. В сочетании с глобальной системой противоракетной обороны с возможными элементами космического базирования фактор наличия у США космического оружия и противоспутниковых средств может играть первостепенную роль в формировании военно-политической ситуации в мире», – отмечает аналитик Центра военно-политических исследований МГИМО Андрей Малов [14].

По экспертным оценкам «космические боевые системы могут быть перемещены со стационарной орбиты в точки нанесения удара по объектам, расположенным на поверхности Земли за 8–15 минут. Совершенствуется ударная система высотного базирования – многоразовый орбитальный беспилотный космический самолёт *XS-1*, прототипом которого стал широко известный летательный аппарат «Боинг *X-37B*». Этот беспилотник может долгое время **находиться** на орбите в автономном режиме, но затем по команде атаковать нужный объект на

* В преамбуле «Стратегии космической обороны» уточняется, что космос является доменом – отдельной сферой действий наряду с воздушной, морской, наземной средой и киберпространством, в которой будут осуществляться операции космических войск. Этот домен требует общеорганизационных изменений в политике, стратегиях, операциях, инвестициях, возможностях и экспертных знаниях для новой стратегической среды.

земле или в космосе. Его пилотируемый вариант прошёл испытания в текущем году по программе НАСА и был состыкован с МКС [15].

В американском ВПК разрабатываются принципиально новое кинетическое оружие и средства, позволяющие менять траекторию полёта спутников. Возможно, например, установка на космических аппаратах оружия электромагнитного импульса (ЭМИ). Боеприпас ЭМИ соответствующей мощности может отключить системы управления и жизнеобеспечения целой страны. Ещё один перспективный вид ударного оружия – лазер космического базирования (*Space Based Laser, SBL*), способен уже на старте уничтожить баллистические ракеты противника. Разработки американского ВПК находятся на разной стадии готовности и, как полагают эксперты, могут быть приняты в эксплуатацию после 2025 года [16].

Наличие у США наступательных систем космического оружия подтверждают, в частности, и российские военные специалисты. Президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л.Г. Ивашов считает, что «США уже располагают ударной космической группировкой для ведения боевых действий. В ходе прошедшей в апреле 2017 г. VI Московской международной конференции по безопасности замначальника ГОУ Генштаба ВС России генерал Виктор Познихир также заявил, что «США создают системы, которые позволят нанести высокоточный удар с орбиты по командным пунктам РФ, в дальнейшем эти возможности будут только возрастать» [17].

КОСМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЯ

Китай – основной геополитический конкурент США. После прихода в 2012 г. к власти в КНР Си Цзиньпина и принятого Пекином нового курса на «возрождение великой нации» внешняя политика КНР стала заметно активнее, приобрела качественно новый наступательный характер.

Вместе с бурным ростом экономики и военного потенциала КНР присоединилась к двум мировым лидерам современной космической индустрии. Сегодня Китай является третьей после США и России страной с наиболее высоким уровнем развития космической отрасли. КНР быстро догоняет лидеров в области освоения околоземного пространства и даже дальнего космоса и бросает им вызов в развитии космонавтики и новейших технологий.

Как и в военной сфере в целом, в космической области Пекин стремится к достижению паритета с Соединёнными Штатами. Военный космос, как известно, опережает и стимулирует развитие его гражданского сегмента. Поэтому в политике китайского руководства большое значение приобрёл тезис о том, что без успехов на космическом направлении Пекин не сможет на равных конкурировать с США. Кроме того, космическая промышленность является катализатором развития науки и мощным стимулом роста современной наукоёмкой экономики. Особое внимание Пекина к космосу обуславливают международная обстановка и обострившиеся в последние два года американо-китайские отно-

шения, когда, помимо американской экономической блокады, Вашингтон навязал Китаю ещё и гонку вооружений в космосе.

На регулярной основе исследования космического пространства в КНР стали осуществляться во второй половине 50-х годов XX века. Ведущую роль в этом сыграл известный китайский учёный-ракетчик Цянь Сюэсэнь, который в 1930-х годах учился, а затем долго жил в США. В 1940-х он был одним из основателей в США Лаборатории реактивного движения. Цянь Сюэсэнь возвратился в Китай и в 1956 г. возглавил Пятую академию Министерства обороны КНР, созданную с целью проведения космических исследований. Сведения немецких специалистов (группа Вернера фон Брауна), свои знания и талант китайский учёный с успехом объединил с научно-технической информацией, которой поделились коллеги из СССР [18]. Руководитель Китая Мао Цзэдун, стремясь не отставать от США и СССР, последовательно развивал космическую отрасль, что обеспечило стране, хотя и догоняющее, но самостоятельное развитие [Cordesman A.H., 2015].

Первый китайский спутник был запущен в 1970 г. В 1986 г. в КНР приступили к реализации «Плана развития высоких технологий», сделав аэрокосмическую отрасль национальным приоритетом. Руководство отраслью до начала 1990-х годов осуществлялось Министерством аэрокосмической промышленности. В 1993 г. оно было расформировано в рамках реорганизации ВПК с целью частичной коммерциализации и стимулирования конкуренции. Космические программы были переданы крупным госкорпорациям – Китайской аэрокосмической научно-технической корпорации (CASC) и Китайской аэрокосмической научно-промышленной корпорации (CASIC). Они работают под руководством Государственного космического управления (CNSA), в компетенцию которого входит развитие проектов мирного космоса и международное сотрудничество и которое в свою очередь подчиняется Государственному управлению по оборонной науке, технике и промышленности, входящему в состав Министерства промышленности и информатизации [Крашенинникова Л., 2017].

В 1980-х годах КНР начала выводить на орбиту телекоммуникационные и метеорологические спутники. В 1990-е возобновилось взаимодействие в космосе с Россией. Были заключены соглашения «О сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» (1992 г.) и «О сотрудничестве в области пилотируемой космонавтики» (1996 г.), ещё от СССР Китай получил технологии космического корабля «Союз», а китайская космическая программа – дополнительный импульс [18].

В 2006 и 2011 гг. в Пекине были опубликованы «Белые книги» о космической деятельности, в которых подчёркивалось, что она основывается на принципах научного, мирного, инновационного, независимого и открытого развития. В качестве цели развития космонавтики указывались изучение космического пространства, содействие прогрессу, использование космоса в мирных целях, укрепление национальной безопасности, защита прав и интересов КНР [19].

С 1992 г. в Китае реализуется поэтапная программа пилотируемой космонавтики. На первом этапе был создан пилотируемый космический корабль «Шэньчжоу-5». На нём в октябре 2003 г. в космос полетел первый китайский космонавт. Второй этап – создание постоянных орбитальных станций (реализуется в настоящее время, в ноябре 2016 г. завершилась самая длительная в истории КНР пилотируемая миссия, которая длилась 33 дня). Сооружение орбитальной станции намечено на 2018–2022 гг. Это своего рода вынужденный шаг, продиктованный принятыми США антикитайскими мерами. В 2011 г. Конгресс США запретил НАСА сотрудничать с китайским Национальным космическим управлением, а КНР – использовать американские технологии, закрыл доступ к космическим комплексам и наложил запрет на совместные полёты в космос [20].

На следующем, третьем этапе планируется запуск в космос многоразового корабля (в 2011 г. состоялся первый суборбитальный полёт беспилотного самолета «Шэньлун-1»). Китай также планирует создание на Луне постоянной космической базы [21]. Этот лунный проект состоит из трёх этапов: исследовательские полёты беспилотных космических аппаратов, полёты на Луну космонавтов и создание на спутнике Земли китайской постоянной базы. В рамках лунной программы в ноябре 2020 г. китайская автоматическая станция «Чаньэ-5» совершила мягкую посадку на Луну с целью забора для изучения и доставки на Землю лунного грунта, что явилось крупным событием в китайской космонавтике. КНР стала третьей после США и России страной, чьи автоматические станции побывали на Луне.

Важными направлениями космической программы КНР являются наземная инфраструктура (новый космодром Вэньчан на о. Хайнань, суда слежения за спутниками) и создание нового поколения ракет-носителей. В космической индустрии Китая работает 200 тыс. человек – столько, сколько занято в данной отрасли вместе у России и США [31].

Одним из весомых результатов китайской программы космической деятельности стала реализация проекта глобального позиционирования – навигационной спутниковой системы «Бэйдоу». В 2016 г. эта система состояла из 21 спутника, а в 2020 г. она достигла глобального охвата (35 спутников). В июле 2016 г. во время визита президента В. Путина в Пекин были подписаны два соглашения в космической сфере – «Соглашение о мерах по охране технологий» (об охране интеллектуальной собственности) и «Соглашение о сотрудничестве между российской навигационной системой ГЛОНАС и китайской Бэйдоу» [22].

Ведутся в КНР и работы по развитию военного космоса. В докладе Министерства обороны США Конгрессу о военной мощи Китая за 2013 г. выделены виды технологий и техники, относящиеся к космическим вооружениям, которыми владеет КНР: 1) преднамеренные помехи работе спутников – столкновение космических объектов сторон; 2) кинетическое оружие; 3) оружие класса «космос-земля»; 4) орбитальные воздушно-космические самолёты; 5) лазерное оружие; 6) СВЧ-оружие; 7) пучковое оружие; 8) электромагнитное оружие. В 2007 г. Китай провёл испытание противоспутникового оружия, сбив свой ме-

теорологический спутник «Фэнъюнь» баллистической ракетой средней дальности [23].

Космическая программа КНР тесно связана с концепцией «информационной войны», которая легла в основу военного планирования. Доктрина «информационной войны» предусматривает интеграцию полученной из космоса информации с системами управления, контроля связи, вычислительными мощностями и предполагает на основе единой среды реализацию сетецентрической схемы управления войсками.

С сентября 2015 г. КНР приступила к созданию космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении, выведя на орбиту спутник с инфракрасной системой обнаружения ракетных пусков. Ведётся также работа над созданием спутников-истребителей. По американским оценкам, к 2025 г. китайцы могут обрести способность уничтожать не только разведывательные спутники на низких орбитах, но и спутники глобальных систем позиционирования на высоких орбитах (до 40 тыс. км). По числу военных спутников в космосе КНР уже находится на втором месте после США [24].

С развитием военной мощи Китая и его космических вооружений, в частности, меняется отношение политического и военного руководства к использованию космического пространства. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал к усилению возможностей страны в околоземном пространстве: «Несмотря на то что Китай придерживается мирного использования космоса, мы должны быть уверены в том, что сможем справиться с действиями других в космическом пространстве». В том же духе высказался и командующий ВВС НОАК генерал Сюй Цилян в интервью армейской газете, заявив, по сообщению сингапурской газеты «Стрэйтс таймс», что «ВВС Китая не могут ограничиваться небом – они должны осваивать космос и кроме оборонительных средств также нужно развивать наступательные» [25].

КНР адаптируется к общемировым тенденциям в военном деле, исходит из того, что вслед за масштабным применением информационных и космических технологий в ближайшее время появятся новые формы ведения военных действий. Причём Китай к этому постоянно подталкивают США, развязавшие гонку космических вооружений. Учитывая фактор военного соревнования в космосе, зачисление Китая (наряду с Россией) в разряд главных врагов Соединённых Штатов и незатихающую антикитайскую воинственную риторику Вашингтона, руководство КНР вполне серьёзно воспринимает возможный вооружённый конфликт в околоземном пространстве и готовится дать соответствующий ответ потенциальному противнику.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К МИЛИТАРИЗАЦИИ КОСМОСА

Аналогичным образом оценивается космическая стратегия США и в Москве. К сожалению, в Вашингтоне самым убедительным аргументом в международной политике по-прежнему остаётся фактор военной силы. Планы военных стратегов по развёртыванию космического эшелона с наступательными, ударными средствами не оставляют России другого выбора, кроме как адекватно реагировать на усиливающуюся угрозу национальной безопасности, совершенствуя и наращивая свой космический военный потенциал.

Об этом, в частности, говорится в заявлении МИД России в связи с публикацией «Обзора политики США в сфере ПРО», содержание, которого вызвало у российского дипломатического ведомства серьёзную озабоченность: «Реализация замыслов о безраздельном военном первенстве в мире неизбежно приведёт к гонке вооружений в космическом пространстве, что будет иметь самые негативные последствия для международной безопасности и стабильности. Хотели бы призвать Администрацию США отказаться от безответственных попыток перезапустить на новом более высоком технологическом уровне программу “звёздных войн”» [26].

23 марта 2016 г. правительством России была утверждена Федеральная космическая программа на 2016–2025 гг. [27].

Основами государственной политики РФ установлены следующие приоритеты космической деятельности:

- гарантированный доступ России в космос со своей территории, с развитием и использованием космической техники, технологий, работ и услуг в интересах социально-экономической сферы страны в целях обороны и безопасности государства, а также с развитием ракетно-космической отрасли и выполнением международных обязательств;

- деятельность, связанная с созданием образцов ракетно-космической техники в интересах науки;

- осуществление пилотируемых полётов, включая создание научно-технического задела для осуществления проектов в рамках международной кооперации.

На космодроме Восточный запланировано строительство космического комплекса для ракет тяжёлого класса, развёртывание работ, связанных с ракетой-носителем тяжёлого класса для выведения на орбиту пилотируемых кораблей и орбитальных модулей. До 2024 г. будет продолжена эксплуатация Международной космической станции (МКС). В это время предлагается оснастить российский сегмент МКС модулями, дополнив их системами, обеспечивающими автономность полёта после 2024 г. с целью создания на их основе российской орбитальной станции. Программа также предусматривает формирование задела для исследования Луны после 2025 г. и осуществление к 2030 г. высадки человека на Луну [28].

Основу космического военного потенциала РФ составляют российские космические войска. Военный космос зародился в 1955 г., когда было принято решение о строительстве космодрома Байконур. Обслуживавшие его части затем были преобразованы в Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). В 1957 г. началось строительство военного космодрома Плесецк. Все запуски с Байконура (гражданские и военные) осуществлялись с участием военнослужащих. Космической обороной занималось Главное управление космических средств МО (ГУКОС) в составе РВСН. После распада СССР на базе ГУКОС были созданы Военно-космические силы (ВКС) как самостоятельный вид вооружённых сил. *Основные задачи ВКС:* информация военно-политического руководства страны об угрозах ракетного нападения; поддержание и управление орбитальной группировки космических аппаратов военного, двойного, социально-экономического и научного назначения; контроль околоземного космического пространства, постоянная разведка территорий потенциального противника с помощью спутников; противоракетная оборона Москвы.

В функции ВКС входит вся сеть российских спутников (около 120 космических аппаратов различного назначения). Наиболее крупную группу в ней составляют навигационные спутники ГЛОНАС – 28 аппаратов. К военным относятся спутники оптико-электронной и радиоэлектронной разведки, радио и радиотехнической разведки, связи, глобальной войсковой навигации.

Как ответ на американский вызов Россия готовит средства для перехвата гиперзвуковых и космических целей: речь идёт о боевых орбитальных станциях «Алмаз», о космических аппаратах (КА) с ядерными энергоустановками, об оружии класса «космос-космос», а также о ракетах «Циклон» с истребителями спутников, которые стояли на боевом дежурстве ещё до 1993 г. Новый комплекс противовоздушной и противокосмической обороны С-500 «Прометей», способен уничтожать практически все существующие и достойные упоминания цели в ближнем космосе и в атмосфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая крайне сложную международную обстановку, Россия и Китай вынуждены, причём в ускоренном режиме, искать адекватные решения навязываемых американцами военно-космических проблем. Разумеется, Москва и Пекин располагают собственными стратегиями развития военного космоса и перед угрозой возможной агрессии со стороны Запада с применением космических наступательных средств ведут соответствующую подготовку к её отражению.

Гонка космических вооружений, развязанная Соединёнными Штатами, нацелена на достижение превосходства в самых высокотехнологичных вооружениях, на милитаризацию космоса и удержание доминирующего положения на международной арене. Она несёт мировому сообществу не только угрозу воз-

никновения военных конфликтов, но и опасность стать спусковым крючком третьей мировой войны [29].

Между тем ситуация в околоземном пространстве, где сталкиваются интересы многих государств, становится всё более напряжённой, требует принятия мировым сообществом общепризнанных регулирующих мер. Согласно данным за 2018 г, на околоземной орбите находится в общей сложности 1800 спутников, принадлежащих 50 странам, транснациональным организациям и корпорациям. Девять стран и одна международная организация, а именно Китай, Индия, Иран, Израиль, Япония, Россия, Северная и Южная Корея, США и Европейское космическое агентство, сегодня наиболее активно и последовательно используют космос в своих национальных интересах [28]. Положение усугубляет и огромное количество космического мусора, накопившегося за более чем 60 лет мирного использования околоземного пространства.

Об этом мало кто, за исключением профессионалов, задумывается, хотя проблема настолько же серьёзна как, скажем, потепление климата или истощение на планете природных ресурсов. «Мы сейчас создаём в космосе сильнейший беспорядок, но большинство людей не понимает этого. Видимо, осознание придёт, когда мы лишимся спутникового телевидения или глобальной связи <...> когда будем отброшены в прошлое – в 1950-е годы, но тогда будет слишком поздно», – пишет Ли Биллинг – старший редактор популярного в США журнала «Сайентифик америкэн» [Billing L., 2019]

Гонка вооружений и дальнейшее участие различных государств в космической деятельности тесно переплетаются и требуют своего положительного решения. В этом ключе, например, высказался авторитетный неправительственный аналитический центр США – Атлантический совет. Авторы доклада «К новой космической стратегии национальной безопасности» прямо задаются вопросом, «а поможет ли Соединённым Штатам гегемонистский подход к противостоянию в космосе решить стоящие перед ними задачи, и сами однозначно отвечают – “нет!”» [1]. Эксперты Совета призывают американское руководство более вдумчиво и рационально подойти к использованию космического пространства.

К сожалению, власти США игнорируют эти здравые призывы. Через подконтрольные СМИ они пытаются создать внутри страны и в мировом сообществе иллюзию наличия большого разрыва, «космической пропасти» между собой и Китаем с Россией, которые якобы «денно и ночью куют космические вооружения, чтобы уничтожить Америку». Цель этой пропаганды – обеспечить дополнительные средства на военный космос и сформировать из своих космических конкурентов устойчивый образ врага Соединённых Штатов. Расходы на финансирование Космических войск в 2021 г. уже определены в размере 15,4 млрд долларов [32].

Однако следует признать, что, хотя США и обладают перед конкурентами определённым преимуществом в масштабе и общем высоком уровне космических вооружений, Россия и Китай – ведущие страны, участвующие в космиче-

ской гонке, идут практически голова в голову с США. Причём на некоторых важных направлениях, заметно отставая в количестве (например, по численности группировки спутников), они не уступают в качестве и возможностях космических аппаратов, прекрасно понимая, что отставание на самом передовом и высокотехнологичном направлении соревнования с США грозит им не только проигрышем в геополитике, но и, возможно, национальной катастрофой.

Вашингтон же находится в плену иллюзий, надеясь на сохранение и укрепление своей гегемонии на международной арене. Это надуманное, искажённое видение действительности формирует другую, далёкую от фактического положения дел иллюзию, что путём концентрации усилий на военном космосе США удастся обойти конкурентов в гонке космических вооружений.

Воинственность размахивающей космическим мечом Американской империи, её мечты об установлении на планете жёсткого американского контроля заслоняют собой реальность, уводят в сторону от международного сотрудничества – основного и единственно возможного пути развития человеческой цивилизации. Ситуация в мире быстро меняется, космос перестаёт быть областью только научных исследований, превращаясь в объект гонки вооружений и, если смотреть шире, в сферу противостояния цивилизаций. Однако космос – общее достояние человечества. и значит, международное сообщество должно твёрдо и решительно защищать околоземное пространство от любых видов агрессии и одностороннего доминирования. Издание «Колокол России» в этой связи напоминает и справедливо подчёркивает, что «в 2008 г. на конференции по разоружению был официально внесён подписанный Россией и Китаем проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. Но американцы его не поддержали» [30].

Сегодня главный вопрос заключается в том, сумеет ли человечество сохранить мирный статус околоземного пространства. Для устранения угрозы милитаризации космоса, предотвращения вывода на околоземную орбиту ударных боевых комплексов США необходимы активные соответствующие действия России, Китая и других государств как на военном (достойный ответ космическими средствами на американский вызов), так и дипломатическом направлении – мобилизация усилий мирового сообщества по запрещению милитаризации космического пространства. Лишь последовательная и непрерывная политико-дипломатическая кампания за мирный космос, способна предотвратить опасность возникновения войн с применением космических вооружений.

ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Иванов. Не сила, а дипломатия // *Независимое военное обозрение*, 8.07.2016.
2. Анатолий Молчанов. США объявили о скорой победе над Россией в космосе // *Колокол России*, 10.11.2017 Available at: <http://kolokolrussia.ru/orujie/ssha-obyavili-o-skoroy-pobede-nad-rossiy-v-kosmose> (accessed 13.12.2018).
3. Presidential Executive Order on Reviving the National Space Council. June 30, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-reviving-national-space-council> (accessed 13.12.2018).
4. Notice of establishment of the National Space Council Users' Advisory Group // *Federal Register*. 2017. Vol. 82. №. 237. Notice: 17-088.
5. President Donald J. Trump is Unveiling an America First National Space Strategy. Fact Sheet. March 23, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-3.12.trump-unveiling-america-first-national-space-strategy> (accessed 13.12.2018).
6. Space Policy Directive-3, National Space Traffic Management Policy. June 18, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/space-policy-directive-3-national-space-traffic-management-policy> (accessed 13.12.2018).
7. Sandra Erwin. U.S. Space Force adds 86 new officers after academy graduation // *Spacenews*, April 18, 2020. Available at: <https://spacenews.com/u-s-space-force-adds-86-new-officers-after-academy-graduation/> (accessed 10.12.2020).
8. President Donald J. Trump Is Unveiling an America First National Space Strategy // *Fact Sheet* March 23, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-doald-j-trump-unveiling-first-national-space-strategy> (accessed 12.08.2020).
9. Александр Запольскис. Выиграть космическую гонку. 5 октября 2017. Available at: https://www.imhoclub.lv/ru/material/viigrat_kosmicheskiju_gonku
10. Minnie Chan. U.S. aims for space superiority over China and Russia in new defense strategy // *South China Morning Post*. 19.06.2020.
11. What's the Space Force. Available at: www.spaceforce.mil.
12. Илья Полонский. Многодоменный бой: концепция войны США против России и Китая. Available at: <https://pereklichka.livejournal.com/1761756.html>, 23.10.2019 (accessed 12.08.2020).
13. Владимир Иванов. Америка готовится к многодоменным операциям // *Независимое военное обозрение*, 7.08.2020.
14. Андрей Малов. Основные выводы в отношении национальной космической политики и национальной стратегии космической безопасности США, 13.03.2014. Available at: eurasia-defence.ru.
15. Алексей Леонков. К войнам на орбите всё готово // *Еженедельник «Звезда»*, 11 мая 2020. Available at: (<https://zvezdaweekly.ru/news/2020571324-p99KT.html>).

16. Олег Одноколенко. Если завтра война // *Независимое военное обозрение*. 28.11.2014.
17. США исподтишка готовят ядерный удар по России // *Колокол России* 27 апреля 2017.
18. Владимир Тучков. Восемь фактов о первом этапе космической программы Китая // *Свободная пресса* 23.04.2014.
19. Белая книга Деятельность Китая в космосе-2006. По материалам Агентства Синьхуа. 12.10.2006. Available at: <http://russian.china.org.cn/russian/265790.htm> (accessed 13.12.2018)
20. Clark S. China: the new space superpower // *The Guardian*, 28 Aug.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2016/aug/28/china-new-space-superpower-lunarmars-missions> (accessed 13.12.2018)
21. Harrington R. China plans to reach Mars by 2020 and eventually build a moon base. // *Business Insider*. 21 Apr. 2016. Available at: <http://www.businessinsider.com/china-plansmars-moon-landings-2016-4>, (accessed 13.12.2018)
22. Китайская навигационная система «Бэйдоу». Американцам придётся потесниться. *Военное обозрение*, 7.10.2019. Available at: <https://topwar.ru/163170-kitajskaja-navigacionnaja-sistema-bejdou-potesnit-gps.html> (accessed 12.08.2020).
23. Сергей Лесков. Китай заселяет космос // *Росбалт*, 25.07.2013. Available at: <http://www.rosbalt.ru> (accessed 13.12.2018).
25. Пекин считает гонку вооружений в космосе «исторически неизбежной» // *The Straits Times*, Сингапур, 06.11.2019
26. МИД предостерег США от перезапуска «звездных войн». МИД РФ. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3479839.
27. Основные положения Федеральной космической программы 2016-2025 - утверждена постановлением Правительства РФ от 23 марта 2016 г. № 230. Available at: <https://www.roscosmos.ru/22347>.
29. Космос перестанет быть мирным. Соперничество великих держав выходит уже за пределы атмосферы // *Независимая газета* 22.02.2019.
29. Александр Карпов, Алёна Медведева. Звёздный плацдарм: почему США заявили, что теряют превосходство над другими странами в космосе. 9 апреля 2020. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/735677-ssha-prevoshodstvo-kosmos> (accessed 12.08.2020).
30. Вадим Бондарь. Хотят ли русские войны в космосе? // *Колокол России*, 14.05.2016. Available at: <http://kolokolrussia.ru/orujie/hotyat-li-russkie-voyn-v-kosmose#hcq=3pxncLp> (accessed 12.08.2020).
31. Кирилл Рябов. Китайская космическая программа и международное беспокойство // *Военное обозрение*. 5.09.2013. Available at: <https://topwar.ru/32914-kitayskaya-kosmicheskaya-programma-i-mezhdunarodnoe-bespokoystvo.html>

32. Ирина Таран, Елизавета Комарова // RT на русском, 7 июня 2020. Available at: russian.rt.com.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Военно-космическая программа Китая // РСМД. Российский совет по международным делам. 2015, 10 марта. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zhdut-li-atrnovye-zvezdnye-voyny-voenno-kosmicheskaya-progr/?sphrase_id=76320 (accessed 13.12.2020).

Любовь Крашенинникова. 2017. Космическая программа КНР: от советских ракет к собственной космической станции // Российский совет по международным делам. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kosmicheskaya-programma-knr-ot-sovetskikh-raket-k-sobstvenno/> (accessed 13.12.2020).

REFERENCES

Cordesman A.H. Chinese Space Strategy and Developments. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160819_Chinese_Space_Strategy_Developments.pdf, (accessed 12.08.2020).

Lee Billings. 2015. War in Space May Be Closer Than Ever. Scientific American, 11. 08. 2015.

L. Krashenninnikova. China's space program: from Soviet rockets to its own space station. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zhdut-li-atrnovye-zvezdnye-voyny-voenno-kosmicheskaya-progr/?sphrase_id=76320 (accessed 13.12.2020).

Military space program of China // INF. Russian international Affairs Council. 2015, March 10. Available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zhdut-li-atrnovye-zvezdnye-voyny-voenno-kosmicheskaya-progr/?sphrase_id=76320 (accessed 13.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РАЙКОВ Юрий Андреевич, доктор исторических наук, профессор Московского Государственного Института Международных отношений (Университет). Российская Федерация, 119454. Москва Пр-т. Вернадского, д.76

RAIKOV Yuri Andreevich, Doctor of Sciences (History of International Relations) Professor Moscow State Institute of International Relations (University).

76 Vernadskogo prospect, Moscow, 119454 Russian Federation

УДК 328.3

DOI: 10.31857/S268667300013202-2

Лоббирование в США интересов Египта при президенте Абдель Фаттах ас-Сиси

Д.Б. Графов

Институт востоковедения РАН

Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>

e-mail: graftvc@mail.ru

Статья получена редакцией 26.09.2020.

Резюме: Исследуются цели, средства и эффективность работы американских лоббистских фирм, нанятых Каиром после прихода к власти президента А. Фаттах ас-Сиси для продвижения египетских интересов в США. Главные задачи лоббирования: оказание влияния на выделение Египту американской военной и экономической помощи; снижение критики египетских властей за нарушение прав человека, политических и религиозных свобод; привлечение инвестиций и развитие особых экономических зон. Основой исследования являются отчёты лоббистов и их договоры с правительством Египта, направленные в Министерство юстиции США в соответствии с законом «О регистрации иностранных агентов» 1938 г. Лоббистские усилия Египта в Конгрессе и в администрации президента США также интересны с точки зрения российского опыта продвижения интересов.

В статье делаются следующие выводы: связь американских геополитических интересов с Египтом облегчала процесс лоббирования; борьба с терроризмом и исламским фундаментализмом как оправдание нарушения гражданских и политических свобод не находила понимания, особенно в Палате представителей Конгресса США; исполнители и заказчики прибегали к ограниченному набору пиар-средств воздействия, не используя влияние через выработку законов, не прибегая к давлению через влиятельные элиты; попытки использовать экспертное влияние обнаружили непонимание его механизмов; Объединённые Арабские Эмираты содействовали в лоббировании интересов Египта.

Ключевые слова: Египет, США, экспертное влияние, лоббирование, пиар-средства, арабское лобби

Для цитирования: Графов Д.Б. Лоббирование в США интересов Египта при президенте Абдель Фаттах ас-Сиси. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51(1): 53-69. DOI: 10.31857/S268667300013202-2

Lobbying the Interests of Egypt in the USA under the President Abdel Fattah el-Sisi

Dimitry B. Grafov

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozdestvenka str., Moscow 107091 Russian Federation*

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>e-mail: graftvc@mail.ru

Received 26.09.2020.

Abstract: The research looks at attempts by Egypt under the President al-Sisi rule to lobby the U.S. government and Congress. The author explores lobbyists registration statements pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938 and service contracts with Egypt's authorities. The goal of this research is to identify means and ways of lobbying and willing consequences.

The lobbyists were hired to identify key decision makers in the U.S. government who may impact the U.S.-Egypt relations, and facilitate meetings with those individuals. Behaviour of Egypt's lobbyists demonstrates links with some pressure groups. The lobbyists used mainly influencing the Administration of the U.S. and lawmakers in Congress and influencing a general public by media outlets. The main fields of lobbying were: supporting of the U.S. military and economic aid; easing of the U.S. anxiety for unlawful or arbitrary killings by the Egypt's government or its agents, interference with the rights of peaceful assembly and control of authorities over registration and financing of nongovernmental organizations (NGOs).

Main arguments of the lobbyists were: the U.S. should help its key ally in the Middle East to fight domestic and regional terrorism, to build the institutions of an inclusive democratic state and the U.S. should keep the military aid flowing lest Egypt become a failed state.

The author states that Cairo's "strategic relationship" with Washington helped lobbying but main obstacle was an oppression American and other foreign NGO in Egypt. The only revision of charges on American NGO's employees improved bilateral relations. Also, the case study reveals that the lobbyists used limited ways of influencing and only some pressure groups were engaged. They didn't try influencing via legislation and grassroots, didn't influence opinion makers through personal ties. The attempt to use expert influence have revealed a lack of understanding of how the expert community works. There is no sign of a common Arab agenda in Egypt's lobbying in the US. But there are signs of close cooperation between Egypt and the UAE.

Keywords: U.S., Egypt, FARA, think tanks, lobbying, PR, GR, Arab lobby

For citing: Dmitry B. Grafov. Lobbying in the USA Egypt's interests under the president Abdel Fattah as-Sisi. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2021; 51 (1): 53-69. DOI: 10.31857/S268667300013202-2

ВВЕДЕНИЕ

Системный подход, используемый в данном исследовании, позволяет установить цели, средства и механизмы влияния на американскую политическую систему египетских лоббистов, оценить эффективность их действий и нанятых ими групп давления. Оценка эффективности основывается не столько на соотношении результатов к затраченным средствам, сколько на степени достиже-

ния результата. Исследование египетского опыта лоббирования важно и с практической точки зрения, когда речь заходит о попытках продвижения российских интересов в Вашингтоне и поиске тех элементов, которые можно заимствовать из системы лоббирования китайских, израильских, турецких интересов и других лобби. В первом приближении у Каира и Москвы, несмотря на множество различий между странами и их интересами, стартовые условия для лоббирования в США похожи. Как и РФ, Египет подвергается критике за отступление от норм демократии и нарушение прав человека. Есть и другие аналогии. Египетские интересы для США точно не стоят на первом месте в сравнении, например, с израильскими или китайскими. Суммы, которые Египет считает возможным потратить на лоббизм, также сравнимы с российскими [Перегудов С.П. и др., 2009].

Когда идёт речь о лоббировании внешними игроками решений, принимаемых законодательной или исполнительной ветвью власти США, представляется важным исследовать взаимосвязанность интересов США и интересов внешних сил и влияние этой взаимосвязи на процесс лоббирования. Китай, например, использует для продвижения своих интересов в США сильную взаимозависимость бизнеса и возможности своей диаспоры [Wagreich S., 2013: 130-160]. Эффективность израильского лоббирования объясняется сродством стратегических интересов на Ближнем Востоке и встроенностью произраильского лобби в американский политический механизм, не говоря уже о том, что формальная часть произраильского лобби (Американо-израильский комитет по связям с общественностью) существует в исключительных условиях и не подпадает под действие закона «О регистрации иностранных агентов» (*Foreign Agents Registration Act of 1938, FARA*) [1].

У Каира тоже есть свои рычаги: он по-прежнему играет роль в определении будущего палестинских территорий, является частью договорной конструкции безопасности Израиля, а также борется с ячейкой «Исламского государства» на Синайском полуострове.

В 2011 г., приветствовав «арабскую весну» в Египте и признав М. Мурси законной властью, США попытались выстроить отношения с новыми властями, даже когда были закрыты американские НПО, а их сотрудники арестованы [Aftandilian G.L., 2013: 8]. Свержение «Братьев-мусульман» и арест М. Мурси Вашингтон признал военным переворотом и не спешил восстанавливать отношения с возродившимся режимом военных. На время были приостановлены поставки вооружений, последовали обвинения в нарушении прав человека и призывы защитить от геноцида христиан-коптов и езидов [2]. Более того, государственные репрессии, ударив по «Братьям-мусульманам», затем распространились на широкий круг оппозиции и гражданских активистов. По мере преследования любых оппозиционных групп нарастала критика египетского президента ас-Сиси со стороны Вашингтона. Всё это характеризует обстановку, непосред-

ственно влияющую на лоббирование египетских интересов в США. Отношения улучшились при Д. Трампе. Вступив в президентскую гонку 2016 г., Трамп называл ас-Сиси «фантастическим парнем, который всё сделал, как надо» [3]. Ас-Сиси был дважды принят Трампом в Белом доме – в 2017 и в 2019 г. Однако при всём взаимопонимании с Д. Трампом внутреннюю политику президента АРЕ серьёзно критикует Конгресс США. Именно на изменение его позиции в первую очередь направлены действия египетских лоббистов.

Египет занимает важное место в проведении внешней политики США в регионе, и этот актив при правильном использовании может облегчить лоббирование. На стороне Египта: Суэцкий канал; Кэмп-Дэвидская сделка, которая вывела Каир из арабского противостояния с Тель-Авивом и до сих пор остаётся одним из залогов израильской безопасности; Египет является важным региональным игроком, чья политика влияет на безопасность Большого Ближнего Востока (так, в 1990 г. США и Египет сотрудничали в противодействии агрессии Ирака против Кувейта) [Aftandilian G.L., 2013: 5-6]; он также является противовесом Анкары на ливийском и катарском треках, остаётся посредником между палестинцами и Израилем и до сих пор олицетворяет центр и авторитет Арабского мира.

Объём истраченных средств на лоббирование в США от имени правительства АРЕ оценивался в 2017 г. в 5,151 млн долл., в 2018 г. в 3,158 млн [4]. Конкретные случаи сотрудничества правительства АРЕ с лоббистскими фирмами приводятся в отчётах Минюста США [5], [6], [7], а также в отчётах самих лоббистских фирм [8].

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Восстановление военно-технического сотрудничества было одной из целей лоббирования. После смещения М. Мурси и гонений на движение «Братья мусульмане» со стороны военных Вашингтон приостановил поставки в Египет американских вооружений. Президент Б. Обама отменил регулярные совместные военные учения США и Египта «Яркая звезда» (*Bright Star*) [9]. Согласно отчётам Госдепартамента о нарушениях прав человека и религиозных свобод в Египте в 2015 и 2016 гг. они были вызваны применением насилия правоохранительными структурами, включая пытки, исчезновения и убийства противников власти, а также нарушением правовых процедур, подавлением гражданских свобод и преследованием журналистов [10]; [11]. Посол по особым поручениям за международную свободу вероисповедания публично заявил, что правительство США выступает против законов о богохульстве и призывает Каир к их быстрой отмене [12].

Преследование неудобных началось ещё при президенте Мурси. В 2012 г. новые революционные власти отказались выпустить из страны нескольких американских граждан по «Делу 173». Среди них оказался Сэм Лахуд, сын министра

транспорта США Рэя Лахуда. Он является сотрудником Национального демократического института по международным вопросам и Международного республиканского института – американских НПО, обвинённых в организации и финансировании протестных акций. Среди удерживаемых были также сотрудники «Фридом хауз» и немецкого Фонда Конрада Аденауэра. После отстранения от власти М. Мурси началась вторая волна гонений. На упрёки в авторитаризме, нарушении демократических и гуманитарных свобод, попытки подозреваемых президент ас-Сиси заявил, что страна прошла через революцию и обществу нужна стабильность [13].

Лоббисты, нанятые Египтом в США, подошли к вопросу исправления имиджа в американском политическом классе как к концепции египетского пути к демократии. Разработкой «дорожной карты по созданию институтов инклюзивного демократического государства путём проведения парламентских и президентских выборов» – по заказу правительства АРЕ – занималась «Гловер парк групп» (*Glover Park Group, LLC*), получившая 1,5 млн долл. только за первую половину 2017 г. Эта компания – одна из основных лоббистов Египта – была основана четырьмя бывшими чиновниками из администрации президента У. Клинтона и вице-президента Э. Гора. Она устраивала личные контакты военного атташе посольства Египта с сенаторами Л. Грэмом и Т. Крузом, с сенатским Комитетом по международным связям и договаривалась о приёме в Конгрессе делегации Минобороны Египта [14].

Не менее 150 тыс. долл. в месяц получала действовавшая в интересах правительства АРЕ и египетской Службы общей разведки (COP) фирма «Кэссиди энд ассошиейтс» (*Cassidy & Associates, Inc.*), в том числе за «демонстрацию ключевых атрибутов гражданского общества Египта». Договор с ней подписал начальник административного отдела COP генерал Н. Фахми. Задачи лоббистов состояли в «содействии стратегическому партнёрству с США, освещении экономического развития Египта, пропаганде ведущей роли АРЕ в управлении региональными рисками» [15].

Из отчётов, поданных в соответствии с требованиями закона «О регистрации иностранных агентов», видно, что египетские власти через личные встречи и электронную переписку лоббистов с помощниками и советниками конгрессменов пытались влиять на позицию Конгресса по отдельным вопросам и на улучшение египетско-американских отношений в целом. Фирма «Кэссиди энд ассошиейтс» за две недели февраля 2018 г. имела более двух десятков таких контактов [15]. Она оказывала заказчику не только консультационные услуги по вопросам двусторонних отношений, но и обязалась определить ключевых лиц, принимающих решения, которые могут повлиять на отношения между США и Египтом, а также устроить встречи с этими лицами.

В результате с 2016 г. выделение военной помощи восстановилось в прежнем размере без всяких перебоев. Улучшение отношений США с Египтом началось

уже в конце февраля 2017 г., когда командующий Центральным командованием США генерал Д. Вотел посетил Египет и пообещал возобновить совместные учения «Яркая звезда». В ноябре 2018 г. США утвердили продажу Египту десяти ударных вертолётов АН-64Е «Апач» и боеприпасов к ним.

АМЕРИКАНСКАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ

Экономическое положение Египта серьёзно осложнилось после начала «арабской весны». ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар и Кувейт оказали Каиру серьёзную финансовую помощь: с 2011 по 2016 г. она составила более 20 млрд долл. в виде несвязанных грантов и проектных инвестиций [16].

Экономические выгоды от сотрудничества с США сопоставимы для АРЕ с доходами от торговли нефтью [17]. В 2018 г. Египет был третьим по величине экспортным рынком для американских товаров и услуг на Ближнем Востоке. По сравнению с 2017 г. товарооборот между США и Египтом вырос на 34%, до 7,5 млрд долл. А по величине прямых американских инвестиций Египет является второй страной в Африке (после Маврикия), и четвёртой на Ближнем Востоке (после Израиля, ОАЭ и Саудовской Аравии). В 2017–2018 гг. прямые инвестиции из США в египетскую экономику (2,2 млрд долл.) были на 3-м месте после инвестиций из Великобритании и Бельгии и составили 29% всех ПИИ [18].

По контракту с Министерством инвестиций и международного сотрудничества Египта в целях привлечения американских инвестиций в США работала лоббистская фирма «Хилл + Ноултон стрэтеджи» (*Hill + Knowlton Strategies*), которая реализовывала «глобальную коммуникационную стратегию» для привлечения инвесторов. Другая лоббистская фирма «Галф Хилл + Ноултон лтд.» (*Gulf Hill + Knowlton Ltd, Dubai Branch*) по заказу дубайского отделения «Дженерал оторити фор инвестмент энд фри зоунс» (*Dubai Branch General Authority for Investment and Free Zones*) выстраивала в США коммуникации для привлечения инвесторов «через улучшение имиджа инвестиционного климата в Египте». В её задачи входила «рыночная разведка: сбор и анализ заслуживающей внимания информации для пиар-кампании».

Что касается прямой государственной помощи США, то она предоставляется по двум ежегодным статьям: 250 млн долл. экономической помощи и 1,3 млрд военной, которые направляются американским поставщикам вооружений. На протяжении долгих 40 лет поддержка США обеспечивала заинтересованность Египта в соблюдении мирного договора с Израилем, а с начала 2000-х рассматривалась как плата Каиру за контроль египетско-палестинской границы Газы. С 1980 г. по 2019 г. США предоставили Египту более 40 млрд долл. на военные цели и около 30 млрд. экономической помощи [19].

После того как египетская армия свергла президента-исламиста М. Мурси в июле 2013 г., США заморозили около 650 млн долл. военной помощи. Несмотря

на критику Конгрессом и Белым домом президента ас-Сиси за «незаконные убийства, пытки» и массовые аресты политических оппонентов, администрация Б. Обамы не пошла на полное прекращение помощи Каиру [20], сославшись на важность борьбы Египта с экстремизмом, его роль в достижении региональной стабильности и безопасности. Госдепартамент в проекте бюджета на 2017 фин. г. настоял на восстановлении финансовой помощи в полном объёме для продолжения борьбы Египта против повстанцев-хуситов в Йемене и «Исламского государства» в Ливии и на Синае. Однако помощь в размере 1,3 млрд долл. была разбита на четыре категории: борьба с терроризмом, безопасность на море, безопасность Синай (безопасность границ), а также поддержание и обслуживание американских вооружений. Таким образом, ассигнования можно урезать постепенно.

Каир возлагает надежды на Вашингтон в вопросах развития свободных экономических зон, хотя США так и не заключили с Египтом соглашения о свободной торговле (такие соглашения США имеет со сравнимыми по экономическому потенциалу арабскими странами – Марокко, Иорданией, Бахрейном, Оманом). В 1996 г. Конгресс санкционировал создание «квалифицированных промышленных зон» (QIZ) для предоставления права Египту на совместное производство с Израилем либо с Иорданией товаров для беспошлинного ввоза их в США [Минакова Н.В., 2016]. В конце 2016 г. МВФ согласился выделить Каиру в течение трёх лет 12 млрд долл., но обусловил предоставление кредита проведением экономических реформ, настаивая на необходимости развития частного сектора, мелкого и среднего бизнеса, который, как предполагалось, поглотит быстро растущую рабочую силу. Но пока частный бизнес не почувствовал выгод реформ. Президент ас-Сиси в связи с этим заявил: «Путь реальных реформ труден и жесток и причиняет много страданий, но страдания, вызванные отсутствием реформы, намного хуже» [Sharp J.M., 2019: 2]. Однако дальнейший рост цен (особенно на продовольствие) и увеличение безработицы (среди молодёжи она превышает 34%) могут угрожать дестабилизацией режиму ас-Сиси.

СНИЖЕНИЕ КРИТИКИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ПРЕЗИДЕНТА АС-СИСИ

В 2015–2016 гг. основные критики режима ас-Сиси в Конгрессе США находились в Комитете по иностранным делам Палаты представителей (особенно усердствовали в этом Д. Коннолли и И. Рос-Лехтинен, отвечавшие за Северную Африку и Ближний Восток). Они делали акцент на трудностях работы американских НПО в Египте и судебное преследование некоторых из них. Сенат в 2016 г. рекомендовал сохранить 15%-ное сокращение военной помощи Египту в отсутствие прогресса с правами человека, а также предложил вдвое уменьшить экономическую помощь – до 75 млн долларов.

В 2017 г. Конгресс усилил критику внутренней политики ас-Сиси, не забывая поддерживать внешнюю. Резолюция *S.Res.108*, внесённая сенатором Б. Кардином, признавала важность американо-египетского партнёрства, но требовала освободить несправедливо заключённых американских граждан, положить конец преследованиям и вмешательству в деятельность независимых организаций гражданского общества и СМИ. Резолюция также призывала активизировать сотрудничество с Египтом по борьбе с терроризмом и в решении вопросов безопасности на Синайском полуострове. Там же говорилось, что любая реструктуризация американской помощи Египту будет учитывать прогресс в области политических реформ и прав человека. Подтверждалась важность укрепления торговли с Египтом, инвестиций в египетский частный сектор и борьбы с коррупцией [21].

Давление на Египет дало результат. В 2017 г. был освобождён А. Хиджази, имеющий египетское и американское гражданство, учредитель НПО, оказывавший помощь подросткам. По обвинению в жестоком обращении с детьми он провёл в тюрьме более трёх лет. Американским давлением следует объяснить и прекращение «Дела 173» в 2018 г. с оправданием 43 (в том числе 15 американцев) сотрудников семнадцати неправительственных организаций.

Однако в 2017 г. ас-Сиси изменил законодательство об НПО. Новый закон требовал обременительных регистрационных процедур, ограничивал иностранное финансирование; более того, он криминализировал гражданскую активность [22]. Этот закон Конгрессу США не понравился. В принятой по нему совместной резолюции (*S. J.Res.68*) предлагалось запретить продажу Египту различных видов оружия, боеприпасов и перестать обслуживать и ремонтировать военную технику [23]. За несколько месяцев до своего визита в США в апреле 2019 г. президент ас-Сиси объявил, что закон, хотя и носит «ограничительный характер и отражает скептическое отношение к деятельности НПО», египетские законодатели могли бы подготовить его изменённый вариант [24]. Однако накануне этого визита была достигнута договорённость, что внутренняя ситуация в Египте обсуждаться и комментироваться в Конгрессе не будет.

В 2018 г. Сенат США принял резолюцию, призывающую правительство Египта обеспечить проведение президентских выборов, заслуживающих доверия (*S.Res.45*). На очередных выборах с ас-Сиси конкурировал М. Мустафа Мусса, председатель партии «Аль-Гэд» («Завтра»), сторонник самого президента. В результате А. Фаттах Ас-Сиси получил 97% голосов, а его «соперник» – 2,9%.

Анализ договоров лоббистов и их отчётов показывает, что власти Египта ставили перед исполнителями задачи, которые реализовались через разные группы давления. Лоббирование проводилось через администрацию президента и правительство в формате личных встреч. Этим занимались компании «Кэссиди энд ассошиейтс, инк.» и «Гловер парк груп». Последняя в своём отчёте сообщает о рабо-

те напрямую с конгрессменами и теми, кто на них может оказать влияние: «помощь в проведении информационно-разъяснительной работы с Конгрессом, СМИ, аналитическими центрами и другими ключевыми заинтересованными сторонами». Группа также реализовывала влияние, направленное в основном на широкую общественность, в том числе устраивала интервью египетских министров с журналистами «Вашингтон пост», агентством печати Ассошиэйтед Пресс Рейтер [25]. А как отмечал в своё время крупнейший российский специалист по вопросам лоббирования Н.Г. Зяблюк, «улучшение имиджа в публичном пространстве становится важным элементом в лоббировании иностранных интересов, когда требуется “поддержать” голосование законодателей мнением общества и политического класса» [Зяблюк Н.Г., 1976: 93].

Связи со СМИ, услуги в области социальных сетей также обеспечивала компания «АПКО уорлдуайд, инк.» (*APCO Worldwide, Inc.*) с целью помочь правительству АРЕ в освещении стратегического партнёрства с США, общих интересов и ценностей, роли Египта в управлении региональными рисками.

Привлечением американских инвесторов и рекламой экономических достижений АРЕ занималась и компания «Галф Хилл + Ноултон лтд». О том, что контакты имели результат, можно судить по принятой Палатой представителей американского Конгресса резолюции *H.Res.113*. Она подтверждала приверженность американо-египетскому альянсу, важность предоставления Каиру гарантий по кредитам в объёме 10 млрд долл. на пять лет и настаивала на «расширении программы египетских промышленных зон».

Отдельного внимания заслуживают попытки египетских лоббистов использовать научные институты и экспертное сообщество. Децентрализованная система государственного управления США является благоприятной средой, в которой множество экспертных институтов соперничают за внимание администрации президента, Госдепартамента, обеих палат Конгресса [Истомин И.А., 2015: 114]. Однако египетские заказчики, как следует из отчётов, ставили перед лоббистами задачу просто «убедить» экспертов и организовать встречу, слабо ориентируясь в их специализации и механизмах влияния.

Проведением информационно-разъяснительной работы с аналитическими центрами занималась «Кэссиди энд ассошиейтс, инк.», в то время как «Гловер парк груп» договаривалась о встречах египетских чиновников с Центром Вильсона, Центром за новую американскую безопасность, Фондом Маршалла, Центром стратегических и бюджетных оценок, Университетом Джонса Хопкинса, Исследовательской службой Конгресса, Центром стратегических и бюджетных оценок, Вашингтонским институтом ближневосточной политики, Центром стратегических и международных исследований, Еврейским Институтом национальной безопасности США, Американским институтом предпринимательства, Африканским центром стратегических исследований [26].

Представляет несомненный интерес участие Объединённых Арабских Эмиратов в лоббировании в пользу Египта. Из переписки посла ОАЭ в США Ю. Аль-Отайбы с лоббистом «Гловер парк групп» Д. Джонсоном известно о том, что из 3 млн долл., начисленных Египту за лоббирование в 2017 г., 2,735 млн были оплачены ОАЭ. При всей осторожности, с которой следует относиться к утечкам переписки посла в прессу, из неё можно извлечь информацию, проливающую свет на кухню лоббистской кампании [31].

Специалисты из «Гловер парк групп» предложили два пути, как улучшить имидж Египта в США. Первый состоял в представлении плохого состояния с правами человека в Египте и демократии в целом в качестве точки в демократическом процессе: мол, самое плохое уже исправляется и надо видеть не точку, а вектор реформ. Второй путь состоял в слаженном и одновременном использовании экспертов, лидеров мнений и прессы, чтобы возникающее «эхо» присутствовало органично в информационном поле. Посол Аль-Отайба получил отказ от нескольких «мозговых центров», хотя готов был заплатить за нужное экспертное мнение 700 тыс. долл. Например, Э. Абрамс из Совета по международным отношениям за день до слушаний по Египту в Конгрессе ответил послу ОАЭ, что ас-Сиси, подавляя инакомыслие, «создал завод по производству джихада». Исполнительному вице-президенту Брукингского института, бывшему заместителю госсекретаря по ближневосточной политике М. Индику Аль-Отайба безрезультатно доказывал, что Египет не готов к демократии по-американски. Посол ОАЭ не учёл, что демократы в Конгрессе с помощью таких учреждений, как Брукингский институт, Совет по международным отношениям и т.п., использовали критику ас-Сиси для борьбы с Д. Трампом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные финансовые средства направлялись Каиром на лоббистские пиар-услуги. Через компанию «Гловер парк» на эти цели было потрачено в 2016–2017 гг. 2,6 млн долл. [25]; [26]. Второй по величине статьёй расходов были консультации по вопросам стратегических отношений с США. На составление карты ключевых фигур для выявления заинтересованных сторон, которые поддерживают цели клиента, содействие встречам с ними «Кэссиди энд ассошиейтс» израсходовала 1,9 млн долл. (2017 г.) [32]. На политический пиар (составление карты ключевых контактов, разработка ключевых сообщений, содействие контактам со СМИ, подготовка стратегии действий в социальных сетях) в интересах правительства АРЕ было потрачено через «СМГРП, инк.» (*CMGRP, Inc.*) 1,76 млн долл. в 2017 году.

Судя по неослабевающей критике авторитаризма ас-Сиси в Палате представителей, лоббистам «Гловер парк групп» и «Кэссиди энд ассошиейтс, инк.» не удалось убедить конгрессменов в «реализации дорожной карты правительства по созданию институтов инклюзивного демократического государства по-

средством парламентских и президентских выборов». Следует признать это не очень удачной инициативой руководителей Общей разведки Египта (случай найма лоббистов разведчиками беспрецедентный). Вся «инклюзивность демократического процесса» после принятия на референдуме поправок в Конституцию Египта свелась к неограниченной власти президента ас-Сиси над военными и судебными органами. После победы на выборах 2018 г. он может возглавлять страну до 2034 г. за счёт увеличения президентского срока с четырёх до шести лет. Сейчас его старший брат и старший сын занимают ключевые посты в сфере безопасности и разведки, оппозиция подавлена и лишена слова [Sharp J.M., 2019]. Трудно убедить пиар-средствами американскую аудиторию в «демократической перспективе» Конституции ас-Сиси, обещаниями восстановления президентом сената и установлении 25%-ной квоты для женщин-парламентариев.

Проблемы египетских лоббистов при использовании американских экспертов можно объяснить непониманием специализации экспертных институтов США и механизма их влияния: «одни работают на правительство и его контрагентов, другие – на Конгресс и политические партии, третьи – на бизнес, четвёртые – на широкую публику» [Кочетков Г.Б., Суюян В.Б., 2010: 58]. Существуют «мозговые центры», которые позиционируют себя не просто как участники политического процесса, но обещают изменения «политического ландшафта» через представление выводов по своим каналам политическим игрокам, например, английский «Демос» (*Demos, UK*), Фонд «Наследие», Центр за американский прогресс [McGann J.G., 2008: 35-41]. Египетские помощники хотели купить защиту своей точки зрения, но в экспертном сообществе, как правило, принята другая форма – поддержка через спонсорские пожертвования, которые не означают «наём» или продажу влияния. Важным является и аффилированность экспертных институтов через учредителей [McGann J. G., 2018: 13]. Поэтому при лоббировании нет смысла обращаться к тем «мозговым центрам», которые связаны с группами противоположных интересов.

Давая оценку лоббированию египетских интересов, следует признать его «некреативным». Отношения Каира с Вашингтоном не пострадали серьёзно не благодаря усилиям египетских лоббистов. Ещё президент Обама, защитник «арабской весны», молчаливо согласился на роль военных в качестве «опекунов» Египта и обратился к Конгрессу с предложением восстановить военную и экономическую помощь. А Трамп, называвший все решения Обамы плохими, отвечая на вопрос о конституционных изменениях в Египте, сказал в 2019 г. о египетском президенте: «Думаю, что он делает большую работу <...> великий президент» [27]. Американская дипломатия исходила из необходимости хороших отношений с Каиром для проведения американской политики в регионе. Среди законодателей есть те, кто видит в ас-Сиси недемократического, но полезного партнёра по борьбе с терроризмом, а в Египте в целом – необходимый инстру-

мент внешней политики США. Президент, Госдепартамент, Минобороны практически всегда склоняются к первой, прагматичной, точке зрения на отношения с Египтом, особенно с учётом возможного поворота в палестино-израильском урегулировании [28].

Общим местом лоббирования любых иностранных интересов в США является представление этих интересов таким образом, чтобы они совпадали с американскими интересами, или, как минимум, не противоречили им и отвечали на вопрос, почему требуемое решение должно быть принято. Например, П. Райан, бывший одно время спикером Палаты представителей, вернувшись из поездки в Каир, заявил, что сохранение военной помощи необходимо, чтобы Египет не стал несостоявшимся государством. А председатель сенатского Комитета по ассигнованиям Л. Грэм, также побывав в АРЕ, предложил разработать для Египта и окружающего региона новый «план Маршалла», апеллируя таким образом к великим успехам американской политики.

Нельзя обойти вниманием вопрос, мог ли Египет использовать арабское лобби? Арабская диаспора, сосредоточенная в основном в пяти штатах (в Калифорнии, Флориде, Мичигане, Нью-Джерси и Нью-Йорке), составляет от 0,5 до 1,2% избирателей [Nuczko M., 2019: 74-76]. По сути, это конгломерат диаспор из различных арабских стран с довольно размытыми границами. Выходцы из них могут говорить в один голос по израильско-палестинской повестке, но в большей степени откликаются на призыв бороться за права арабоамериканцев в США. В отношении интересов конкретных арабских стран их позиции могут отличаться. Наиболее известные организации, имеющие опыт лоббирования, – Национальная ассоциация американцев арабского происхождения и Американский мусульманский совет; защитой прав арабов занимается и Американо-арабский антидискриминационный комитет [Nuczko M., 2019: 73-74]. В финансировании выборов участвовал также Комитет политических действий, созданный Арабско-Американским институтом, который сосредоточен на вовлечении арабов во внутреннюю политическую жизнь США. В настоящее время особенностями диаспорального арабского лобби остаются слабая организованность, недостаток уличных активистов и симпатий американского общественного мнения из-за ассоциации с терроризмом [Nuczko M., 2019: 74-76].

Одним из объяснений аморфности египетско-арабской диаспоры может быть отсутствие сильной консолидирующей идеи. Если такой идеи нет, то в условиях американского мультикультурализма и плюралистической демократии национальная идентичность слабеет [Smith T., 2000: 29]. С другой стороны, диаспоральные сообщества и, в частности, американские арабы действуют в условиях американской политической системы, что меняет их и вовлекает в процессы демократизации стран, правительства которых желали бы их использовать [Shain Y., 1995: 839-841].

Такие страны, как Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, предпочитают не искать поддержки арабской диаспоры и не полагаться на законодательные иници-

циативы, а развивать лоббирование через личные отношения с американскими элитами. Суть этого механизма сформулировал патриарх саудовского лобби, бывший 20 лет послом в США (затем генеральный секретарь Совета национальной безопасности и глава общей разведки КСА) принц Бандар ибн Султан [29]. И тогда, и сейчас ставка делается на персональное лоббирование. Бандар ибн Султан говорил: «Если репутация строится на том, что саудиты заботятся о друзьях, когда они покидают свой пост, вы будете удивлены, насколько лучше у вас становятся друзья, которые только вступают в должность» [30].

У Египта нет устойчивых персональных связей с американскими элитами, академическими и экспертными кругами, бывшими послами, чиновниками, политиками, профессорами университетов, актёрами, писателями, другими публичными и непубличными влиятельными лицами [подробнее см.: Glees A., 2010: 10].

ИСТОЧНИКИ

1. *Giraldi P.* Should AIPAC Register As A Foreign Agent? The American Conservative. 28.07.2017. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/articles/aipac-should-register-as-a-foreign-agent/> (accessed 26.07.2020).
2. H.R.3942 – 114th Congress (2015-2016) Save Christians from Genocide Act, H.R.5974 – 114th Congress (2015-2016) Coptic Churches Accountability Act, H.Res.673 – 115th Congress (2017-2018), Expressing concern over attacks on Coptic Christians in Egypt.
3. Trump praises Egypt's al-Sisi: 'He's a fantastic guy'. *Politico*, 22.09.2016. Available at: <https://www.politico.com/story/2016/09/trump-praises-egypts-al-sisi-hes-a-fantastic-guy-228560> (accessed 24.09.2020).
4. The Center for Responsive Politics. Available at: <https://www.opensecrets.org/fara/countries/146?cycle=2017> (accessed 24.09.2020).
5. Report of the Attorney General to the Congress of the United States on the Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended, for the six months ending June 30, 2017. Available at: <https://www.justice.gov/nsd-fara/page/file/1021601/download> (accessed 24.09.2020).
6. Report of the Attorney General to the Congress of the United States on the Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended, for the six months ending December 31, 2017. Available at: <https://www.justice.gov/nsd-fara/page/file/1085771/download> (accessed 24.09.2020).
7. Report of the Attorney General to the Congress of the United States on the Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938, as amended, for the six

months ending June 30, 2018, Available at: <https://www.justice.gov/nsd-fara/page/file/1194051/download> (accessed 24.09.2020).

8. The Administration of the Foreign Agents Registration Act of 1938. Available at: https://search.justice.gov/search?affiliate=justice_fara&op=Search&page=13&query=Egypt+ (accessed 24.09.2020).

9. U.S. suspends significant military aid to Egypt. CNN, October 9, 2013. Available at: <https://edition.cnn.com/2013/10/09/world/meast/us-egypt-aid/> (accessed 14.01.2020).

10. Egypt 2016 International Religious Freedom Report. Available at: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1013931/download> (accessed 24.09.2020)

11. Egypt: 'Officially, You Do Not Exist' Disappeared and Tortured in The Name of Counter-Terrorism. Available at: <https://www.justice.gov/eoir/file/875496/download> (accessed 24.09.2020).

12. Egypt 2015 International Religious Freedom Report. Available at: <https://www.justice.gov/eoir/file/884536/download> (accessed 20.09.2020).

13. An Interview with Egyptian President al-Sisi, BBC News. 06.11.2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KqVPxafKmak> (accessed 24.09.2020).

14. The Glover Park Group, LLC Supplemental Statement 2/1/2016-7/31/2016. Available at: <https://efile.fara.gov/docs/5666-Supplemental-Statement-20170301-25.pdf> (accessed 25.09.2020).

15. Cassidy & Associates, Inc. Supplemental Statement. Available at: <https://efile.fara.gov/docs/6272-Supplemental-Statement-20180827-7.pdf> (accessed 21.09.2020).

16. The Gulf's Entanglement in Egypt. Arab Gulf States Institute in Washington. 25.08.2016. Available at: <https://agsiw.org/the-gulfs-entanglement-in-egypt/> (accessed 24.09.2020).

17. Egypt's Top 10 Exports, World's Top Exports. 01.06.2019. Available at: <http://www.worldstopexports.com/egypts-top-10-exports/> (accessed 14.09.2020).

18. Egypt – Market Overview. Helping U.S. Companies Export. Available at: <https://www.export.gov/article?id=Egypt-Market-Overview> (accessed 14.09.2020).

19. U.S. Relations with Egypt. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-egypt/#relations> (accessed 20.09.2020).

20. Lobbying 2016: U.S. grudgingly accepts new normal with Egypt, *Al-Monitor*, 08.08.2016, Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/07/us-seeks-stable-egypt.html#ixzz5xftYixzk> (accessed 24.09.2020).

21. S.Res.108 - A resolution reaffirming the commitment of the United States to the United States-Egypt partnership.

22. Egypt to amend controversial NGO law as Sisi visits Washington, *Al-Monitor*, 11.04. 2019. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/04/sisi-visit-trump-results-new-draft-law-for-ngo-human-rights.html#ixzz60rasOIRr> (accessed 04.09.2020).

23. S.J.Res.68 - A joint resolution relating to the disapproval of the proposed export to the Government of Egypt of certain defense articles and services (accessed 24.08.2020).

24. Towards a new NGO law for Egypt: Amendments and reviews. *Al-Ahram Weekly*, 31.01.2019. Available at: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/322781/Egypt/Politics-/Towards-a-new-NGO-law-for-Egypt-Amendments-and-rev.aspx> (accessed 24.08.2020).

25. The Glover Park Group, LLC Supplemental Statement 2/1/2016-7/31/2016. Available at: <https://efile.fara.gov/docs/5666-Supplemental-Statement-20170301-25.pdf> (accessed 24.08.2020).

26. Glover Park Group, LLC Supplemental Statement Pursuant to the Foreign Agents Registration Act of 1938. Available at: <https://efile.fara.gov/docs/5666-Supplemental-Statement-20160830-24.pdf> (accessed 27.09.2020).

27. Trump praises Egypt's Sisi despite concerns about human rights, Russian arms. Reuters, 09.04.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-egypt-idUSKCN1RL27S> (accessed 24.07.2020).

28. Peace to Prosperity. A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People. 28.01.2020. Available at: <https://www.whitehouse.gov/peacetoprosperity/> (accessed 28.08.2020).

29. Prince Bandar bin Sultan: Larger-than-life diplomacy, *The Economist*, 6 November 2008.

30. Interview of ambassador to the United States, Prince Bandar ibn Sultan. *The Washington Post*, Feb. 11, 2002.

31. The UAE Secretly Picked Up the Tab for the Egyptian Dictatorship's D.C. Lobbying, *The Intercept*, 04.10.2017. Available at: <https://theintercept.com/2017/10/04/egypt-lobbying-uae-otaiba-trump-sisi/> (accessed 26.09.2020).

32. CASSIDY & ASSOCIATES, INC. Service Contract, Available at: <https://efile.fara.gov/docs/6272-Exhibit-AB-20170128-3.pdf> (accessed 26.09.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зяблюк Н. Г. 1976. США: лоббизм и политика. М.: Мысль. 207 с.

Истомин И.А. 2015. Внешнеполитическая экспертиза в США. *Сравнительная политика*. Т. 6. № 1 (18). С. 111-127.

Кочетков Г.Б., Сулян В.Б. 2010. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики. *Проблемы прогнозирования*. № 5 (122). С. 52-67.

Минакова Н.В. 2016. Соглашения о свободной торговле и их значение для экономики США. *Россия и Америка в XXI веке*, №3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=534> (accessed 24.09.2020)

Перегудов С.П., Уткин А.И., Костяев, С.С. 2009. Лоббизм российского бизнеса в США и ЕС: эволюция и перспективы, М.: ИСКРАН, 65 с.

REFERENCES

Aftandilian G. L. 2013. Egypt's new regime and the future of the U.S.-Egyptian strategic relationship. *Open Library*, 49 p.

Bard M. 2010. The Arab Lobby: The American Component. *Middle East Quarterly*, Fall, Vol. 17: No. 4, p. 3-15.

Sharp J.M. 2019. Egypt: Background and U.S. Relations, The U.S. Congressional Research Service, 12. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/RL33003.pdf> (accessed 24.09.2020).

Glees A. 2009. Arab and Islamic funding of Islamic Studies: a question of Western security. *The National Observer*, No 81, December 2009– February 2010.

Huczko M. 2019. The Pro-Israeli and Pro-Arab Lobby in The United States *International Scientific Journal "Science. Business. Society"*, Year IV, Issue 2. P. 73-76.

Istomin I.A. 2015. Vneshnepoliticheskaia ekspertiza v SShA [Foreign Policy Expertise in The U.S.] (In Russ.). *Comparative Politics Russia.*; 6 (1(18)):111-127.

Kochetkov G.B., Supyan V.B. 2010. «Mozgovye tsentry» v SShA: nauka kak instrument real'noi politiki [American think tanks: science as a tool of real policy] (In Russ.). *Problems of forecasting*. № 5 (122).

McGann J. G. 2018 Global Go to Think Tank Index Report. University of Pennsylvania. 01.2019. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks (accessed 30.08.2020).

McGann J. G. 2008 Global Go to Think Tanks Index Report. University of Pennsylvania, 12. p.35-41. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=think_tanks (accessed 30.07.2020).

Minakova N. 2016. Soglasheniia o svobodnoi trgovle i ikh znachenie dlia ekonomiki SShA [Free Trade Agreements and theirs Impact on The US Economy] (In Russ.). *Russia and America in the 21st Century*. No.3. Available at: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=534> (accessed 24.09.2020).

Peregudov S.P., Utkin A.I., Kostyaev S.S. 2009. Lobbizm rossiiskogo biznesa v SShA i ES: evoliutsiia i perspektivy [Russian Business Lobbying in the USA and the EU: Evolution and Prospects]. Moscow: ISKRAN, 65 p.

Shain Y. 1995 Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy. *Political Science Quarterly*, no. 109, p. 811-841.

Smith T. 2000. Foreign attachments: the power of ethnic groups in the making of American foreign policy, Harvard University Press.

Wagreich S. 2013. Lobbying by proxy: A Study of China's lobbying practices in in the United States 1979-2010 and the implication for FARA, *Journal of Politics & Society*, Vol. 24 Issue 1.

Zyablyuk N.G. 1976. SShA: lobbizm i politika [USA: lobbying and politics] (In Russ.). Moscow: "Mysl", p.101-106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРАФОВ Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, стар- ший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031 Москва, ул. Рождественка, д. 12.	Dimitry B. GRAFOV, Cand. Sci (Pol- itics) Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 12 Rozdestvenka St., Moscow, 107091 Russian Federation.
---	--

УДК: 274/279; 338.2; 94 (7/8)

DOI: 10.31857/S268667300013203-3

Мировоззрение «позитивно мыслящего» Дональда Трампа и его «воинства»

В.Б. Студенцов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 177997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

ORCID: 0000-0002-4242-0877 e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.11.2020.

Резюме: В статье рассматривается основополагающий подход Д. Трампа к жизни, определяющий также его отношение к религии и экономике. Негативная оценка им экономической политики предшествовавших администраций была длительной и устойчивой – её центральные пункты были сформулированы десятилетия тому назад. Один из них – признание сложившихся двусторонних и многосторонних отношений с партнёрами невыгодными для США. В понимании Д. Трампа утрата «экономического величия Америки» произошла в том числе и прежде всего в связи с потерей её промышленностью первенствующих позиций в мире. Взяться за масштабный пересмотр прежней (внутренней и внешней) политики ему помогло специфическое мироощущение, сформированное псевдорелигиозной концепцией «позитивного мышления». Усвоенная Д. Трампом у её автора и пропагандиста пастора Н.В. Пила, она, упрощённо говоря, состоит в положительном, оптимистическом настрое к жизни. Именно в «позитивном мышлении» коренятся присущие Д. Трампу безусловная ориентация на успешный исход и превосходная оценка собственных действий. При этом его религиозность носит прагматичный, утилитарный и преимущественно ритуальный характер – он плохо знает Библию, редко ходит в церковь, хотя при случае подчёркивает свою приверженность христианству. В религиозном отношении его «воинством» – крупнейшими группами поддержки – являются евангелики и последователи «евангелия процветания». При всех существенных различиях они, как и некоторые другие религиозные конфессии и группы, видят в Д. Трампе защитника их религиозных и экономических интересов.

Ключевые слова: Д. Трамп, деиндустриализация, экономический национализм, религия, Н.В. Пил, «позитивное мышление», евангелики, «христианский национализм», «евангелие процветания»

Для цитирования: Студенцов В.Б. Мировоззрение «позитивно мыслящего» Дональда Трампа и его «воинства». *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(1): 70–88. DOI: 10.31857/S268667300013203-3

Worldview of “Positive Thinking” of Donald Trump and His “Host”

V.B. Studentsov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN).*

23, Profsoyuznaya st., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-4242-0877 e-mail: studentcov.viktor@gmail.com

Received 17.11.2020.

Abstract: The article discusses the basic approach of Donald Trump to life in general as well as religion and economy in particular. His negative assessment of previous administrations' economic record was not immediate, but long lasting and stable with its major points formulated decades ago. One of them is the recognition of the inequitable and harmful character of bilateral and multilateral ties of the U.S. with its partners. The loss of America's economic greatness he seems to attribute mostly to domestic industry's relative decline. A specific worldview formed by the pseudo-religious concept of "positive thinking" underlays Trump's endeavors. He learned the concept that essentially promotes positive, optimistic approach to life from its author and principal advocate Norman Vincent Peale. That very "positive thinking" is the basis of Trump's permanent confidence of success and appraisal of any of his action in superlative terms. As to his religiosity, it is of pragmatic, utilitarian and mostly of ritual sort – he hardly knows the Bible, seems to lack churchgoing, however on important occasions emphasizes his commitment to Christianity. The two major religious groups that constitute his support ("host") are evangelicals and prosperity gospel followers. Although differing on many points they see Trump as the champion of their religious and economic interests.

Keywords: Trump, deindustrialization, economic nationalism, religion, Norman Vincent Peale, "positive thinking", evangelicals, Christian nationalism, prosperity gospel.

For citation: Studentov V.B. Worldview of "Positive Thinking" Donald Trump and His "Host". *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(1): 70-88. DOI: 10.31857/S268667300013203-3

ВВЕДЕНИЕ

Подошёл к концу срок полномочий 45-го президента США Дональда Трампа, избрание которого бросало вызов истеблишменту и символизировало резкий разрыв с курсом предшественников. Как бы ни оценивалась деятельность Д. Трампа, его имя останется в истории, а потому небезынтересно выяснить, что же двигало и движет этим человеком, каково его мировоззрение. Это тем более важно, что схожих взглядов придерживаются миллионы сограждан Д. Трампа, условно говоря – его «воинство».

КРАХ ВЕЛИЧИЯ АМЕРИКИ И МИССИЯ Д. ТРАМПА: ГЕРАКЛ ИЛИ СИЗИФ?

Казалось бы, всякий, кто был готов взяться за расчистку «авгиевых конюшен» американской политики и экономики, заранее обрекал себя на неудачу. Так мог считать кто угодно, но только не Д. Трамп – человек, как будет показано ниже, уверенный в осуществимости практически любых, сколь угодно сложных задач. О масштабах необходимых перемен он писал ещё в 2011 г. в книге «Время стать жёстким. Как сделать Америку №1», название которой отечественный издатель, впрочем, поменял на более нейтральное [Трамп Д., 2017a]. К тому же решение баллотироваться было далеко не спонтанным: он давно примеривался к президентству, и составившие его повестку идеи были высказаны задолго – за несколько десятилетий до прихода к власти. Поэтому частая смена сотрудников

президентской администрации свидетельствовала не о лихорадочных шарахах президента, а об обнаружении им того, что не все члены команды разделяли его взгляды и/или были не до конца лояльны. Д. Трамп нуждался в добросовестных исполнителях, а не в советниках – как он многократно по разным поводам утверждал: «Я сам себе стратег» [Laderman C. et al., 2017].

По определению Д. Трампа, «дело Америки – это бизнес» [Трамп Д., 2017а: 15] и ко всем вопросам повестки дня – внутренней и внешней – он стал подходить, как деловой человек. В отличие от предшествовавших президентов он видел своей задачей не «облагодетельствование» мира посредством повсеместного «продвижения свободы и демократии», а «обеспечение защиты и благосостояния» соотечественников. На предвыборном съезде Республиканской партии 2016 г. Д. Трамп провозгласил: «Американизм, а не глобализм будет нашим кредо» [Laderman C. et al., 2017: 10]; и реализация девиза «Америка превыше всего» стала руководящим принципом его политики.

Масштабный перенос акцентов политики с глобализма на частичный изоляционизм произошёл в силу особенностей личности Д. Трампа, но имел под собой то глубокое основание, что американская экономика оказывалась всё менее способной обеспечивать мировую гегемонию США. Возросшая открытость экономики обернулась не только плюсами, но и минусами, важнейшим из которых стало существенное ослабление позиций американских производителей как внутри страны, так и в мире. С 1997 г. в обрабатывающей промышленности были утрачены свыше 91 тысячи предприятий и почти пять миллионов рабочих мест [12]. Особенно болезненно сказалось установление режима свободной торговли с Китаем с конца 2000 г. С этого времени занятость в обрабатывающей индустрии начала быстро деградировать – с 2000 по 2012 г. она сократилась на четверть [Fort T.C. et al., 2018: 47]; согласно данным ООН, уже в 2010 г. обрабатывающая промышленность США уступила пальму мирового первенства Китаю. Свою лепту в ослабление индустриальной базы внесло и Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) – например, с 1994 г. число занятых в автомобилестроении в США упало на треть (что составило 350 тысяч), тогда как в Мексике выросло со 120 до 550 тысяч [3].

Проявлением глубокого кризиса американской экономики и общества в целом стал феномен «смертности от отчаяния», обнаруженный А. Кейс и её соавтором и мужем – лауреатом Нобелевской премии по экономике А. Дитоном [Case A. et al., 2017; Case A. et al., 2020]. Хотя рост таких смертей, к которым они относят смерти от наркотиков, алкоголя и вызванных его злоупотреблением болезней, от отравления, самоубийств и т.п., наблюдался во всех социальных слоях и группах США, наиболее остро он затронул белое (неиспаноязычное) население трудоспособного возраста со средним и более низким образованием¹. Особенно явно он

¹ Кстати, с 2014 по 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни в целом по США постоянно снижалась, чего не наблюдалось с десятых годов XX века.

был выражен в местностях сосредоточения обрабатывающей промышленности (где преимущественно работают белые), которые испытывали острую конкуренцию со стороны китайских поставщиков [Pierce J.R. et al., 2016]. Примечательно, что в округах, в наибольшей степени подверженных конкуренции со стороны Китая, росло число голосов, поданных на выборах в Конгресс за демократов. Дело в том, что последние активнее поддерживали меры по ограничению этой конкуренции, а также по оказанию помощи тем, кто от неё пострадал [Che Y. et al., 2016].

В своей инаугурационной речи Д. Трамп утверждал, что Соединённые Штаты на протяжении десятилетий «обогащали зарубежную промышленность за счёт американской индустрии», делали другие страны богатыми, тогда как их собственные богатство, мощь и даже вооружённые силы оказались подорваны. Это, по мнению Д. Трампа, произошло вследствие нечестности и обкрадывания (в его терминологии – «эксплуатации») контрагентами (причём как друзьями, так и врагами) США – экономии ими на военных расходах, нежелания сбалансировать торговые потоки, воровстве интеллектуальной собственности² и т.д. Закономерно, что одним из центральных пунктов стратегии возрождения американской экономики явился пересмотр характера торгово-экономических связей с миром. Поскольку ущербными были признаны многие из ранее заключённых двусторонних и многосторонних соглашений, а также участие в некоторых международных организациях, то последовал либо полный разрыв отношений (например, выход из Парижского соглашения по климату, Транстихоокеанского партнёрства, ЮНЕСКО, ВОЗ), либо их пересмотр (НАФТА), или же, наконец, блокировка деятельности (ВТО). Политика экономического национализма (под лозунгом «Америка превыше всего») стала осуществляться также посредством обложения импорта высокими тарифными ставками, побуждения и понуждения иностранных государств к закупке американских товаров, применения торговых и банковских санкций и т.п. Началось давление на союзников и сателлитов с требованием вносить более весомый финансовый вклад в обеспечение совместной безопасности. Одновременно с этим проводилась традиционная для республиканцев политика создания условий для предпринимательства – дерегулирование, снижение налогов и др. Характерно, что экономические советники Д. Трампа С. Мур и Л. Кадлоу были не только приверженцами «кривой» А. Лаффера, но и приятелями её автора. Не случайно в 2019 г. последний был награждён Президентской медалью Свободы – одной из двух высших наград США для гражданских лиц.

Обращённая к «голубым воротничкам» риторика Д. Трампа относительно возвращения в страну мощностей и восстановления рабочих мест возымела действие – в 2016 г. избиратели 25 штатов с наибольшей долей занятых в обрабатывающей промышленности отдали ему почти 80% своих голосов [12]. Но одно дело – слова, посулы, другое – дела. Как Д. Трамп мог рассчитывать на то, что ему

² Независимая двухпартийная Комиссия по краже американской интеллектуальной собственности оценивает потери страны в сумму до 600 млрд долл. в год.

удастся реализовать поистине титанический проект по реиндустриализации Америки?

Критики Д. Трампа часто указывают на некоторые черты (или изъяны) его личности – импульсивность, нарциссизм³, неприятие чужого мнения и т.п. [Франк Дж.А., 2019]. Однако каковы бы они ни были, отказать президенту в здравомыслии нельзя. Не гипертрофированное самомнение и/или сумасбродство стояло за решимостью Д. Трампа взяться за расчистку оставленных предыдущими администрациями завалов. Ему давало силы и надежду преуспеть почерпнутое у известного пастора Нормана Винсента Пила мировоззрение, имеющее в своей основе особым образом понимаемое христианство. «Христианство в трактовке Н.В. Пила, – пишет один из виднейших теологов и философов США Стэнли Хауэрвас, – было ближе к набору верований, который последователь мог составить в соответствии со своими собственными желаниями. Трамп воспринял эту стратегию и применил её к стране» [5].

ПРЕСВИТЕРИАНИН, «ЛУЧШИЙ УЧЕНИК Н.В. ПИЛА», «НЕИСТОВЫЙ ОПТИМИСТ»

Д. Трамп до самого последнего времени был последователем пресвитерианства, одного из направлений кальвинизма, отличающегося от других его ветвей не столько догматами, сколько принципами церковной организации. Приверженность этому исповедованию ему была привита матерью, которая родом из Шотландии, где традиционно со времён Реформации сильны позиции именно этой формы кальвинизма. Предки же отца были немецкими лютеранами.

Родители будущего президента сочетались браком в Манхэттенской пресвитерианской церкви в 1936 г. В детстве Дональд посещал Первую пресвитерианскую церковь района Джамейка (Куинс, Нью-Йорк), где по воскресеньям изучал Библию и там же прошёл конфирмацию [Trump D., 2016: 130]. В 1975 г. семья перешла в Мраморную коллегияльную (*Marble Collegiate*) реформатскую церковь в Манхэттене, где был священником Норман Винсент Пил (*Norman Vincent Peale*) (1898–1993). Именно он в 1977 г. провёл обряд бракосочетания Д. Трампа с его первой женой – Ивановой Зельничковой)⁴. Этот же пастор в течение многих лет был наставником и

³ Секретарь Белого дома Р. Портер считал Д. Трампа «нарциссистом, смотрящим на мир только сквозь призму собственного “я”» [Вудворд Б., 2019: 211]. См. также: [Elovitz P.H., 2016]. Сам Д. Трамп не признаёт себя таковым, мотивируя это следующим образом: «Самовлюблённый человек не станет прислушиваться к критикам, я же всегда выслушиваю своих сотрудников *Trump Organization* (хотя ничьё мнение не способно поколебать моё собственное)» [Трамп Д., 2019а: 17]. Последние слова, конечно же, полностью изобличают его эгоцентризм.

⁴ В 1993 г. бракосочетание со второй женой (Марлой Мэйплс) провёл уже другой клирик этой же церкви; наконец, в 2005 г. венчание Д. Трампа с его нынешней женой (Меланией Кнавс или Кнауус) прошло в Морской епископальной церкви Бестеда (Палм-Бич, Флорида), хотя оба они формально не являются членами епископальной церкви.

духовным окормителем семьи Трампов – проводил в последний путь обоих его родителей, был почётным гостем на празднованиях дней рождения, годовщин свадьбы, на рождениях и даже на освящении построенных Д. Трампом зданий [Mansfield S., 2017]. Говоря о роли религии в своей жизни, Д. Трамп неизменно упоминал имя Нормана Винсента Пила, который, по его словам, считал его «лучшим из когда-либо бывших у него учеников» [9; Mansfield S., 2017].

По утверждению Д. Трампа, и после смерти пастора в 1993 г. он продолжал поддерживать связь с его вдовой Рут до самой её кончины в 2008 г. Кстати, в отличие от Д. Трампа Н.В. Пил был однолюбом и верным супругом – прожил с женой 63 года. Супружеской верности пастор придавал немалое значение – в 1952 г. он счёл кандидата Демократической партии на пост президента Э. Стивенсона II непригодным для высшей государственной должности только потому, что тот был разведён.

Кем же был «духовный наставник» Д. Трампа? Н.В. Пил после выпуска из Уэслианского университета Огайо и теологической школы Бостонского университета был рукоположен в методистского пастора, но через десять лет перешёл в Реформатскую церковь в Америке. С 1932 по 1984 г. он служил старшим священником Мраморной коллегияльной общины, основанной в 1628 г. и считающейся одной из старейших непрерывно действующих в США. В качестве пастыря, призванного врачевать духовные и душевные недуги своих прихожан, он со временем ощутил потребность в научном подходе к подобному целительству и проявил инициативу в приискании верующего помощника, какового нашёл в лице психиатра и психоаналитика Смайли Блантона (1882–1966)⁵. В 1937 г. Н.В. Пил при приходе организовал религиозно-психиатрическую клинику⁶ и особый фонд при ней [Capps D., 2009]. Клиника принимала пациентов вне зависимости от их религиозной принадлежности и за низкую плату; её деятельность финансировалась из гонораров за многочисленные брошюры Н.В. Пила и благотворительных пожертвований.

В социальном плане нью-йоркский пастор был крайне консервативен – наряду с другими известными религиозными персонами выступал против «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, усматривая в нём наступление государства на свободы и духовные идеалы граждан. Кстати, в 1960 г. Н.В. Пил возглавил публичное представление петиции ста пятидесяти пасторов, обеспокоенных возможностью победы на президентских выборах католика Дж.Ф. Кеннеди. Он и его единомышленники высказывали опасение, что католическое происхождение Кеннеди может открыть двери «чужеродному» влиянию – привести к подчинению политики

⁵ С. Блантон вырос в строгой пресвитерианской семье, но впоследствии перешёл в методизм; есть данные, что в возрасте примерно 60 лет примкнул к епископальной церкви. В 1930-е годы С. Блантон неоднократно стажировался у З. Фрейда, у которого, по-видимому, почерпнул некоторые теоретические знания и практические навыки.

⁶ Иначе – коррекции личных отношений [Пил Н.В., 2018b: 148, 244].

США «иностранным интересам», подрыву культуры страны и, в том числе, ограничению свободы слова.

В 1940-х годах Н.В. Пил, оставив клинику в основном на попечении С. Блантона, окунулся в политику, пополнив ряды тех довольно многочисленных религиозных и политических деятелей, кто активно продвигал тезис, что настоящий американец-патриот не может быть атеистом, он обязательно должен верить в Бога. Они требовали проведения масштабной евангелизации, то есть насаждения и пропаганды христианства, рассматривая это в качестве эффективного средства борьбы с коммунистическими идеями. Среди множества тех, кто противопоставлял религиозно окрашенный (прежде всего – христианский) национализм «атеистическому коммунизму» и коллективизму, Н.В. Пил выделялся проповедованием того, что вера способна дать не только духовные, но и осязаемые материальные плоды – она является залогом жизненного успеха и здоровья. Преданными друзьями и почитателями Н.В. Пила среди наиболее видных политиков были Д. Эйзенхауэр и Э. Гувер [Lane C., 2016], которым импонировали не только его психолого-религиозные идеи, но и антикоммунистический настрой⁷.

Усилия Н.В. Пила и его единомышленников в религиозном и политическом сообществе США по евангелизации населения оказались небезуспешными – к концу 1950-х годов число американцев, утверждавших, что они являются прихожанами какой-либо церкви, достигло наивысшей точки – таковых, по опросам, оказалось 69%. «Идея, [исходящая от] религиозных консерваторов 1930-х годов, таких как Пил, что Соединённые Штаты должны выбрать между коммунизмом и религией, – пишет его биограф К. Лэйн, – в середине века повторялась столь часто, что прочно срослась с понятиями патриотизма, религиозности и пониманием евангеликов духовного здоровья, что имело долговременные последствия для страны» [Lane C., 2016: 8].

Официальное признание заслуг Н.В. Пила пришло в 1984 г., когда Р. Рейган наградил его Президентской медалью Свободы за «вклад в области теологии». В какой мере это было оценкой собственно теологических достижений пастора или же его социально-политической деятельности – вопрос открытый. Многие теологи и религиозные деятели критиковали Пила за одностороннюю и эгоцентричную трактовку христианства, и тяготение к материализму. И правда, христианство в его интерпретации (по крайней мере в печатных трудах) предстаёт чем-то утилитарным, по определению С. Мэнсфилда, «светской мотивационной философией».

Если отбросить религиозный флёр, пропагандировавшееся Пилом «позитивное мышление» представляло собой всего-навсего позитивное отношение к жизни. «Позитивно мыслящий человек не отказывается признавать негативные обстоятельства, он отказывается принимать их как окончательную реальность. Позитивное мышление является способом отношения к реальности, при котором человек ищет лучшего выхода из наихудших ситуаций», – писал он [Пил Н.В., 2018а: 5]. По

⁷ Одним из его прихожан был Р. Никсон.

характеристике Н.В. Пила, его «система представляет собой совершенный и удивительно действенный метод преуспевания в жизни» [Пил Н.В., 2018b: 9].

Несмотря на то, что в его работах (в том числе важнейшей – «Сила позитивного мышления» [Пил Н.В., 2018b]⁸), Библия и Христос упоминаются десятки раз, традиционных сюжетов об искупительной жертве Христа, спасении души, необходимости покаяния и т.п. там нет. Они представляют собой скорее практические руководства по достижению мирских, вполне земных целей с помощью психологических приёмов (настроев), в которых, правда, подчёркивается особая роль молитвы⁹.

Н.В. Пил пишет о «науке христианства», о его «принципах и методах», о том, что «научно используемые принципы христианства могут помочь выработать непрерывный и постоянный поток энергии в человеческом разуме и теле» [Пил Н.В., 2018b: 207, 134, 57]. Указывая, что «слова Библии имеют необыкновенную лечебную ценность», он призывает использовать «метод эффективной молитвенной силы», подчёркивает действенность молитвы и церковной службы «как своего рода терапии» [Пил Н.В., 2018b: 41, 99, 134]. Молитва трактуется им как «реальная», а религия – «практическая», как приносящие осязаемые, материальные результаты – «правильно понятая и правильно направленная вера является мощным фактором в процессе преодоления болезни и укрепления здоровья» (Пил Н.В., 2018b: 221).

Христианство действительно учит, что соблюдение заповедей и участие в общей молитве способствуют душевному и физическому здоровью человека, но последнее отнюдь не гарантировано. Отечество христианина на небесах, его земная цель – приурочивание к будущей жизни и спасению души, но в книгах Пила об этом речи нет.

Квинтэссенцию практической религии Н.В. Пила представляет собой следование «формуле», которую он, по его собственному признанию, у кого-то позаимствовал, но активно руководствовался сам и рекомендовал другим. «Вот эта формула: (1) молитвизируйте, (2) живописуйте¹⁰, (3) реализуйте» [Пил Н.В., 2018b: 79]. Другими словами, система «ежедневной созидательной молитвы» должна включать в себя вопрошание желаемого, мысленное представление результата этого вопрошания и уверенность в благополучном исходе дела, что способствует реализации просимого [Пил Н.В., 2018b: 80]. Ещё одним из центральных постулатов Н.В. Пила – никогда не говорить и не думать о худшем. «Если вы будете это делать, ваши мысли повернутся к лучшему и обусловят его реализацию» [Пил Н.В., 2018b: 163].

Дональд Трамп, который был готов слушать Н.В. Пила «день напролёт» и уходил «из церкви с чувством разочарования, что всё уже закончилось» [7], хорошо

⁸ Эту книгу Д. Трамп называет в качестве одной из своих самых любимых и постоянно рекомендует к прочтению (см., например: [Трамп Д., 2017b: 253]).

⁹ Впрочем, насколько можно понять, в его церковных проповедях собственно религиозным вопросам уделялось куда большее внимание, чем в книгах.

¹⁰ В других книгах Пила этот девиз переводится как «визуализируйте» (Пил Н.В., 2014: 22). В оригинале эта максима гласит – “*prayerize, picturize, actualize*”.

усвоил уроки Пила, от которого «много узнал» [Trump D., 2016: 130]. Судя по тому, что он характеризует себя «неистовым оптимистом» [Трамп Д., 2019b: 90], важнейшим из «узнанного» была необходимость настроя на успех. Как-то обеспокоенному Н. Гингричу (спикер Палаты представителей Конгресса США в 1995–1999 гг.) Д. Трамп сказал: «Просто помни, что я всегда побеждаю и всегда выигрываю. Я не совсем уверен, как, но в день выборов мы тоже победим» [Гингрич Н., 2018: 42].

Верный последователь Н.В. Пила как будто не отрицает, что «позитивное мышление» не всевластно: «Я – настроенный на лучшее прагматик. Когда я слышу о том, что возможно всё, стоит только захотеть, то понимаю, что думать так наивно. <...> Если завтра, например, я решу стать олимпийским чемпионом по плаванию и буду уверен в том, что это возможно, только на основании своего настроя на лучшее, то, думаю, вскоре придётся мне записаться на приём к психиатру. <...> Мыслите позитивно, но будьте реалистами» [Трамп Д., 2017b: 187]. Но одно дело признавать ограниченность потенций «позитивного мышления», а другое – правильно очерчивать границы «реализма» на практике. Однажды на вопрос, не считает ли Д. Трамп себя гением, он, как сам пишет, подумал и ответил утвердительно: «Почему же нет? Скажите себе, что вы гений. Вы, вероятно, тут же подумаете о том, в чём именно вы гениальны. И тогда ваш разум откроется для познания – и для вопросов. Это первый большой шаг к гениальному образу мышления» [Трамп Д., 2017b: 177–178]. Следуя «заветам» Н.В. Пила, Д. Трамп отмечает, что никогда не думает о негативном [6] и твёрдо верит в силу зрительного воображения: «Сила воображения, зрительные образы, дают поразительные результаты» [Трамп Д., 2017b: 80, 81]; «Положительный настрой способствует позитивному видению. <...> Знаю по собственному опыту: если я способен зримо представить какую-то вероятность, шансы на её воплощение значительно выше, чем если я не в состоянии *увидеть* её» (курсив оригинала. – В.С.) [Трамп Д., 2019b: 96].

В этом свете понятно, что оценка своих намерений и действий исключительно в превосходных степенях («хороший», «отличный», «блестящий», «небывалый», «исторический» и т.п.), а также, казалось бы, очевидно не соответствующие действительности, но благоприятные для Трампа трактовки событий являются результатом не только и не столько недомыслия и хвастовства, сколько стремления программировать, формировать реальность¹¹.

Мало того, что Трамп стал адептом «позитивного мышления», но к тому же приобщил к нему своих детей. «Отец учил братьев, сестру и меня, – свидетельствует его дочь Иванка, – важности положительных (иначе говоря, позитивных. – В.С.) ценностей и наличию сильно развитого этического компаса. <...> Он учил, что нет ничего, чего нельзя достигнуть, если проникнуться страстью к прочной трудовой этике» (курсив оригинала. – В.С.) [Гингрич Н., 2018: 38].

¹¹ Такой характер носили и заявления Д. Трампа о быстрой победе над COVID-19, мгновенном восстановлении экономики и многие другие.

Что касается традиционной христианской религиозности, то с ней у Д. Трампа проблемы. Да, он с готовностью утверждает, что он – протестант, пресвитерианин, что Бог присутствует в его жизни каждый день и у него с Ним «связь» (*relationship*) [Trump D., 2016: 130]. Но при всём том не знает, как то пристало пресвитерианину, Вестминстерского исповедания веры (содержащего краткое изложение кальвинистской доктрины), не помнит наизусть ни одной строчки из Библии [Brody D. et al., 2018: xviii]¹². Несмотря на регулярно высказываемый пиетет к Писанию, близкого знакомства с его текстом Трамп не демонстрирует. Всякий раз на просьбы процитировать какой-нибудь любимый им стих или отрывок из Библии он находит предлог, чтобы этого не делать (однажды не нашёл ничего лучшего, как отговориться, что это уж слишком личный вопрос) [Eichenwald K., 2016].

Конечно, Д. Трамп отнюдь не примерный христианин, но всё же далеко и не атеист. Уже находясь в Овальном кабинете, он говорил: «Я сказал бы, что <...> я верующий. Я верю. А когда ты веришь, может случиться много хорошего. И надеюсь, что это хорошее произойдёт и с нацией» [Brody D. et al., 2018: xix]. Но и до выборов 2016 г. он признавался, что церковь играет в его жизни значительную роль. «Я хожу в церковь так часто, как только могу – всегда на Рождество, всегда на Пасху, – утверждал он. – Всегда, когда есть важное событие (*major occasion*). <...> И по воскресеньям. Я – воскресный прихожанин. Я прихожу при [первой] возможности» [Brody D. et al., 2018: xiv].

По собственному признанию Д. Трампа, он причащается столь часто, сколь это представляется возможным; он верит в то, что причащение – форма испрашивания прощения, и после него чувствует себя «очищенным» [2]. При этом он откровенничает, что никогда не просил прощения у Бога [Brody et al., 2018]. Когда его спросили, кается ли он, Трамп ответил: «Я не уверен, что делаю это. Я просто продолжаю и стараюсь впредь вести дело лучше (*do a better job*). <...> Полагаю, что если делаю что-то неправильно, то просто стараюсь исправить. Я не привношу в этот вопрос Бога (*bring God into the picture*), я этого не делаю» [2; 11].

Таким образом, религиозность Д. Трампа весьма своеобразна. Одни считают его «продуктом американской культуры» [Brody D. et al., 2018: xvii], другие – «человеком, обладающим сильной и очень американской верой» [9]. Если считать, что отличительной чертой «американской веры» является прагматизм, то с этим можно и должно согласиться.

¹² Кстати, ему их часто дарят, а он, в свою очередь, их передаривает.

«МЫ ВВЕРИЛИСЬ БОГУ, МЫ ВЕРИМ В ТРАМПА»: КТО И ПОЧЕМУ ЕГО ПОДДЕРЖИВАЛ

Перед выборами 2016 г. сомнительная религиозность, не говоря уже о довольно скандальной личной жизни Д. Трампа, мало для кого была секретом, тем не менее именно ему, а не Хиллари Клинтон отдали свой голос многие христиане разных направлений – евангелические протестанты, сторонники внеконфессионального «евангелия процветания», католики и члены других религиозных конфессий, течений и групп. Его кандидатура оказалась предпочтительной, поскольку виделась меньшим из двух зол, и, к тому же, как ни странно, Трамп ассоциировался с отстаиванием традиционных ценностей¹³ [Denker A., 2020]. Не без колебаний и споров, но всё же и значительная часть религиозных авторитетов призвала свою паству поддержать Д. Трампа на выборах, поскольку, по словам Н. Гингрича, многие увидели в нём противника левых настроений (читай – секуляризации) [Гингрич Н., 2018: 49–50].

Ядром электоральной поддержки Д. Трампа были евангелики (или евангелические христиане). Евангелики делают акцент на личном духовном возрождении, подчёркивают авторитет Библии и занимают строгие этические позиции. В их число входят пятидесятники (за исключением афроамериканских церквей)¹⁴, большинство баптистов и меннонитов, часть методистов, пресвитериан, лютеран и некоторые другие.

В течение многих лет те христиане, которые самоидентифицируют себя в качестве «возрождённых» или евангелических, составляют примерно четверть взрослого населения США. В 2016 г. 81% из них проголосовали за Д. Трампа. Видный американский социолог Филип Горски определяет «трампизм» как «реакционную и секуляризованную версию белого христианского национализма» [Gorski Ph., 2017]. Он считает, что евангелические избиратели были движимы христианским национализмом, представляющим собой причудливую амальгаму воззрений, содержащую в себе в различных пропорциях христианство, традиционные взгляды на общество и семью, национализм и расизм. К такому же выводу пришли и другие исследователи [Whitehead A. L., et al. 2018; 2020], причём чем более был привержен евангелизму избиратель, тем скорее он был готов голосовать за Трампа [Margolis M. F., 2020]. Наконец, есть мнение что определяющими в

¹³ С ним связывали надежды на проведение политики сохранения традиционной семьи и ограничения абортов, противодействие секуляризации и формирование консервативного состава Верховного суда.

¹⁴ Последователи этого возникшего в начале XX века в США протестантского течения придают особое значение крещению Святым Духом и его дарам (исцелениям, пророчествам, говорению на иных языках, чудотворениям и т.п.). Поскольку эти практики отождествляются ими с сошествием Святого Духа на апостолов на пятидесятый день после Воскресения Иисуса Христа, они зовутся пятидесятниками.

поддержке Трампа со стороны евангеликов были страхи – перед глобализацией, губливым государством, секуляризацией [Fea J., 2018].

Евангелики, не без основания полагающие, что США изначально образовались и развивались как христианская нация, видели угрозу эрозии традиционного наследия в иммиграции, секуляризации и т.п. Они в своей массе считали, что, хотя по своим нравственным качествам Д. Трамп и далёк от их идеала христианина, всё же «возрождён» и «помазан», иначе говоря, благословлён для свершения неких богоугодных дел – его уподобляли царю Давиду, но чаще – Киру II Великому¹⁵ [4; Strang S.E., 2020]. Таких взглядов придерживаются в том числе евангелики – члены администрации Д. Трампа: вице-президент М. Пенс, М. Помпео, Р. Перри и некоторые другие.

В конце 2019 г. бывший министр энергетики Р. Перри (который, как и многие другие евангелические христиане, верит в то, что жизнь людей находится под неусыпным управлением Бога), заявил, что никто не может стать президентом США, не будучи «поставлен» (*ordained*) Богом. По его мнению, Д. Трамп – орудие Бога, что, конечно же, не значит, что он совершенен¹⁶. В феврале 2019 г. тогдашний пресс-секретарь президента С. Сандерс также утверждала, что Бог возжелал, чтобы Д. Трамп стал президентом; чуть позже госсекретарь М. Помпео заявил, что Бог вознёс Д. Трампа до статуса президентства¹⁷, чтобы тот защитил Израиль от Ирана.

М. Помпео не случайно тогда «связал» Д. Трампа и Израиль. Американские евангелики в своём большинстве верят в безусловное осуществление библейского пророчества, что перед окончанием времён, а значит Вторым пришествием Иисуса Христа, Израиль победит своих врагов, а потому стоят на позициях «христианского сионизма». В опросе 2015 г. 73 % из них заявили, что события в Израиле пророчески предугазаны в Откровении Иоанна Богослова [1]. Произраильские симпатии евангеликов играют немаловажную роль в поддержке Д. Трампа, выказывающего благорасположенность к иудаизму и Израилю. Не только зять Д. Трампа Дж. Кушнер является практикующим иудеем, но и его дочь Иванка,

¹⁵ В своё время Кир издал эдикт, разрешивший уведённым в Вавилон евреям вернуться на родину, что способствовало воссозданию ранее разрушенного иерусалимского храма. За действия в пользу Израйля его премьер-министр Б. Нетаньяху называл Д. Трампа Киrom, а израильская религиозно-образовательная организация «Микдаш» выпустила памятную монету с изображением Трампа и Кира.

¹⁶ В подробностях этот вопрос разбирает С. Стрэнг [Strang S. E., 2017; 2020].

¹⁷ Признание ниспосланности Д. Трампа Божественным Провидением было чуть ли не своеобразной клятвой на верность среди членов администрации. Во всяком случае, когда у генерального прокурора Дж. Сэнхса возникли трения с президентом, именно подобного признания потребовал от него тогдашний главный стратегический советник Д. Трампа С. Бэннон [Вудворд Б., 2019: 271–272]. По данным исследовательского центра «Пью ресёрч» (*Pew Research Center*), в начале 2020 г. примерно треть опрошенных полагали, что избранием Д. Трампа руководила «Божья рука», причем, практически такая же их доля держалась подобного мнения о Б. Обаме.

прежде чем выйти замуж за последнего, приняла иудаизм¹⁸. В поддержке Израиля Трамп последовательно шёл навстречу интересам и представлениям протестантских фундаменталистов – он вывел США из ЮНЕСКО¹⁹, перенёс посольство из Тель-Авива в Иерусалим, инициировал новый план ближневосточного урегулирования и т.п.

Второй значительной религиозной группой сторонников Д. Трампа являются приверженцы «евангелия процветания»²⁰. В США подъём этого религиозного учения, которое в последние десятилетия активно завоёвывает души и сердца людей в развивающихся странах [Coleman S., 2000], отражает глубокую травмированность части американского общества, которой в силу безысходности только и остается уповать на помощь высших сил²¹. Точные данные отсутствуют, но похоже, что его исповедует каждый пятый американец [7].

Не все евангелики являются последователями «евангелия процветания», равно как не все последние являются евангеликами. Консервативные евангелики считают «евангелие процветания» не имеющим ничего общего с христианством, менее критичные называют его ересью. Между тем в США этому учению следуют три четверти так называемых протестантских «мегацерквей», к которым принято относить приходы с еженедельной паствой более двух тысяч прихожан. Вообще же, больше половины верующих посещают мегацеркви, среди которых есть как конфессиональные (принадлежащие к тому или иному определённом христианскому направлению), так и внеконфессиональные. К последним в своём большинстве и относятся церкви «евангелия процветания».

Историк «евангелия процветания» в США К. Боулер выделяет три духовных источника «евангелия процветания» – пятидесятничество, «новое мышление» и «американскую проповедь прагматизма, индивидуализма и вертикальной мобильности» [Bowler K., 2013: 11]. Проповедь Н.В. Пилом «позитивного мышления» в значительной мере опиралась на идеи «нового мышления». При всей пестроте воззрений, составлявших это активно развивавшееся в XIX веке движение, их объединяющей чертой было признание главенства духа над материей, из чего прямо вытекало, что через духовные практики можно обрести материальное благополучие (здоровье, богатство и т.п.). Одним из наиболее видных представителей этого

¹⁸ Обращение Ивanky в 2009 г. в иудаизм было поставлено под сомнение израильским раввином, не признающим действительность обрядов, совершаемых либерально-реформистскими и консервативными раввинами, которые в США составляют большинство. Сочетавший браком Джареда и Ивanky раввин Хаскел Локштейн как раз из таковых (известен широтой взглядов), но в 2017 г. их брак всё же был признан раввинатом законным.

¹⁹ В октябре 2016 г. Исполнительный совет ЮНЕСКО принял резолюцию по Храмовой горе, в которой фактически отрицалась её связь с историей еврейского народа.

²⁰ Не случайно «Вашингтон пост» откликнулась на избрание Д. Трампа статьёй, возвестившей, что его победа являла триумф «евангелия процветания» [10].

²¹ Отмечено, что приверженность «евангелию процветания» отличает прежде всего лиц с низким уровнем образования и темнокожих.

полуоккультного течения²² был И.У. Кеньон (1867–1947), который утверждал, что «заместительное искупление» Христа освободило Его последователей от греха. Опираясь, как это обычно бывает, на отдельные вырванные из контекста слова Нового Завета современные продолжателями дела Кеньона и Пила (Дж. Остин, О. Уинфри²³, Т. Роббинс²⁴ и многие другие) проповедуют, что Бог якобы вознаграждает праведных богатством, хорошим здоровьем и счастьем уже в земной жизни. И сами будто бы являют тому «пример». Благодаря своей деятельности (платным выступлениям перед многотысячными аудиториями вживую, а также по радио и телевидению, изданию большими тиражами многочисленных книг и т.п.) многие проповедники «евангелия процветания» стали миллионерами и ведут роскошный образ жизни. Похоже, Д. Трамп притягателен для их паствы именно тем, что он богат, ведь для них богатство – знак благоволения Господа.

Теология «евангелия процветания» имеет мало общего с христианством. Так, в возглавляемой Дж. Остином²⁵ одной из крупнейших мегацерквей с еженедельным посещением в пятьдесят тысяч человек, представляющей собой переоборудованный баскетбольный зал, часто говорится об «оптимизме», «надежде», «предназначении», «даре», но редко о «вине», «стыде», «грехе», «покаянии» и «аде». Почему же там обходят разговор о грехе? «Жизнь каждый день уже заставляет чувствовать себя виноватым, – отвечает Дж. Остин. – Постоянно пристыжая людей, вы их отталкиваете». Будучи спрошен о том, как совместить подобные суждения с новозаветным учением, он говорит: «Не моя задача вдаваться в технические подробности (*technicalities*). Я хочу помочь людям [спокойно] спать по ночам» [7]. «Бог не интересуется вашим прошлым, – вещает он своей пастве. – Враг всегда работает сверхурочно, чтобы напомнить вам все ваши ошибки, заставляя вас чувствовать виноватым и недостойным. Не верьте этой лжи». Удостоившаяся чести возглавить молебствие при инаугурации Д. Трампа проповедник мегацеркви во Флориде П. Уайт (которая впоследствии стала одним из советников президента по вопросам веры) в свою очередь заявляла: «Всякий, кто говорит “отвергнись себя”, – сатана» (“*Anyone who tells you to deny yourself is Satan*”) [7]. Трудно придумать более антихристианское утверждение (см.: Мф. 16:24: «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»). Словом, «евангелие процветания» является издёвкой над идеями традиционного христианства.

²² Подробнее об этом см.: [Селивановский В.В., 2010].

²³ Известная телеведущая, с некоторых пор стала одним из популярных проповедников.

²⁴ В сентябре 2018 г. Тони (или Энтони) Роббинс выступил в Москве в спорткомплексе «Олимпийский», где, кстати, пропагандировал позитивное мышление (в рецензиях оно упоминалось как «положительное»). В российских социальных сетях оценки его выступления радикально разделились. Наряду с восторженными, прозвучали критические голоса, утверждавшие, что оно представляло собой собрание банальностей, если даже не профанацию. Кстати, Д. Трамп как-то раз по просьбе Т. Роббинса держал речь перед его аудиторией и остался доволен как приёмом публики, так и самим Т. Роббинсом [Трамп Д., 2019b: 82].

²⁵ Д. Трамп считает Дж. Остина своим другом [7; Eichenwald K., 2016].

По упомянутому в начале статьи Стэнли Хауэрвасу, христианство в США пребывает в упадке, если не умирает [5]. Учитывая специфическую религиозность Трампа, подъём «евангелия процветания» и христианского национализма евангеликов, к иному выводу и не придёшь. Американская нация, когда-то претендовавшая на звание христианской, всё больше перестает быть таковой. Но как бы ни было причудливо современное американское христианство, Д. Трамп выставляет себя его активным приверженцем и защитником. «У евангелических христиан всех деноминаций и верующих всех исповеданий в Белом доме никогда не было большего защитника веры (даже близко), чем сейчас», – громогласно заявлял он перед выборами 2020 г., очевидно, надеясь, что это добавит ему голосов [8]. Однако, возможно, далеко не все даже в стане протестантов поверили в искренность и исполнимость слов президента, к тому же в лице кандидата-католика Дж. Байдена на религиозном поле у него появился достаточно серьёзный соперник. Не случайно буквально за десять дней до выборов в письменных ответах для «Релиджн ньюс сёрвис» (*Religion News Service*) Д. Трамп вдруг заявил, что, хотя он и прошёл конфирмацию подростком в пресвитерианской церкви, «сейчас считает себя внеконфессиональным (*non-denominational*) христианином».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Похоже, опора на «позитивное мышление» в борьбе с «глобализмом» всё-таки несколько подвела Д. Трампа. Масштабные реформы пробуксовывали и не давали ожидаемого результата, впрочем, справедливости ради скажем, в короткие сроки и не могли его дать. Правда, в 2019 г. впервые за шесть лет торговый дефицит сократился, безработица была на рекордно низком (за полвека) уровне, было создано много рабочих мест. Однако же, заметного перемещения производств и рабочих мест в США из-за рубежа не наблюдалось. Появившиеся у компаний благодаря снижению корпоративных налогов средства вместо инвестиций в новое оборудование многими были потрачены на обратный выкуп собственных акций и выплату дивидендов. Некоторые проблемы даже обострились – выросли дефицит федерального бюджета и размер государственного долга. Наконец, частичные успехи администрации Д. Трампа были сметены COVID-19 и социальными волнениями. Не могла не сказаться на его популярности и многолетняя беззастенчивая кампания диффамации.

И всё же примерно половина американцев, если даже не больше (а сколько именно, мы никогда не узнаем в силу беспрецедентной фальсификации подсчёта голосов), проголосовала за Дональда Трампа. Возможно, его всё-таки вынудят покинуть Белый дом, но он никогда не смирится. «Неистовый оптимизм» не изменит Трампу, он будет бороться до конца.

ИСТОЧНИКИ

1. Borger J. 2019. 'Brought to Jesus': the Evangelical Grip on the Trump Administration. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/11/trump-administration-evangelical-influence-support> (accessed 07. 08. 2020).
2. Burke D. 2016. The Guilt-free Gospel of Donald Trump. Available at: <https://edition.cnn.com/2016/10/21/politics/trump-religion-gospel/index.html> (accessed 15.08.2020).
3. Chatzky A., McBride J. 2020. NAFTA and the USMCA: Weighting the Impact of North American Trade. Council for Foreign Relations. Available at: <https://www.cfr.org/backgrounder/nafta-and-usmca-weighting-impact-north-american-trade> (accessed 06. 08. 2020).
4. Gordon J. S. 2017. Does the 'Cyrus Prophecy' Help Explain Evangelical Support for Donald Trump. Available at: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2017/mar/23/cyrus-prophecy-evangelical-support-donald-trump> (accessed 06.08.2020).
5. Hauerwas S. 2017. Christians Do Not Be Fooled. Available at: www.washingtonpost.com/news/acts-of-faith/wp/2017-01-27/christians-dont-be-fooled-trump-has-deep-religious-convictions/ (accessed 10. 08. 2020).
6. Kruse M. 2017. The Power of Trump's Positive Thinking. Available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2017/10/13/donald-trump-positive-thinking-215704> (accessed 14. 08. 2020).
7. Luce E. 2019. A Preacher for Trump's America: Joel Osteen and the Prosperity Gospel. Available at: <https://www.ft.com>luce-a-preacher-for-trump's-america-joel-osteen> (accessed 14. 08. 2020).
8. Medina J., Haberman M. 2020. In Miami Speech, Trump, Tells Evangelical Base: God Is 'on Our Side' Available at: <https://www.nytimes.com/2020/01/03/us/politics/trump-miami-rally-evangelicals.html> (accessed 25. 08. 2020).
9. Schmitz M. 2016. Donald Trump, Man of Faith. Available at: <https://www.firstthings.com>2016/8> (accessed 06. 06. 2020).
10. Schulson M. 2016. Why Electing Donald Trump Was a Trump for the Prosperity Gospel. Available at: www.washingtonpost.com/news/acts-of-faith/wp/2016-11-30/why-electing-a-billionaire- (accessed 10. 08. 2020).
11. Scott E. 2015. Trump Believes in God, but Hasn't Sought Forgiveness. Available at: <http://edition.cnn.co/2015/07/18/politics/trump-has-never-sought-forgiveness/> (accessed 03.08.2020).
12. Scott R.E. 2020. We Can Reshore Manufacturing Jobs, but Trump Hasn't Done It. Available at: <https://www.epi.org/publication/reshoring-manufacturing-jobs/> (accessed 29.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вудворд Б. 2019. Страх: Трамп в Белом доме. М.: Альпина Паблишер, 496 с.
- Гингрич Н. 2018. Понимая Трампа: правдивая история о человеке, а не о президенте. М.: Эксмо (Бомбора), 475 с.
- Пил Н.В. 2014. Новое позитивное мышление. Минск: Поппури, 256 с.
- Пил Н.В. 2018а. Позитивное мышление действует! Минск: Поппури, 320 с.
- Пил Н.В. 2018b. Сила позитивного мышления. Минск: Поппури, 352 с.
- Селивановский В.В. 2010. Позитивное мышление: симпатическая магия и христианство. Санкт-Петербург: Изд-во Института богословия и философии, 292 с.
- Трамп Д. 2017а. Былое величие Америки. М.: Эксмо, 256 с.
- Трамп Д. 2019а. Думай как миллиардер: Всё, что следует знать об успехе, не движимости и жизни вообще. М.: Альпина Паблишер, 302 с.
- Трамп Д. 2017b. Думай как чемпион. Откровения магната о жизни и бизнесе. М.: Изд-во «Э», 253 с.
- Трамп Д. 2019b. Как стать богатым. М.: Альпина Паблишер, 284 с.
- Франк Дж.А. 2019. Трамп на кушетке. Что на самом деле в голове президента. М.: Эксмо (Бомбора), 320 с.

REFERENCES

- Brody D., Lamb S. 2018. The Faith of Donald J. Trump: A Spiritual Biography. N.Y.: Broadside Books, 377 p.
- Bowler K. 2013. Blessed: A History of the American Prosperity Gospel. Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 352 p.
- Capps D. 2009. Norman Vincent Peale, Smiley Blanton and the Hidden Energies of the Mind. *Journal of Religion and Health*, Vol. 48, Is. 4, p. 507-527.
- Case A., Deaton A. 2020. Deaths of Despair and the Future of Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 312 p.
- Case A., Deaton A. 2017. Mortality and Morbidity in the 21st Century. *Brookings Papers on Economic Activity*, Spring, p. 397-443.
- Che Y., Lu Y., Pierce J.R., Schott P.K., Tao Z. 2016. Does Trade Liberalization with China Influence U. S. Elections? NBER Working Paper No. 22178, 40 p.
- Coleman S. 2000. The Globalization of Charismatic Christianity: Spreading the Gospel of Prosperity. Cambridge, Cambridge University Press, 278 p.
- Denker A. 2020. Trump's Catholics: Who Are Catholics Who Voted for Donald Trump? *U.S. Catholic*, Vol. 85, No. 2, p. 12-19.
- Eichenwald K. 2016. Trump's Big Problem with God. *Newsweek*, vol. 167, No. 8, p.12-17.
- Elovitz P.H. 2016. A Psychobiographical and Psycho-Political Comparison of Clinton and Trump. *The Journal of Psychohistory*, 2016, Vol. 44, No. 2, p. 90-113.
- Fea J. 2018. Believe Me: The Evangelical Road to Donald Trump. Grand Rapids, Eerdmans, 248 p.

Fort T.C., Pierce J.R., Schott P.K. 2018. New Perspectives on the Decline of US Manufacturing Employment. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 32, No.2, p. 47-72.

Frank Dzh. A. 2019. Tramp na Kushetke. Chto na Samom Dele v Golove Prezidenta. M.: Eksmo (Bombora), 320 s. (In Russian). [Frank J. A. Trump on the Couch: Inside the Mind of the President].

Gingrich N. 2018. Ponimaya Trampa: M.: Eksmo (Bombora), 475 s. (In Russian). [Gingrich N. Understanding Trump].

Gorski P. 2017. Why Evangelicals Voted for Trump: A Critical Cultural Sociology. *American Journal of Cultural Sociology*, Vol. 5, No. 3, p. 338-354.

Laderman C., Simms B. 2017. Donald Trump. The Making of a World View. London – N.Y.: I.B. Tauris, 2017, 173 p.

Lane C. 2016. Surge of Piety: Norman Vincent Peale and the Remaking of American Religious Life. New Haven – London: Yale University Press, 212 p.

Mansfield S. 2017. Choosing Trump: God, Anger, Hope, and Why Christian Conservatives Supported Him. Grand Rapids: Baker Books, 208 p.

Margolis M.F. 2020. Who Wants to Make America Great Again? Understanding Evangelical Support for Donald Trump. *Politics and Religion*, Vol. 13, Is. 1, p. 89-118.

Pierce J.R., Schott P.K. 2016. Trade Liberalization and Mortality: Evidence from U.S. Counties. NBER Working Paper No. 22849, 66 p.

Pil N.V. 2014. Novoe Positivnoe Myshlenie. Minsk: Poppuri, 256 s. (In Russian). [Peale N.V. The Positive Principle Today].

Pil N.V. 2018a. Positivnoe Myshlenie Dejstvuet! Minsk: Poppuri, 320 s. (In Russian). [Peale N.V. The Amazing Results of Positive Thinking].

Pil N.V. 2018 b. Sila Positivnogo Myshleniya. Minsk: Poppuri, 352 s. (In Russian). [Peale N.V. The Power of Positive Thinking].

Selivanovskij V.V. 2010. Positivnoe Myshlenie: Simpaticheskaya Magiya I Hristianstvo. Sankt-Peterburg: Izd-vo Insitituta Bogosloviya i Filisofii, 292 s. (in Russian). [Selivanovskij V.V. 2010. Positive Thinking: Sympathetic Magic and Christianity. Sankt-Peterburg: Izd-vo Insitituta Bogosloviya i Filisofii, 292 p.].

Strang S. E. 2017. God and Donald Trump. Front Line, Lake Mary, 256 p.

Strang S. E. 2020. God, Trump, and the 2020 Election: Why We Must Win and What's at Stake for Christians if He Loses. Front Line, Lake Mary, 288 p.

Trump D. 2017a. Byloe Velichie Ameriki. M.: Eksmo, 256 s. (In Russian). [Trump D. Time to Get Tough].

Trump D. 2017b. Dumaj kak Chempion. Otkroveniia Magnata o Zhizni i Biznese. M.: Izd-vo «E», 253 s. (In Russian). [Trump D. Think Like a Champion: An Informal Education In Business and Life]

Trump D. 2019a. Dumaj kak Milliarder: Vse chto sleduet znat' ob uspekhe, nedvizhimosti I zhizni. M.: Al'pina Pabliher 302 s. (In Russian). [Trump D. Think like a Billionaire: Everything You Need to Know about Success, Real Estate and Life].

Trump D. 2019b. Kak Stat' Bogatym. M.: Al'pina Pablisher, 284 s. (In Russian). [Trump D. How to Get Rich].

Trump D. 2016. Great Again: How to Fix Our Crippled America. N.Y. – London: Threshold, 193 p.

Vudvord B. 2019. Strah: Tramp v Belom Dome. M.: Al'pina Pablisher, 496 s. (In Russian). [Woodward B. Fear: Trump in the White House].

Whitehead A. L., Perry S. L., Baker J. O. 2018. Make America Christian Again: Christian Nationalism and Voting for Donald Trump in the 2016 Presidential Election. *Sociology of Religion: A Quarterly Review*, Vol. 79, No. 2, p. 147-171.

Whitehead A. L., Perry S. L. 2020. Taking America Back for God: Christian Nationalism in the United States. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТУДЕНЦОВ Виктор Борисович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Российская Федерация, 177997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Viktor B. STUDENTSOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN). 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

УДК 347.65/68

DOI: 10.31857/S268667300013204-4

Политический контроль иностранного капитала в США

И.Ю. Архангельский

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-001X> e-mail: p.bogorodov@mail.ru

Статья поступила 20.10.2020.

Резюме: Политическая форма контроля иностранного капитала является первичной, отчасти даже предшествующей самому появлению подобного капитала в принимающей экономике. Она связана с самыми общими и фундаментальными представлениями нации о путях и способах экономического развития общества. Как показывает практика многих, в особенности развивающихся стран, неконтролируемый приток иностранного капитала не может быть эффективным и соответствовать национальным интересам более чем режим, при котором происходит его жёсткий контроль. Классическая «политика открытых дверей», как и принцип невмешательства (*laissez-faire*), на котором выросла вся экономическая система США, на современном этапе уже не соответствует долгосрочным экономическим интересам США. В современных условиях Соединённые Штаты переходят к политике выборочного протекционизма. При рассмотрении составляющих системы политического контроля иностранного капитала в США, не был сделан специальный акцент на *методах*, применяемых для политического контроля иностранного капитала. И это не случайно: политический контроль иностранного капитала является одной из самых либеральных, мягких форм контроля в США. Эта форма не содержит многочисленных и изощрённых методов, которые могли бы служить инструментами политического анализа деятельности иностранных инвесторов на территории США, а затем и инструментами политического давления.

Ключевые слова: «политика открытых дверей», выборочный протекционизм, регулируемые ценные бумаги, прямо принадлежащие иностранцам компании, договоры о взаимности, комитеты политического действия

Для цитирования: Архангельский И.Ю. Политический контроль иностранного капитала в США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(1):89-103. DOI: 10.31857/S268667300013204-4

Political Control of the Foreign Capital in the USA

Ivan Yu. Arkhangelsky

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKРАН)

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5107-2627> e-mail: p.bogorodov@mail.ru

Received 20.10.2020.

Abstract: The political form of control of foreign capital is primary, in part even preceding the very appearance of such capital in the host economy. The political form of control is linked to the most general and fundamental ideas of the nation about the ways and means of economic

development of society. As the practice of many countries, especially developing countries, shows, uncontrolled foreign capital inflows can no more be effective and meet national interests than a regime that strictly controls them. The classic "open door policy", like the laissez-faire principle, on which the entire US economic system has grown, is no longer in line with the long-term economic interests of the United States. Under the current conditions, the United States is moving to a policy of selective protectionism. When considering the components of the system of political control of foreign capital in the United States, no special emphasis was placed on the methods used for political control of foreign capital. And this is no accident: political control of foreign capital is one of the most liberal, soft forms of control in the United States. This form does not contain numerous and sophisticated methods that could serve as tools for political analysis of the activities of foreign investors in the United States, and then as a lever for political pressure.

Keywords: "laissez-faire policy", ad hoc protectionism, regulated securities, directly foreign owned companies, reciprocity agreements, political action committees

For citation: Arkhangelsky I. Yu. Political Control of the Foreign Capital in the USA.

USA & Canada: economics, politics, culture. 2020;50(3):89-103 (In Russ.).

DOI: 10.31857/S268667300013204-4

ВВЕДЕНИЕ

Общегосударственная политика, как и отношение к иностранному капиталу, менялось на разных этапах развития американской экономики. В политических кругах США к 1970–1980-м годам произошли заметные сдвиги в отношении к иностранному капиталу. Традиционное большинство сторонников свободного доступа иностранного капитала в американскую экономику стало испытывать на себе всё большее давление со стороны всё возрастающего числа противников. С середины 1970-х годов в Конгрессе США уже оформились два полярных подхода к оценке деятельности иностранного капитала. Так, сторонники свободного доступа отмечали, что иностранцы в те годы давали США более 3 млн рабочих мест. Противники отвечали им, что иностранный капитал проникает в американскую экономику главным образом через слияния и поглощения местных фирм, следовательно, тот факт, что 3 млн американцев работают на иностранных предприятиях, вовсе не означает, что эти рабочие места были вновь созданы иностранцами.

Тема усиления политического контроля иностранного капитала в США стала активно использоваться видными американскими политиками в своих целях. Так, в президентскую кампанию 1988 г., кандидат в президенты Майкл Дукакис (*Michael Dukakis*) в своей предвыборной речи о снижении жизненного уровня американцев призывал начать «выкупать наши обязательства, землю и фабрики у японцев и европейцев, у Саудовской Аравии и Кувейта, скупающих всё это у нас» [1]. Выступая на автомобильном заводе фирмы «Муг» (*Moog*), Уэлстон, штат Миссури, тот же Майкл Дукакис заявил, что «республиканцы хотят, чтобы наши дети работали на иностранных хозяев и связывали своё будущее с иностранцами. Но это не то будущее, которого ... мы все с вами желаем для Америки» [2]. По иронии судьбы, помощники Дукакиса забыли предупредить его о том, что ино-

странная фирма из Люксембурга уже выкупила завод, на котором выступал их патрон. В противовес Дукакису, кандидат в вице-президенты Дэн Куэйл (*Dan Quayle*) в дебатах с сенатором Ллойдом Бентсеном (*Lloyd Bentsen*) заверял американцев, что им нет нужды бояться иностранного капитала, ведь, например, компания «Хонда» (*Honda*) все свои автомобили, произведённые на заводе в штате Огайо, экспортирует в Японию, помогая сократить торговый дефицит США [3]. Лишь некоторое время спустя, сенатор Бентсен, наведя справки, ответил на это, указав, что за один лишь август месяц 1988 г США экспортировали в Японию 950 автомобилей, а импортировали 178 000.

В XXI веке на волне нараставших тенденций антиглобализма и протекционизма, как методов защиты внутреннего рынка от иностранных конкурентов, была осуществлена попытка ревизии многих существовавших международных экономических соглашений США с другими странами.

Особого размаха кампания против притока иностранного капитала в США достигла при администрации президента Дональда Трампа. Был объявлен настоящий крестовый поход против крупнейших инвесторов в экономику США и, прежде всего, против главного мирового конкурента – китайского капитала. Борьба велась в основном административными методами, путём введения запретов и санкций под предлогом угроз национальной безопасности. Помощник президента США по национальной безопасности Роберт О'Брайен, выступая 24 июня 2020 г. в городе Феникс, штат Аризона, на открытии перенесённой из Тайваня фабрики по производству передовой микроэлектроники *Taiwan Semiconductor Manufacturing Company*, заявил, что меры, предпринимаемые против китайского влияния в США «... только начало пути по исправлению Америкой 40 лет несправедливых отношений с Китаем, которые серьёзно повлияли на экономическое и в последнее время политическое благополучие нашей страны».[4]

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И КОНТРОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Как бы ни упражнялись политические деятели в предвыборном и ином красноречии, намного существенней то, какая политика в отношении иностранного капитала проводится в США на практике

Во многих странах слияния и приобретения национальных компаний иностранными возможно только через местных партнёров, на основе совладения или участия.

Вместе с тем многие индустриально развитые и многие развивающиеся страны принимают специальные меры для привлечения иностранного капитала в некоторые отрасли и сектора своей экономики, особенно нуждающиеся в крупных капиталовложениях. Подобные меры включают в себя разнообразные налоговые, финансовые и торговые льготы. В некоторых развивающихся странах существуют программы, направленные на стимулирование исключительно иностранного капитала. В целом же в мире нет явно выраженных примеров

стран, где иностранному капиталу предоставлялись бы преимущества по сравнению с национальным. Наоборот, большинство стран предоставляет преимущества национальным инвестициям. В этом смысле США является одной из немногих стран, где национальные и иностранные инвесторы по крайней мере официально приравнены в своих правах. Не случайно поэтому по данным ЮНКТАД (UNCTAD) за последние годы, США остаются на первом месте в мире по объёму иностранных капиталовложений: 254 млрд и 246 млрд долл. соответственно в 2018 и в 2019 г. В 2020 г., несмотря на пандемию и падение иностранных инвестиций по всему миру примерно на 25–40% в разных странах, США остаются неизменным глобальным лидером [5].

Федеральное законодательство США нейтрально относится к иностранному капиталу на своей территории. Иностранные капиталовложения, особенно связанные с созданием новых предприятий, увеличивают число рабочих мест, налоговые поступления в бюджет штатов, а, следовательно, в федеральный бюджет, развивают конкуренцию, привлекают новые технологии. Поэтому большинство штатов определённым образом (льготы и субсидии) приветствуют такого рода иностранный капитал, так как последний, несмотря на все издержки, служит экономическому развитию регионов. Что же касается равных прав, то здесь даже известны случаи, когда законодательство проявляло большую лояльность к иностранному, чем к местному капиталу. Так, Предписание X (*Regulation X*) Комиссии по ценным бумагам и биржам (*Securities and Exchanges Commission - SEC*) до 1981 г. предоставляло иностранным инвесторам большую свободу в области регулирования маржи (*margin regulation*) при покупке регулируемых ценных бумаг¹ в кредит или под залог. После того, как в 1981 г. в Раздел 7(f) закона «Об обращении ценных бумаг» 1934 года (*Securities Exchange Act, Section 7(f)*) была внесена соответствующая поправка, упомянутое «неравноправие» было устранено.

Что касается ценных бумаг, то основным законом, регламентирующим капиталовложения в этой области, а следовательно, регулирующим и покупки действующих корпораций в США, является закон «Об обращении ценных бумаг» 1934 г. вместе с последующими дополнениями и поправками. Например, закон Вильямса (*Williams Act, 1968*), входящий составной частью в закон «Об обращении ценных бумаг» 1934 года, требует от покупателя ценных бумаг корпораций посылку уведомления в Комиссию по ценным бумагам и биржам о покупке 5 или более процентов акций корпорации и сообщения некоторых данных относительно дальнейших планов и целей покупателя. Если покупается менее 5 процентов акций компании, то такая покупка может рассматриваться как простое капиталовложение. Если же покупается 5 и более процентов акций, то это считается заявкой на потенциальное приобретение компании (*target company*) через контрольный пакет акций, и поэтому подпадает под действие закона Вильямса. Однако никаких формально закреплённых различий между простым

¹ Регулируемые ценные бумаги США (*regulated securities*) – акции и облигации американских компаний, официально зарегистрированные на фондовых биржах или включённые Советом управляющих ФРС (*Federal Reserve Board*) в список внебиржевых ценных бумаг.

«капиталовложением» (*investment*) и «приобретением компании» (*acquisition*) в американском законодательстве, имеющем отношение к инвестициям или слияниям и поглощениям, не встречается. Министерство торговли США определяет компании, прямо принадлежащие иностранцам (*directly foreign owned*), как компании, в которых иностранное лицо (*foreign person*) владеет 10% капитала. Таким лицом может быть индивидуальный держатель, компания или иностранный суверен (см. далее). Характерно, что до 1974 г. Министерство торговли определяло контрольный пакет как 25% капитала, но затем снизило эту цифру. Величина в 10% взята Министерством более или менее произвольно, однако это определение используется в качестве базового в отношении всех данных по иностранным инвестициям, которые публикует Министерство торговли. Апелляционный суд США (*U.S. Appeals court*) рассматривает покупку 20% акционерного капитала как покупку контрольного пакета акций. В то же время упоминавшаяся выше поправка 1981 г к Разделу 7(f) закона «Об обращении ценных бумаг» называет «американскими лицами» или «иностранцами, контролируемые американцами», компании, в которых американцам принадлежит уже более 50% акционерного капитала или голосов держателей. Подобные различия встречаются и в других законодательных и подзаконных актах (принадлежность корпорации к «местным» или «иностранным» и др.)

Таким образом, сама по себе покупка акций корпорации не является ни простым «капиталовложением», ни «приобретением компании» в соответствии с тем, приобретаются ли третьими лицами 5, 10, 20 или 50% акционерного капитала. Покупка акций определяется как простое «капиталовложение» или «приобретение компании» в зависимости от того, с точки зрения какого законодательного акта, какого государственного органа или под углом какой политики рассматривается эта покупка.

ПОЛИТИКА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» И ОБЛАСТИ ЕЁ ОГРАНИЧЕНИЯ

Усиление политического контроля доступа иностранного капитала в отдельные сектора и отрасли экономики США тесно связано с концептуальным ограничением политики «открытых дверей» и классических принципов политической экономии *laissez-faire* и *laissez-passer*.

В последние годы отношение к иностранному капиталу все больше дрейфует из области классического невмешательства, провозглашённого на заре формирования экономической системы США, в область выборочного протекционизма (*ad hoc protectionism*), в свою очередь уже открыто провозглашаемого целым рядом политических деятелей США. Подобная позиция находит немало сторонников: последние годы иностранный капитал из фактора чисто экономического превратился и в фактор политический. Уклонение местных и иностранных ТНК от уплаты налогов, возрастающий иностранный контроль над многими сферами американской экономики, неэффективность работы огромных забюрократизированных структур гигантских ТНК с их «переуправлением» (*over-management*) зара-

портовавшимися иностранными филиалами, мгновенно создаваемыми и так же мгновенно закрываемыми с полным штатом местных сотрудников в случае появления в какой-либо точке мира условий для чуть более выгодного вложения капитала – всё это имеет весьма тесную связь с ухудшением торгового баланса США и с возрастанием дефицита государственного бюджета. Это, очевидно, даёт некоторым наиболее решительным политическим противникам свободного перелива иностранного капитала на территории США основание говорить об угрозе для национальной безопасности, исходящей от иностранного капитала как такового. Понятно, что такая постановка вопроса является, по меньшей мере, спорной, но с другой стороны, и полностью отрицать её невозможно.

В наше время мир ещё слишком далёк от совершенной модели-- в нём прочное место занимает (и даже пропагандируется отдельными экономистами) олигополия; компании не равны между собой, они находятся в совершенно различных условиях. ТНК обладают колоссальной властью над рынком, они сами создают мировой климат для своей беспрепятственной деятельности, концентрируя эту власть в ключевых точках экономики и создавая для других менее сильных конкурентов непреодолимые барьеры на рынках. В условиях крайне неоднородной рыночной среды ТНК обладают рядом особых преимуществ над своими местными конкурентами. Всё это заставляет прийти к заключению, что неконтролируемый приток иностранного капитала не может быть эффективным и соответствовать национальным интересам более чем режим, при котором происходит его жёсткий контроль. Таким образом, принцип *laissez-faire*, на котором выросла вся экономическая система США на современном этапе уже не соответствует долгосрочным экономическим интересам США. В современных условиях Соединённые Штаты переходят к политике выборочного протекционизма.

Хотя в США нет отраслей, закрытых для частного предпринимательства, существует ряд отраслей, где прямой доступ иностранного капитала жёстко ограничивается, либо запрещён полностью.

Возможности иностранцев вкладывать капиталы в средства связи (телефон, телеграф, радио, телевидение, космическая связь) резко ограничены федеральным законодательством, которое запрещает предприятиям, находящимся в иностранном владении или же под иностранным контролем, получать лицензии на управление предприятиями связи. Неслучайным поэтому является ревностное внимание, с которым американские законодатели относятся к производителям оборудования для сотовой связи 5 поколения (5G), которое применяется на внутреннем рынке и является базовой системой связи для интернета вещей. Для иллюстрации жёсткости законодательства в этой сфере, уместно вспомнить, что и в прежние времена для покупки телестанции в США австралийскому магнату средств массовой информации Руперту Мердоку (*Rupert Murdoch*) пришлось принять гражданство США.

Электростанции на судоходных водных путях могут строиться только при участии американских физических лиц. Лицензии на эксплуатацию установок

по производству или использованию атомной энергии не могут быть выданы предприятиям, принадлежащим или контролируемым иностранцами.

Прямые капиталовложения в американскую авиационную промышленность из-за границы также ограничены. Иностранные инвесторы могут приобрести в США авиапредприятие только с разрешения Министерства юстиции.

Участие иностранцев в секретных правительственных и оборонных программах не допускается. Вообще говоря, корпорации, контролируемые иностранцами, за некоторыми исключениями имеют право участвовать в конкурсах на правительственные программы, но участие иностранцев в оборонных программах жёстко контролируется Министерством обороны. Подобное участие не допускается в тех сферах, где имеется закрытая информация и где её утечка может нанести ущерб интересам национальной безопасности.

Капиталовложения в прибрежное и внутреннее судоходство могут осуществлять только американские граждане. Всякое сообщение между пунктами США или между пунктами на территориях, принадлежащих США, должно осуществляться судами, построенными и зарегистрированными в США, либо принадлежащими гражданам или предприятиям США. Эти ограничения действуют даже в том случае, если продукция перевозится через иностранный порт.

Иностранцы не имеют права получить разрешение на разработку или аренду месторождения полезных ископаемых, принадлежащего федеральному правительству. Однако они могут владеть контрольным пакетом акций в корпорации, которой принадлежат арендованные для разработок земли, если их страна предоставляет такие же привилегии американским гражданам (метод «взаимности»).

Банки федерального значения, регистрирующие свой устав в соответствии с общегосударственным законодательством могут частично принадлежать иностранцам, однако большинство их советов директоров должно состоять из граждан США. На уровне штатов также существуют контроль капиталовложений иностранцев в банковскую и страховую сферы. Лишь несколько штатов разрешают участие и руководство иностранцев в операциях страховых компаний.

Федеральное законодательство налагает незначительные ограничения на покупку земельных угодий иностранцами. Но, например, для законного выпаса скота на землях, не являющихся частным владением, необходимо иметь гражданство США.

В остальном, как уже отмечалось, политика «открытых дверей» в отношении иностранного капитала всё ещё не испытала сильных перемен.

СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И ЕЁ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Основной составляющей системы политического контроля иностранного капитала по-прежнему остаётся Конгресс США, который через Палату представителей и Сенат формулирует практическую политику в отношении иностранного капитала. В результате дебатов в Конгрессе принимаются новые законы или вносятся (отменяются) поправки к уже существующим. Вся эта деятельность непо-

средственно связана с политическим контролем иностранного капитала, затрагивающим интересы влиятельных политических сил США. По мере изменений, происходящих на мировых рынках, снижения конкурентоспособности американских товаров, Конгресс и президентские администрации от президентов Форда и Рейгана до президента Трампа, всё более волновал рост числа слияний и поглощений местных компаний иностранными. На всем протяжении 1970-х годов в Конгрессе США обсуждалась политика усиления контроля иностранного капитала в США. Только с 1972 по 1976 год в Конгрессе слушались около 70 законопроектов, непосредственно направленных на усиление контроля и ограничение деятельности иностранного капитала в США. Некоторые из внесённых законопроектов могли бы в корне переменить политику «открытых дверей», традиционно проводимую в США по отношению к иностранному капиталу. Так, в одном из законопроектов, внесённом сенатором от штата Огайо Говардом Метценбаумом (*Howard Metzenbaum*), предлагалось принять систему законов, требующую рассмотрения всех инвестиционных сделок с участием иностранного капитала, подобно тому, как это существует в Канаде или Австралии. Упомянутый законопроект так никогда и не был утверждён. Но вместо него, сторонники свободного рынка, составлявшие в Конгрессе большинство, решили принять компромиссный вариант. В результате Конгрессом было одобрено создание в 1975 г. Комитета по иностранным инвестициям (*CFIUS*). Таким образом, практически ничего не изменив по сути, администрации президента Форда удалось на том историческом этапе сохранить политику «открытых дверей» и невмешательства в деятельность иностранного капитала.

После принятия поправки Эксона – Флорио к закону «О международной торговле и конкуренции» (*Omnibus Foreign Trade and Competitiveness Act*) 1988 года, роль Комитета по иностранным инвестициям заметно возросла, так что можно сказать о том, что Комитет занял своё место в системе политического контроля иностранного капитала в США. Вместе с тем роль Комитета долгие десятилетия была ролью своеобразного *dormant entity*, существовавшего без ясных прав и обязанностей, пока после серии крупных скандалов, среди которых особый резонанс получили сделки с *China National Offshore Oil Corporation* в 2005 и *Dubai Ports World* в 2007 г., Комитет не решено было основательно реформировать, что и было сделано с принятием Конгрессом закона «Об иностранных инвестициях и национальной безопасности» (*Foreign Investment and National Security Act*) в 2007 г. При президенте Трампе, взявшем курс на новые ограничения притока капитала из стран – противников американской демократии, Комитет вновь получил новые полномочия с принятием в 2018 г. закона «О модернизации оценки риска иностранных инвестиций» (*Foreign Investment Risk Review Modernization Act*). Также было усилено действие поправки Эксона – Флорио.

Другой важной составляющей системы политического контроля иностранного капитала в США являются международные договоры и соглашения. Деятельность иностранного капитала на территории США может быть свободна от некоторых ограничений, если подобная же деятельность американских компа-

ний в соответствующей стране не ограничивается аналогичными методами. Такие соглашения заключаются на уровне государств. США имеют ряд подобных международных договоров, называемых «договорами о взаимности» (*reciprocity agreements*). «Договоры о взаимности» заключены в области налогообложения, таможенных тарифов и в некоторых других областях. Отсутствие соответствующего международного «договора о взаимности» или его невыполнение иностранным государством может явиться основанием для ограничения деятельности капитала из соответствующего государства на территории США.

Составляющей системы политического контроля иностранного капитала в США можно также считать отдельные положения американского законодательства, дающие возможность оказания политического давления на иностранные компании. Пожалуй, ближе всего функции законодательного политического контроля деятельности иностранного капитала на территории США выполняют два законодательных акта: закон «О регистрации иностранных агентов» (*Foreign Agents Registration Act*) 1938 года и упоминавшаяся поправка Эксона – Флорио. Закон определяет, в частности, ответственность иностранных компаний за деятельность, несовместимую с деятельностью предпринимательской корпорации, то есть круг сделок, имеющих неэкономическую природу. Следовательно, подразумевается политическая природа такой деятельности. В случае если такая деятельность будет признана имевшей место, иностранная корпорация будет принуждена зарегистрироваться в Министерстве юстиции в качестве «иностранного агента» и каждые 6 месяцев представлять в местные государственные органы подробные отчёты о своей деятельности. Известно, например, что этот закон использовался в 1960-е годы как инструмент политического контроля деятельности советской корпорации «Амторг». Что касается поправки Эксона – Флорио в редакциях 1988 (*Omnibus Foreign Trade and Competitiveness Act*), 2006 (*SAFE Port Act*) и 2018 г. (*Foreign Investment Risk Review Modernization Act*), то она дала возможность Комитету по иностранным инвестициям анализировать инвестиционные сделки с участием иностранного капитала, исходя из требований национальной безопасности. Поскольку ни в одном законе не содержится определения этого понятия, то можно с полным правом сказать, что подобные сделки анализируются Комитетом, исходя из возможных негативных политических последствий.

В контексте сказанного, можно утверждать, что в США отсутствует целостная система законодательного политического контроля иностранного капитала, а существуют лишь её элементы. В то же время в рамках других форм контроля существуют свои системы законодательного контроля иностранного капитала. Так, например, в США функционирует система антимонопольного законодательного контроля иностранного капитала, существующая в рамках административной формы контроля. Нужно также принимать во внимание, что, хотя в США и нет развитой системы законов, устанавливающей законодательный политический контроль деятельности иностранного капитала на своей территории (это согласуется с политикой «открытых дверей»), тем не менее, может происходить их наложение. В самом деле, административная и экономическая формы контроля ино-

странного капитала часто применяются как формы политического контроля (давления). Например, антимонопольные методы контроля применяются намного чаще именно к иностранным, а не к местным компаниям. Таким образом, административная и экономическая формы контроля, становясь инструментом политического давления на иностранный капитал, попадают в изначально более узкую сферу политического контроля.

Важной составляющей системы политического контроля иностранного капитала в США являются контролируемые местным и иностранным капиталом комитеты политического действия (*political action committees – PACs*). Представители местного капитала стремятся использовать комитеты для проведения своих кандидатов в Конгресс, где последние впоследствии должны лоббировать интересы своих патронов, в частности, стараться ограничить политическими средствами деятельность иностранных конкурентов. Комитеты, созданные или контролируемые иностранным капиталом, также стремятся провести своих представителей в Конгресс, однако с прямо противоположными целями. О необходимости контроля за деятельностью созданных или контролируемых иностранным капиталом комитетов политического действия говорят факты. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в Федеральной избирательной комиссии (*Federal Election Commission – FEC*) было зарегистрировано более 4 000 комитетов политического действия. Около 100 из них были созданы иностранным капиталом или контролировались им. На протяжении только 1985–1986 гг. комитеты, контролируемые иностранным капиталом, официально оказали материальную поддержку своим кандидатам на сумму около 1 млн долл. По данным Федеральной избирательной комиссии, в 2009 г. в США было зарегистрировано уже около 4 600 корпоративных комитетов политического действия (*corporate, connected PACs*), создано 1 594 незарегистрированных комитетов политического действия (*non-connected PACs*) [6]. Число комитетов ежегодно растёт, появляются новые их формы и разновидности (*leadership PACs, super PACs, hybrid PACs*), растёт объём финансирования кандидатов на выборах. Несомненно, что неофициальная поддержка в различных формах несопоставимо превосходит официальные размеры. Гораздо более крупные суммы расходуются на официальную поддержку своих кандидатов в местные органы власти. В тех штатах, где это разрешено законом, контролируемые иностранным капиталом комитеты политического действия непосредственно финансируют избирательные кампании. Как известно, федеральное законодательство запрещает иностранным физическим, а также местным и иностранным юридическим лицам финансировать федеральные избирательные кампании. Вместе с тем, согласно правилам, принятым Федеральной избирательной комиссией, иностранные компании могут создавать комитеты политического действия, при условии, что только граждане США будут вносить свои средства в фонды комитетов и выбирать своих кандидатов. Официально, все комитеты, контролируемые местными и иностранными компаниями, состоят исключительно из работников этих компаний, то есть в большинстве своём американских граждан. Однако не секрет, что руководство комитетами осуществляют высшие должностные лица компаний, прямо прово-

дящие политику защиты интересов, в первую очередь, своих фирм. Как инструменты политического контроля, комитеты политического действия удобны ещё и тем, что им позволено тратить на поддержку своего кандидата в 25 раз больше, чем индивидуальному избирателю (последнему разрешено внести 1 000 долл. на весь период выборов). Учитывая выше сказанное, становится понятным, что каналов влияния на итоги выборов в США и ранее, и теперь вполне достаточно, чтобы иностранные компании могли на почти законных основаниях достичь своих целей, если такие будут поставлены их руководителями. Особый интерес представляет тот факт, что Россия, в отличие от других западных государств, не имеет в США ни одного контролируемого комитета политического действия, Китай же имел в электоральный цикл 2016 года только один. В связи с этим, обвинения России в каком-либо ощутимом вмешательстве в американские выборы 2016 г. представляются неубедительными [7].

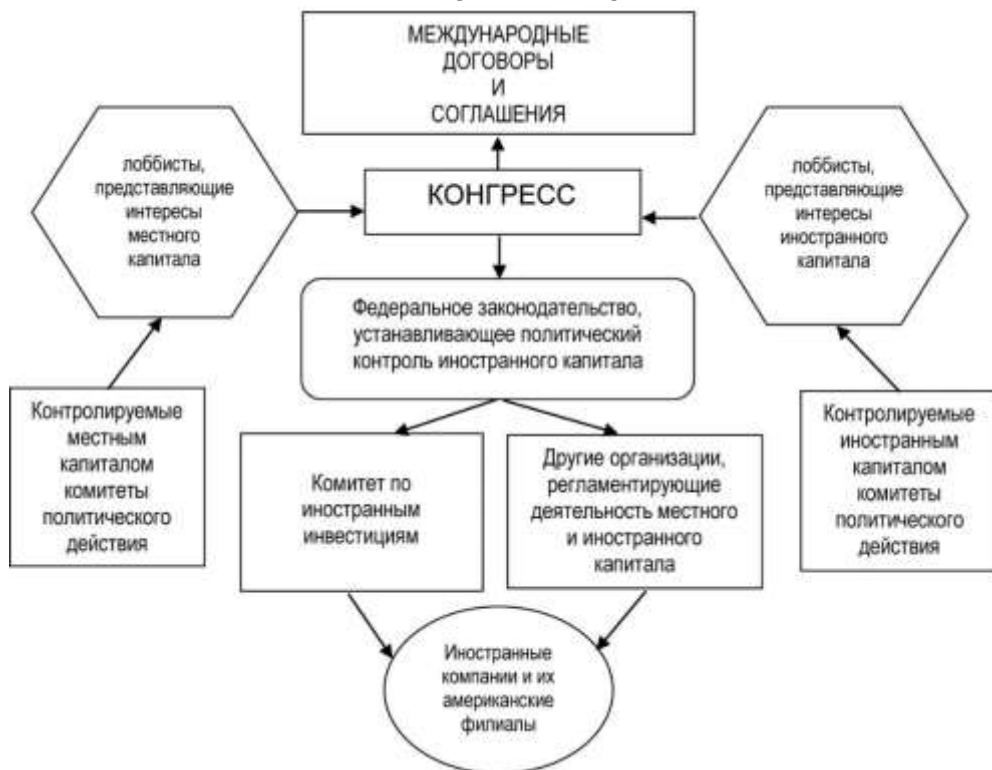
Наконец, ещё одной составляющей системы политического контроля иностранного капитала является институт лоббизма, представляющий интересы местного капитала в органах законодательной власти всех уровней, прежде всего в Конгрессе США. Наличие лоббизма, представляющего интересы местного капитала, служит необходимым противовесом давно существующему в США иностранному лоббизму. О его необходимости можно судить по тем масштабам, которые принял в США лоббизм иностранный. Так, группа лоббистов, представивших в Сенате США интересы японских предприятий – производителей пиломатериалов из штата Аляска, заставила большинство Сената отложить пересмотр закона «Об очистке вод» (*Clean Water Act*) и добилась для упомянутых предприятий особого статуса в рамках закона. Компании *Toshiba America* с помощью своих лоббистов удалось предотвратить санкции правительства США против одноименной головной корпорации, поставившей стратегически важное оборудование бывшему СССР [8]. Как видно из приведённых примеров, лоббизм в интересах местного капитала совершенно необходим для политического контроля иностранного капитала до тех пор, пока существует лоббизм иностранный. Последний же существует во всех странах с открытой экономикой. В США иностранный лоббизм был официально признан в 1966 г. с принятием соответствующей поправки к закону «О регистрации иностранных агентов» 1938 года. Несомненно, что открытый, официально признаваемый иностранный лоббизм намного предпочтительней скрытого, тайного иностранного лоббизма, поскольку последний оставляет больше простора для злоупотреблений и коррупции. Многие видные политические деятели США, как например, бывший вице-президент США Уолтер Мондейл (*Walter Mondale*), ничуть не скрывают своей принадлежности к иностранным лоббистам. Иностранцами лоббистами являются, по сути, все служащие иностранных корпораций, работающие в отделах по связям с правительством, а также лица, привлекаемые для такого сотрудничества со стороны. Подобная гласность, несомненно, облегчает организацию эффективного политического контроля иностранного капитала в принимающей экономике.

Мы рассмотрели важнейшие составляющие политической формы контроля иностранного капитала в США. Рассмотренные составляющие, взятые в совокупности, представляют собой своеобразную действующую систему, которую следовало бы назвать *системой политического контроля* иностранного капитала. Организация этой системы может быть представлена в виде приведенной ниже схемы.

Подобную же структуру имеют и системы политического контроля иностранного капитала на уровне штатов с той только разницей, что в них отсутствуют элементы, составляющие прерогативу федеральной власти, а именно блоки «Международные договоры и соглашения» и «Комитет по иностранным инвестициям». Блок «Конгресс» заменён на местную легислатуру (законодательное собрание штата), а блок «Федеральное законодательство...» на местное (штатное) законодательство, устанавливающее политический контроль иностранного капитала.

При рассмотрении составляющих системы политического контроля иностранного капитала в США, не был сделан специальный акцент на *методах*, применяемых для политического контроля иностранного капитала. И это не случайно: политический контроль иностранного капитала является одной из самых либеральных, мягких форм контроля.

Система политического контроля иностранного капитала в США

Как уже отмечалось выше, в целях политического давления на иностранный капитал чаще всего используются методы, присущие административной или экономической формам контроля, зачастую одновременно применяя и одну и другую. Тем не менее, некоторые приёмы политического давления на иностранный капитал в США вполне можно рассматривать как *методы* политического контроля. Выше уже были рассмотрены методы «взаимности» и предоставления «национального режима», таким же важным методом политического контроля иностранного капитала можно считать «лоббизм» в пользу местного капитала, в интересах национальной экономики в целом. Остальные методы политического контроля иностранного капитала можно считать второстепенными, поскольку их эффективность намного уступает эффективности вышеперечисленных методов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая форма является одной из самых либеральных форм контроля иностранного капитала в США. Эта форма не обладает развитой системой организации, имеющей целью подробную регламентацию деятельности иностранного капитала, как это имеет место в большинстве индустриально развитых стран. Основная часть деятельности иностранных компаний не попадает в сферу политического контроля, за исключением отраслей, имеющих стратегическое значение для «национальной безопасности». В целом иностранный капитал в США менее всего регламентирован, исходя из политических мотивов.

Всё это свидетельствует о практической приверженности политике «открытых дверей» и предоставлении иностранным компаниям национального режима деятельности. Вместе с тем, по мере роста влияния иностранного капитала на экономическую жизнь США, всё больше усиливается его влияние и на жизнь политическую. В этих условиях, всё чаще за последние годы стало оказываться политическое давление на иностранные компании, работающие на внутреннем рынке США, достаточно вспомнить недавнюю блокировку деятельности китайского электронного гиганта *Huawei*. Всё чаще под общественным давлением, инспирированным средствами пропаганды, в отношении деятельности иностранных инвесторов стало применяться нигде официально не определённое понятие «национальная безопасность», что служит удобным инструментом усиления политического контроля иностранного капитала. Предпринимаются попытки, пока в целом безуспешные, ввести более жёсткие методы политического контроля иностранного капитала в США. Это знаменует собой отход от применения антимонопольных и экономических форм контроля иностранного капитала в целях оказания политического давления и тенденцию к усилению собственно политических методов контроля иностранного капитала, что означает отход от политики «открытых дверей» и переход к политике «специального (читай: политического) протекционизма». Таким образом, можно говорить о происходящих процессах усиления и развития политической формы контроля иностранного капитала в

США, о совершенствовании её организации в целях обеспечения политических интересов государства и общества. Наиболее карикатурные формы политического контроля иностранного капитала на внутреннем и внешнем рынках представляют собой политические и экономические санкции против избранных иностранных государств, компаний и частных лиц [9].

ИСТОЧНИКИ

1. Andrew Rozenthal. Dukakis Says Standards of Living Is Deteriorating. *New York Times*, 4 October 1988, p. 14. Available at: <https://www.nytimes.com/1988/10/04/us/dukakis-says-standard-of-living-is-deteriorating.html> (accessed: 01.11.2020).
2. Robin Toner. Ownership of a Speech Site Catches Dukakis Unawares. *New York Times*, 8 October 1988, p. 8. Available at: <https://www.nytimes.com/1988/10/08/us/ownership-of-a-speech-site-catches-dukakis-unawares.html> (accessed: 01.11.2020).
3. Transcript of the Debate on TV between Bentsen and Quayle. *New York Times*, 6 October 1988, p. 11. Available at: <https://www.nytimes.com/1988/10/06/us/vice-presidential-debate-transcript-debate-tv-between-bentsen-quayle.html> (accessed: 01.11.2020).
4. Chinese Communist Party's Ideology of Global Ambitions, National Security Adviser Robert O'Brien Speech at Phoenix, AZ, June 24, 2020. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/chinese-communist-partys-ideology-global-ambitions/> (accessed: 01.11.2020).
5. UNCTAD, World Investment Report 2020. Available at: <https://unctad.org/press-material/investment-flows-developed-economies-set-fall-40-after-increase-2019-says-un-report> (accessed: 03.11.2020).
6. Judith Ingram, Mary Brandenberger. Number of Federal PACs increases, FEC, March 2009. Available at: <http://www.fec.gov/press/press2009/20090309PACcount.shtml> (accessed: 03.11.2020).
7. Jieun Lee. Foreign Direct Investment in Political Influence. Washington, International Political Economy Society, October 28, 2018, p.14. Available at: https://www.internationalpoliticaleconomysociety.org/sites/default/files/paper-uploads/2018-10-28-21_42_07-leejieun@umich.edu.pdf (accessed: 01.11.2020).
8. Bruce Stokes. Foreign Owners. *National Journal*, Vol. 19, No 38. 19 September 1987, p.p.2333-2336.
9. Countering America's Adversaries through Sanctions Act (CAATSA), H.R. 3364, Pub.L. 115-44. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 01.11.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Юданов Ю.И., Западноевропейский капитал в США. М., Наука, ИМЭМО, 1985, с. 130-148.

Юданов Ю.И., Экспорт капитала из Западной Европы. М., Наука, ИМЭМО, 1980, с. 19-28.

REFERENCES

Yudanov Yu. I., West Europe Capital in the USA, Moscow, Nauka, IMEMO, 1985, pp. 130-148.

Yudanov Yu. I., Export of Capital from Western Europe, Moscow, Nauka, IMEMO, 1980, pp. 19-28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Иван Юрьевич, Ivan Yu. ARKHANGELSKY, научный сотрудник центра прикладных экономических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3

researcher, Center for Applied Economic Research, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300013205-5

Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание

Н.А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
ORCID 0000-0002-0156-9069; email: n.tsvetkova@spbu.ru*

И.В. Федорова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
ORCID 0000-0002-4669-5413 email: isabella-94@mail.ru*

Статья поступила 16.06.2020.

Резюме: Современная дипломатия данных США — это применение анализа социальных сетей и аудиторией пользователей для проведения эффективных цифровых кампаний и блокирования враждебной информации в сети. Появление нового инструмента обусловлено новыми вызовами, которые сводятся, по мнению американского истеблишмента, к российской информационной деятельности и цифровой дипломатии.

Основным институтом новой дипломатии данных выступает Отдел по глобальному взаимодействию, созданный ещё во время второй администрации Б. Обамы, но получивший щедрое финансирование при администрации Д. Трампа. Отдел стал новым центром цифровой дипломатии и дипломатии данных, выполняющим функции анализа целевой аудитории в социальных сетях, формирования стратегии и организации конкретных информационных кампаний. Основным регионом применения дипломатии данных сегодня выступает Европа, где проводятся особые проекты США, направленные на сдерживание цифровой дипломатии России.

Ключевые слова: США, дипломатия данных, цифровая дипломатия, публичная дипломатия

Для цитирования: Цветкова Н.А., Федорова И.В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2021; 51(1): 104-116. DOI: 10.31857/S268667300013205-5

U.S. Data Diplomacy: Imperatives, Apparatus, and Scope

Natalia A. Tsvetkova

*Saint Petersburg State University,
Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3
ORCID 0000-0002-0156-9069; email: n.tsvetkova@spbu.ru*

Izabella V. Fedorova

*Saint Petersburg State University,
Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3
ORCID 0000-0002-4669-5413 email: isabella-94@mail.ru*

Received 16.06.2020.

Abstract: U.S. data diplomacy applies of analysis of social networks and target audiences to conduct effective digital campaigns and detect hostile information of adversaries in social media.

The development of the data diplomacy is reported to be determined by new challenges that, in the opinion of the American establishment, are referred to the success of Russian information activities and digital diplomacy. The main apparatus of the data diplomacy is the Global Engagement Center established during the second administration of Barack Obama. During the Administration of Donald Trump, the Center has become a new facility for digital and data diplomacy receiving huge federal financial support. The primary functions are to make big data analysis relative target audience in social networks, to shape strategies and digital campaigns. Europe has been declared to be main region where U.S. projects in the data diplomacy are carried out to roll back and deter the digital diplomacy of Russia.

Keywords: United States, data diplomacy, digital diplomacy, public diplomacy

For citation: Tsvetkova N.A., U.S. Data Diplomacy: Imperative, Apparatus, and Scope. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51(1):104-116.

DOI: 10.31857/S268667300013205-5

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент во внешнеполитическом механизме США проходят существенные изменения – публичная и цифровая дипломатия, которые были основаны на традиционных обменах в области культуры, образования и пр., а также на использовании социальных сетей для распространения информации и формирования диалога с пользователями сети интернет – заменяются на дипломатию данных. Этот новый внешнеполитический инструмент подразумевает использование «больших данных», искусственного интеллекта, ботов и прочих технологических новинок для сдерживания распространения в социальных сетях информации, источники которой обозначены правительством США как недружественные.

Вызовы со стороны различных государств обусловили применение новых технологий в лице дипломатии данных. Сейчас к таким странам отнесена Россия – её цифровая дипломатия и информационная деятельность. Различные новые технологии, такие как большие данные или искусственный интеллект, оказались основным инструментом во внешнеполитическом курсе в отношении России, а дипломатия данных (*data diplomacy*) стала использоваться на российском направлении для выявления целевой аудитории, которая, по мнению США, оказалась под «пагубным» влиянием (*malign influence*) российской информации, и для создания и распространения нужной информации среди миллиардной аудитории пользователей.

Однако в реальности обвинения России во вмешательстве в президентскую избирательную кампанию 2016 г. являются основными причинами для подобных инструментов в США. Начало развития дипломатии данных датируется 2013–2014 гг., когда американские эксперты стали утверждать, что на фоне уменьшения финансирования русскоязычного международного вещания и цифровой дипломатии США, Москва оказалась основным источником новостей на русском языке для мировой аудитории [Tsvetkova. 2019: с. 1-13]. Действительно, охват

населения в России со стороны столпов информационной составляющей внешней политики США, таких как «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа/Радио Свобода», в традиционном и цифровом форматах – сайты, твиты или посты, а также видеоролики – оценивался в 0,1–0,3%, что стало невиданным провалом информационной политики США [1]. Возвращение Крыма в состав Российской Федерации стало ещё одним триггером реализации дипломатии данных. Власти США увидели, что Москва набрала очки в период ослабления информационного американского присутствия в России и на постсоветском пространстве, доминирует в русскоязычной медиасфере и сумела значительно развить информационную политику и создать соответствующую инфраструктуру. Другими словами, борьба за русскоязычную аудиторию в России, на постсоветском пространстве и в мире в целом стали основной причиной для развития цифровых инструментов американского правительства.

Отставание цифровой дипломатии США компенсировалось за счёт увеличения финансирования каналов международного вещания, которые стали стремительно переводиться в социальные сети, а также финансирования зарубежных блогеров, журналистов и дружественных информационных источников в сети, расположенных вокруг России. Например, отдельным законом Конгресс выделил дополнительные ежегодные дотации в размере 10 млн долл. на развитие вещания на территории бывшего СССР, включая прибалтийские страны, и 20 млн долл. на поддержку неправительственных организаций и демократических институтов в России, в частности развития блогерства [2]. Но самым важным шагом второй администрации Б. Обамы, связанным с противодействием российской информационной политике, стало создание в октябре 2014 г. интернет-платформы и телеканала «Настоящее время» (*Current Time*) под совместным руководством «Голоса Америки» и «Радио Свобода». Канал формирует информационный поток, альтернативный российскому. Проект, полностью ориентированный на русскоязычное население, стал одним из компонентов стратегии по проверке фактов (*fact checking*). Была найдена ниша, в которой новые инструменты влияния через социальные сети стали активно развиваться, что позволило США расширить влияние на русскоговорящую аудиторию. Более того, цифровая дипломатия США вернула в новое противостояние в социальных сетях «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа/Радио Свобода». Они заняли передовые позиции в борьбе за «умы и сердца». Были созданы новые программы на 17 языках, включая армянский, азербайджанский, язык крымских татар и пр. Аудитория американских каналов вещания в социальных сетях в России увеличилась до 4,9%, а количество скачиваний видеороликов со страницы каналов на платформе «Фейсбук» (*Facebook*) за 2016 г. составило 60 млн раз, что обозначалось как значительный успех цифровой дипломатии США [3; 4].

Наконец, перед приходом администрации Д. Трампа был запущен процесс реорганизации ведомств, ответственных за это направление. Агентство США по глобальным медиа (*U.S. Agency for Global Media*) взяло на себе функции распространять информацию в цифровом формате и обеспечивать доступ граждан к этой инфор-

мации в тех странах, где существует цензура. Ведомство, в отличие от своего предшественника, напрямую подчиняется президенту и госсекретарю, контролирует все каналы международного вещания и их деятельность в Интернете. Наконец, позже произошли существенные реформы в ведомствах в Госдепартаменте, и на передовые позиции стал выходить Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*), созданный ещё президентом Б. Обамой для борьбы с радикальными течениями в сети. Однако очень быстро его функции расширились и стали включать работу с информацией России, Китая и других стран. Именно это ведомство оказалось в эпицентре формирования и реализации новой стратегии США по сдерживанию информационной деятельности и цифровой дипломатии России посредством дипломатии данных [Tsvetkova. 2019: с. 103-118].

Приход новой администрации, новый виток обвинений в сторону России сделали дипломатию данных существенным инструментом внешней политики для сдерживания источников информации на русском языке – инструментом, который пока ещё недостаточно изучен в специальной литературе. Поэтому цель данного исследования – выявить проекты дипломатии данных США, направленные на сдерживание информационной политики Российской Федерации. Источниками послужили документы и материалы Конгресса США и отчёты ведомств, реализующих подобные проекты. Методологическая база – комплекс традиционных методов, таких как документальный анализ, системный подход, что позволяет нам реконструировать внешнеполитические шаги администрации США в данной сфере.

ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ И СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ РОССИИ

В настоящий момент дипломатия данных США финансируется из бюджета публичной дипломатии и международного вещания и с 2018 г. переживает период щедрых дотаций, несмотря на то что президент Трамп стремился к сокращению расходов на различные проекты во внешней политике, включая информационные. Однако ему не удалось реализовать свои намерения. Напротив, расходы на международное вещание, интернет-дипломатию и публичную дипломатию постоянно возрастают, благодаря позиции Конгресса и работе лоббистов. Значительное финансирование получают каналы международного вещания, которые вовлечены в использование анализа больших данных для определения целевой аудитории, политических предпочтений зрителей или слушателей, а также их реакции в комментариях под постами в социальных сетях: вместо традиционной суммы в 600 млн долл. каналы получили более 800 млн долл. в 2019 и 2020 г., что является рекордом и свидетельствует о новом этапе развития цифровой внешней политики США. Вместо 5 млн долл. отделы Госдепартаamenta, занимающиеся созданием проектов в области дипломатии данных, получили 80 млн долл. в 2020 г. [5]. Можно ожидать, что финансирование будет только возрастать в связи с новым витком обвинений России в использовании пандемии в информационных проектах, что уже неоднократно прозвучало на слушаниях в Конгрессе США весной 2020 года.

Однако действия президента вносят диссонанс в работу ведомств, отвечающих за дипломатию данных. Президент Трамп постоянно обвиняет американские каналы международного вещания в использовании информации против интересов США. Достаточно вспомнить его майскую кампанию 2020 г. против «Голоса Америки». Президент обвинил канал в использовании китайских источников информации об эпидемии коронавируса. Впервые в истории США глава государства открыто обвинил ведомство публичной дипломатии в осуществлении некорректной политики. Критика президента заключалась не только в стандартных выпадах, высказанных в твиттер-аккаунте или на брифингах с журналистами, но и в издании особого документа Белого дома о неподобающих действиях канала. Всё это, безусловно, отрицательно отразилось на деятельности «Голоса Америки» и эффективности его работы, а также заставило специалистов в области цифровой дипломатии покидать правительственные ведомства.

Надо отметить, что личная цифровая активность президента сама по себе является ещё одной серьёзной проблемой для дипломатии США. Персонализация политики, перенос принятия решений в цифровую среду, игнорирование медийного мейнстрима и критика либеральных СМИ, эмоциональность и вместе с тем демонстрация аутентичности личности президента впервые создали необычную ситуацию для информационных проектов США в Интернете. Какие ценности транслировать на зарубежную аудиторию? Ценности президента? Как осветить личность президента? Американская дипломатия ещё не имела дилеммы столкновения либеральных представлений Америки, традиционно продвигаемых международным вещанием и цифровой дипломатией США, с личностью президента, который порой продвигает противоположные ценности. В силу этого эксперты сократили число информационных потоков о президенте, чтобы не оказываться в ситуации, когда официальное международное вещание США критикует своего президента.

Более того, президент оказывает особое влияние на кадровый состав аппарата публичной дипломатии. Трамп в течение нескольких лет, с 2017 по 2020 г., держал состав Агентства по глобальным медиа, которое отвечает за все международные информационные проекты США, в подвешенном состоянии, не сумев поменять его главу, назначенного ещё президентом Б. Обамой. Это осложняло работу всех участников цифровой дипломатии до середины 2020 г., пока наконец Конгресс не утвердил главой данного ведомства известного консервативного документалиста и продюсера М. Пака. Президент часто меняет заместителей госсекретаря по публичной дипломатии, а в 2020 г. совсем ликвидировал эту должность и перенёс центр проектной деятельности в отделы по дипломатии данных, а точнее в упомянутый выше отдел госдепартамента по глобальному взаимодействию. Другими словами, Трамп поддерживает линию на замену традиционных кадров и инструментов и использование новых цифровых механизмов, которые, как оказалось, направлены против российской информационной деятельности в Европе.

Неоднократно в Конгрессе звучали самые разные мнения, на основании которых строится сегодня и внешняя политика, и дипломатия данных США, несмотря на то что многие оценки уже считаются ошибочными. Эксперты утверждают, что

за последние 20 лет со стороны России было проведено не менее 362 операций в 41 стране Европы, с задействованием таких инструментов, как информационные операции и цифровая дипломатия [6]. К этим фактам добавлялись данные о возможных действиях России в период проведения предвыборной кампании в США, согласно которым в период 2015–2017 гг. было создано от 120 до 470 страниц на «Фейсбуке» для влияния на американских граждан. Количество постов, размещённых на этих страницах оценивается в 80 тыс., а количество просмотров этих записей – в 126 млн. При этом, по оценкам экспертов, более 29 млн американцев были вовлечены во взаимодействие с публикуемой информацией посредством комментирования, репостов и иных действий [Tsvetkova. 2019: 103-118].

Озабоченность по поводу информационных проектов России привела к тому, что политический дискурс, фундамент и стратегии, на которых выстраиваются проекты информационной работы в отношении Москвы, кардинально изменились. Вместо традиционного утверждения администрации Б. Обамы об активизации информационных проектов, направленных на русскоязычное население, всё чаще стала обозначаться проблема российского «пагубного влияния» (*malign influence*). Согласно закону «О национальной обороне», «пагубное влияние» – это «координированное, интегрированное и синхронизированное применение национальных дипломатических, информационных, военных, экономических, деловых, коррупционных, образовательных и иных возможностей враждебными иностранными державами для формирования отношений, поведения, решений или достижения иных результатов внутри США» [7].

Дипломатия данных стала обозначаться в обсуждаемых Конгрессом США законопроектах о санкциях как новое средство сдерживания России в Европе и Евразии и средство борьбы за её демократизацию. Законы о санкциях предоставили самое щедрое дополнительное финансирование для новых проектов, которые сдерживают распространение российской информации в странах Европы, а также поддерживают демократические институты внутри России. В знаменитом законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» от 2017 г. (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*) международное вещание, цифровизация информации, мониторинг социальных сетей, взаимодействие с ключевыми блогерами и журналистами в Европе и Евразии обозначены в качестве основных инструментов сдерживания российской информации. Конгресс выделил ежегодное финансирование в размере 250 млн долл. в 2018 и 2019 гг. и 275 млн долл. в 2020 г. и последующие годы для проекта под названием «Фонд противодействия российскому влиянию» (*Countering Russian Influence Fund*) [5;7]. Эти средства предназначены для стран НАТО, а также для стран – претендентов на вступление в ЕС, которые не способны эффективно реагировать на вызовы со стороны России. Среди целевых направлений – содействие в защите избирательной системы от кибератак, наращивание потенциала гражданского общества и СМИ и широкое распространение информации из американских источников [8].

Приоритет в новой политике отдан странам Балканского полуострова. Эксперты США пришли к выводу, что эти страны остаются «уязвимыми для внутренних и внешних дестабилизирующих сил, включая влияние России» [9]. В 2018 г. были запущены две новостные ленты для русскоговорящего населения, а из балканской службы «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» сформировали площадку для мобилизации проамериканских настроений в Боснии, Сербии, Черногории, Македонии и Косово. Подразделение «Радио Свободная Европа/Молдова» направило свою деятельность на Молдову и Румынию, вещание в которых было возобновлено после десятилетнего перерыва. Среди подразделений «Голоса Америки» особая роль отводится «Албанской службе», которая по показателям охвата аудитории в сети превосходит все остальные международные вещательные компании США в регионе. Все они сфокусированы на трансляции основных демократических ценностей, на донесении целей внешней политики США, а основная задача дипломатии данных – поиск источников информации российского содержания, создание контринформации, а также формирование пула локальных блогеров, способных распространять «нужную» информацию.

Тем не менее, проблемы охвата аудитории остаются. Ежедневная аудитория Албанского сервиса «Голоса Америки» в Македонии составляет 7,2% населения, в то время как у Боснийской службы данный показатель составляет 13,4%, а у Македонской службы – 19% взрослого населения. Сербский сервис достигает порядка 12% взрослого населения посредством сотрудничества с национальными и региональными аффилированными СМИ [4]. Нельзя сказать, какие американские каналы популярны среди населения. Многие американские эксперты предупреждают, что сложно вести противостояние с Россией на её границах и в странах Восточной Европы, где сильны языковые и родственные связи.

Для самой России разработаны новые инициативы по поддержке демократических сил и свободы в Интернете. Вырос и бюджет, выделяемый на Россию: если в 2016 г. общий бюджет, выделенный на реализацию программ публичной дипломатии в России, составлял 5 млн долл., то в 2018 г. – 11,3 млн [4]. Отдельной статьёй увеличено финансирование для традиционных проектов, зафиксированных в законах «О поддержке свободы» (*Freedom Support Act*) 1992 г. и «О поддержке демократии в Восточной Европе» (*Support for Eastern European Democracy Act*) 1989 г. На подобные программы (реализуемые на всём пространстве Евразии) в 2018 г. было выделено 760 млн долл. [5]. И здесь мы не затрагиваем многомиллионные дотации на проекты, которые финансируются Агентством международного развития и другими организациями. Это требует отдельного исследования. Однако наибольший эффект создают традиционные каналы международного вещания, которые превратились в цифровые платформы. Они не только информируют, но и ведут диалог с публикой при помощи комментариев, публикуют любительские видео, а также финансируют самые разные проекты в целевых странах. Развитие технологической базы, возросшее присутствие в социальных сетях, а также вещание в прямом эфире сделали американские каналы популярными среди моло-

дёжи. Онлайн-трансляции и стримы повысили уровень доверия среди российской аудитории, которой предоставляется возможность сравнить интерпретации событий американских и российских каналов.

В итоге, применение новых технических средств позволило международному вещанию США значительно улучшить своё положение на пространстве бывшего СССР, включая Россию. Мы упоминали, что в 2013 г. около 0,1–0,3% населения России слушали или смотрели каналы международного вещания США. В 2019 г. данная цифра достигла 7,7%, или почти 7,9 млн человек [10]. Это достаточно серьёзный рынок, однако в сравнении с числом советских слушателей американских радиостанций в период холодной войны, которое составляло, по самым скромным подсчётам, около 10% населения, эти проценты не выглядят прорывом в контексте открытого информационного пространства и многочисленных источников информации. Однако число просмотров канала на цифровых платформах выросло ощутимо: среднее ежемесячное количество посещений русскоязычного сайта «Голос Америки» составляет 2 млн, а среднее число просмотров видеоканала на платформе «Фейсбук» – 147 млн пользователей, которые понимают русский язык и выбирают версию канала на русском языке. Эксперты выделяют аудиторию «Фейсбук» как одну из наиболее активных, поскольку посты в этой социальной сети ежедневно собирают 1 млн активностей (комментарии, лайки и т.д.) [10].

Анализ пользователей, сбор больших данных, создание публикационных стратегий и все другие методы дипломатии данных координируются упомянутым выше Центром глобального взаимодействия. Там вырабатывают стратегию, ищут технические решения и выполняют проекты в эпицентре, по мнению американских экспертов, информационного противостояния – в Европе. Законы «О финансировании национальной обороны» 2017 г. и 2019 г. (*National Defense Authorization Acts*) расширили задачи отдела, включив проекты по противодействию пропаганде со стороны иностранных государств и неправительственных организаций в самих США. Ведомство получило возможность выдавать гранты и заключать контракты с зарубежными неправительственными организациями для ведения информационной работы. На начало 2020 г. в центре работали 130 сотрудников, и он полностью сконцентрировался на создании месседжей против российских активных блогеров, «троллей» и пр., а также аккумулирует данные о масштабах информационной деятельности России и публично осуждает информацию, которая обозначается как пропаганда или дезинформация. Работа щедро профинансирована Конгрессом США. Если в 2015 и 2016 гг. Центр глобального взаимодействия получал на свою деятельность в Интернете 8–16 млн долл., то сегодня – около 55 млн долл. На 2019 г. и 2020 г. дополнительно было выделено по 60 млн долл. [7]. При этом бюджет группы, занимающейся российской политикой, на начало 2020 г. составлял 21,6 млн долларов.

Ведомство имеет три региональных отдела, каждый из которых занимается определённой страной: Россией, Китаем и Ираном. В отношении этих стран обозначены особые задачи. Что касается Китая – это создание контрмесседжей (при

помощи искусственного интеллекта) для ответа на нарратив, поступающий в социальные сети из правительственных источников КНР. В отношении Ирана предусмотрена программа по поддержке либеральных слоёв общества в самом Иране при помощи распространения проамериканской информации. В отношении России – сдерживание российских источников информации в социальных сетях [11]. Сдерживание подразумевает и создание альтернативной информации, и удаление профайлов, которые квалифицированы владельцами компании социальных сетей как пропагандистские.

Стратегия отдела, занимающегося Россией, состоит из трёх элементов: анализ информационной деятельности России в социальных сетях; наращивание потенциала по распознаванию дезинформации и реагирование на неё; заполнение информационного вакуума. В основе аналитической составляющей стратегии лежит понимание тактики и целей российской политики, в связи с чем деятельность отдела направлена на раскрытие следующих вопросов: на какие целевые аудитории направлена политика России? как Россия достигает целевой аудитории? насколько эффективны методы России? Чтобы ответить на эти вопросы, задействуются традиционные методы работы с аудиторией, например, проведение фокус-групп и анкетирования, а также современные методы, основанные на обработке данных из сетей. По программам, направленным на наращивание способности эффективного реагирования на информационные проекты России, Центр глобального взаимодействия спонсирует тренинги представителей гражданского общества в государствах Европы, а также местные СМИ для освещения событий, проведения мероприятий по повышению медиаграмотности населения и т.д. Более того, центр ведёт поиск и применяет технологии, позволяющие наиболее эффективно добиваться поставленных целей. Одна из инициатив – Серия демонстраций технологий (*Technology Demonstration Series*) – направлена на консолидацию специалистов из IT-сферы для создания эффективного реагирования на пропаганду и дезинформацию [12].

В итоге в настоящее время следующие технологии вошли в арсенал дипломатии данных США: идентификация контента, распространяемого с помощью технологии распределённого реестра; обнаружение ботов в социальных сетях, а также автоматическая генерация сообщений в диалогах и комментариях. Дипломатия данных способна выявлять источники «ненужной» враждебной информации, предсказывать адаптацию России и других стран к американской цифровой деятельности и предоставлять технологические решения для реагирования на угрозы, порождаемыми так называемыми генеративно-состязательными нейросетями, известными как дипфейкс (*deepfakes*). Надо сказать, что до 2018 г. не наблюдалось такого всплеска активности США в данной области. Тогда они жёстко критиковали другие страны в использовании так называемых «низкоморальных» инструментов дипломатии данных, которые способны манипулировать информацией и оказывать существенное влияние на пользователей социальными сетями [13].

Особым звеном выступает технология искусственного интеллекта, широко обсуждаемая во всех странах. Аппарат цифровой дипломатии США значительно

приблизился к возможностям реального использования данной технологии. Исполнительный указ «О поддержании американского лидерства в области искусственного интеллекта» 2019 г. призывает федеральные ведомства рассматривать данную технологию в качестве ведущего элемента деятельности. В дипломатии данных искусственный интеллект используется для выявления аномального поведения, обнаружения кампаний дезинформации, информационного мошенничества трафика или новостей и, самое главное, для создания контента и новых месседжей [14].

Указанные технологии в корне меняют природу информирования целевой аудитории. Искусственный интеллект и машинный способ распространения материалов (боты) создают масштабные потоки информации, направляют их точно на целевые аудитории и, самое главное, реагирует на комментарии пользователей в социальных сетях, выдавая точные, яркие и убедительные ответы. Это очень важно в период проведения информационных кампаний, поскольку уже не пост и не твит оказывают влияние на целевую аудиторию, а вереница комментариев, публикуемых под постом, является наиболее эффективным способом влияния. Именно в комментариях скрыто то, что можно назвать политическим ландшафтом страны и населения. Здесь находятся лозунги, убеждения и широкие возможности для государства оказывать влияние на мнения пользователей. Поэтому обращение к искусственному интеллекту в дипломатии является новой ступенью, а США приблизились к его полномасштабному использованию в 2019–2020 гг. Информация, сгенерированная искусственным интеллектом, будет воздействовать на миллионы пользователей Интернета на всех языках мира, что, несомненно, ликвидирует многие традиционные программы в международном радио- и телевидении.

Дополнительным, но важным, направлением дипломатии данных выступает поддержка политики свободного доступа к интернету во всех странах. С 2016 г. этим направлением занимается Отдел в области интернет-свободы Агентства США по глобальным медиа. Агентство отвечает за доступ к потоку информации и свободы выражения мнения в странах, где действует механизм цензуры. С 2019 г. поддержка и распространение технологических инициатив, направленных на преодоление цензуры, обеспечение необходимого уровня приватности пользователей и др. являются стандартными ежедневными задачами. Примерами таких проектов выступает приложение *Delta Chat*, осуществляющее анонимный обмен сообщениями без привязки к номеру телефона, VPN-сервису *Psiphon*, позволяющие обходить цензуру и т.д. В 2020 г. сотрудники разработали новые материалы и тренинги по обходу цензуры в сети, расширили аудиторию в государствах, где существует ограниченный Интернет, а также создают и распространяют технологии, которые обеспечивают безопасный доступ к контенту США из любой точки мира и т.д. [15].

Наконец, если обратиться к инициативам Белого дома или конгрессменов, которые ждут принятия и финансирования, то можно сделать вывод о новых проектах в данной области, которые созданы благодаря появлению стратегии о-цифровом сдерживании России. Каналы вещания – «Голос Америки» и др. – в 2021 г. и в дальнейшем будут расширять использование инструментов мониторинга целевой

аудитории и фильтрации пользователей по политическим интересам. Таким образом можно регулировать поток информации, обеспечивая аудиторию контентом, соответствующим её интересам. Надо сказать, что ещё в 2017 г. конгрессмены и американские эксперты достаточно критически относились к этой технологии, обвиняя Россию и другие страны в её использовании и подрыве политической стабильности в США. Однако сегодня данная технология фильтрации пользователей является признанным и эффективным подходом и развивается в официальной дипломатии данных США. Эти и другие шаги в цифровой сфере в деталях намечены в законопроекте о новом пакете санкций под названием «О защите безопасности США от агрессии Кремля» (*Defending American Security from Kremlin Aggression Act*). Законопроект представляет собой заверения конгрессменов в поддержке НАТО, укреплении единства Европы и принятии новых санкций против Москвы и требует использовать возможности цифровых платформ и анализа больших данных для эффективного влияния на целевую аудиторию. Во втором разделе предложены новые реформы институтов дипломатии для сдерживания России, в рамках которых предусмотрено создание особого органа – Национального координационного центра по борьбе с гибридными угрозами (*National Fusion Center to Respond to Hybrid Threats*), ответственного за координацию и реализацию реакции на цифровые проекты, идущие из России [16]. Ключевое новшество – поиск и работа с целевой аудиторией в странах Европы, которую необходимо вернуть в информационные потоки США и сделать её постоянным слушателем или зрителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вызовы со стороны России, обозначенные экспертами США, стали основой для создания нового инструмента – дипломатии данных, которую сегодня определяют в США как использование анализа больших данных для влияния на целевую аудиторию в социальных сетях.

За последние несколько лет были модернизированы информационные проекты и аппарат международного вещания. Созданы новые проекты в Европе и Евразии, где развернулось противостояние с Россией за русскоязычного потребителя информации из социальных сетей. Усилена работа по ликвидации пророссийской информации в социальных сетях. Анализ больших данных используется для выявления особых кластеров в целевой аудитории и создания эффективных постов, твитов и комментариев к ним, которые генерируются искусственным интеллектом, распространяются ботами и оказывают влияние на миллионы пользователей в социальных сетях. Наконец, использование технологий позволяет определять источники «ненужной» информации в социальных сетях, сдерживать распространение информации конкурентов или стран, обозначаемых сегодня в документах США как враждебные.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Congress. Inspection of U.S. International Broadcasting to Russia. Available at: <https://oig.state.gov/system/files/217908.pdf> (accessed June 10, 2020).
2. U.S. Congress. Ukraine Freedom Support Act of 2014. PL 113–272. Available at: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf> (accessed June 10, 2020).
3. Broadcasting Board of Governors. Performance and Accountability Report, 2016. Available at: <https://www.bbg.gov/wp-content/media/2016/11/BBG-FY-2016-PAR-Financial.pdf> (accessed June 10, 2020) 19.05.2018).
4. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2018. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2018-ACPD.pdf> (accessed June 10, 2020).
5. U.S. Congress. Consolidated Appropriations Act, 2019. P. L. 116–6. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-joint-resolution/31> (accessed June 10, 2020).
6. U.S. House Committee on Foreign Affairs. Testimony by the Director of the Alliance for Securing Democracy. May 21, 2019. Available at: <https://foreignaffairs.house.gov/2019/5/undermining-democracy-kremlin-tools> (accessed June 10, 2020).
7. U.S. Congress. John C. McCain National Defense Authorization Act. P. L. 115–232. Available at: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ232/PLAW-115publ232.pdf> (accessed June 10, 2020).
8. U.S. Congress. Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act. P. L. 11–44 Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed June 10, 2020).
9. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting, 2016. Available at: <http://www.state.gov/pdcommission/reports/index.htm> (accessed June 10, 2020).
10. U.S. House Committee on Appropriations. Statement by the Director of the U.S. Agency for Global Media. July 10, 2019. Available at: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-malign-influence> (accessed June 10, 2020).
11. U.S. Committee on Foreign Relations. Statement^[1]_{SEP} by the Coordinator for the Global Engagement Center. March 5, 2020. Available at: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/the-global-engagement-center-leading-the-united-states-governments-fight-against-global-disinformation-threat> (accessed June 10, 2020).
12. Global Engagement Center. Technology Engagement Team, 2019. Available at: <https://www.state.gov/the-global-engagement-centers-technology-engagement-team/> (accessed June 10, 2020).
13. U.S. Senate Committee on the Judiciary. Hearings. Extremist Content and Russian Disinformation Online: Working with Tech to Find Solutions. October 31, 2017. Available at: <https://www.judiciary.senate.gov/meetings/extremist-content-and-russian-disinformation-online-working-with-tech-to-find-solutions> (accessed June 10, 2020).

14. U.S. Agency for Global Media. Budget Justification, 2020. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/03/USAGMBudget_FY20_CBJ_3-15-19.pdf (accessed June 10, 2020).
15. U.S. Agency for Global Media. Office of Internet Freedom, 2019. Available at: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/06/USAGM-OIF-FactSheet-2019-06-25-19.pdf> (accessed June 10, 2020).
16. U.S. Congress. Defending American Security from Kremlin Aggression Act. S. 3336. Available at: <https://www.congress.gov/115/bills/s3336/BILLS-115s3336is.pdf> (accessed June 10, 2020).

REFERENCES

- Tsvetkova N., Rushchin D., Shiryaev B., Yarygin G., Tsvetkov I. 2020. Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication. *Journal of Political Marketing*. 6/н. DOI: 10.1080/15377857.2020.1724425
- Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? In A. Velikaya & G. Simons (Eds). *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. London, New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 103–118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЦВЕТКОВА Наталья Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований СПбГУ. Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 8.

ФЕДОРОВА Изабелла Владимировна, аспирантка кафедры американских исследований СПбГУ. Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 8.

Natalia A. TSVETKOVA, Doc. Sci. (History), professor, head of American Studies Department, St. Petersburg State University.

Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3

Izabella V. FEDOROVA, postgraduate student, American Studies Department, St. Petersburg State University. Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3.

УДК 94 "15/18"

DOI: 10.31857/S268667300013206-6

Идеология финансово-промышленной олигархии США конца XIX – начала XX века

В.О. Козлов

*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер. 2/3;
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, 20
ORCID: 0000-0002-6874-3965 e-mail: kozlov-vadm@yandex.ru
Статья поступила в редакцию 16.10.2020*

Резюме: В конце XIX – начале XX века в США сформировался новый социальный слой финансово-промышленной олигархии, которому было необходимо идеологическое подспорье. Появившееся в середине XIX века учение Дарвина дало в том числе толчок формированию теории социал-дарвинизма, основоположниками которой стали британские социологи Г. Спенсер и У. Самнер. Зарождение класса корпоративной бизнес-элиты, обладателей сверхдоходов объяснялось естественным отбором, продуктом которого стала новая прослойка американского общества. Под напором массовых движений протеста на смену прежней пришла теория «социальной ответственности бизнеса», провозвестниками которой стали сами нувориши – сначала Э. Карнеги, а затем Г. Форд. Она распространяла тезис о благотворительности как средстве общественного «служения» бизнеса обществу и всячески её поощряла. Таким образом, меняясь под воздействием социальных факторов, корпоративная бизнес-элита смогла сформировать идеологическую базу своего высокого положения в американском обществе.

Ключевые слова: финансово-промышленная олигархия, корпоративная бизнес-элита, социал-дарвинизм, теория социальной ответственности бизнеса, благотворительность, меценатство, идеология

Для цитирования: Козлов В.О. Идеология финансово-промышленной олигархии США конца XIX – начала XX века. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2021; 51(1): 117-126. DOI: 10.31857/S268667300013206-6

Ideology of the U.S. financial and industrial oligarchy of the late XIX - early XX century

Vadim O. Kozlov

*Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3, Khleby per., Moscow, 121069 Russian Federation;
National Research Institute Higher School of Economics.
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow 101000, Russian Federation.*

Abstract: At the end of the XIX – beginning of the XX century, a new social layer of the financial and industrial oligarchy was formed in the United States, which needed ideological support. Darwin's theory, which appeared in the middle of the 19th century, also gave an impetus

to the formation of the theory of social Darwinism, which was founded by the British sociologists G. Spencer and W. Sumner. The emergence of a class of corporate business elite, owners of super-profits, was explained by natural selection, the product of which was a new layer of American society. Under the pressure of mass protest movements, it was replaced by the theory of "social responsibility of business", which was heralded by the nouveau riches themselves – first E. Carnegie, and then G. Ford. It spread the thesis of charity as a means of public "service" of business to society and encouraged it in every possible way. Thus, changing under the influence of social factors, the corporate business elite has largely managed to form the ideological base of its top position in American society.

Keywords: financial and industrial oligarchy, corporate business elite, Social- Darwinism, theory of social responsibility of business, charity, patronage, ideology.

For citation: Ideology of the U.S. financial and industrial oligarchy of the late XIX-early XX century. USA & Canada: economy, politics, culture, 2021; 51(1): 117-126.

DOI: 10.31857/S268667300013206-6

ВВЕДЕНИЕ

«США – страна равных возможностей» – такое утверждение распространено в российской и зарубежной прессе и литературе. И действительно, победившая в результате спора федералистов и антифедералистов в начале XIX века джефферсоновская модель американской государственности предполагала создание страны мелких собственников-фермеров, страны равных возможностей и относительно единого уровня социально-экономического положения. Далеко не всегда это совпадало с реальностью, но уровень социального расслоения оставался в США умеренным вплоть до периода бурной индустриализации последней трети XIX века, когда сформировался класс финансово-промышленной олигархии, олицетворением которых стали семейства Морганов, Рокфеллеров и др. Социально-культурному доминированию корпоративной бизнес-элиты, шедшему вслед за финансовым, необходимо было идеологическое подспорье. Долгие годы доктрина классического либерализма, предполагавшая экономическую свободу для индивидуумов и невмешательство государства в сферу отношений между трудом и капиталом, была идеологической основой американского общества. Свои корни она находила в идеях Дж. Локка и А. Смита, идеализировавших общество фермеров и представителей малого бизнеса, в котором каждый мог рассчитывать на успех в виде создания индивидуального предприятия. Крайний индивидуализм был своеобразной верой американцев. Однако в конце XIX века сильнейший удар был нанесён по американской мечте, которую пестовали Т. Джефферсон и А. Линкольн, сулившие финансовый успех каждому, даже бедняку, если только он обладал трудолюбием. Для зарождавшейся корпоративной бизнес-элиты идея невмешательства, лессеферизма, оказалась непригодной.

СОЦИАЛ-ДАРВИНИЗМ

Основой предпринимательской идеологии «большого» бизнеса, стала доктрина социального дарвинизма, пришедшая на смену устаревшей теории классического либерализма. Её родоначальником был английский социолог Г. Спенсер. По точному замечанию американского историка Р. Хофстедтера, «в первые три десятилетия после Гражданской войны никто не мог утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера. Многие американские мыслители, такие как У. Джеймс, Дж. Ройс, У. Дьюи, Б.П. Боун, У.Т. Харрис, Дж.Ф. Хоусон и Дж. Макош, вынуждены были признавать его авторитет» [Hofstadter R. 1994: 11]. Невзирая на обострение социальных конфликтов в обществе, они продолжали наделять капитализм качествами естественной гармонии и надеялись на «благоразумие» рынка. Как отмечал российский исследователь В.В. Согрин, «рассуждая строго в рамках классического учения, американские ортодоксы противились даже постановке новых тем, по мере перерастания свободного капитализма в корпоративный» [Согрин В.В. 1995: 115]. В связи с этим основоположник политэкономической школы Д.Б. Кларк в книге «Распределение богатств» заявлял, что принципы фритредерства должны оставаться единственным регулятором справедливого распределения национального богатства между разными социальными группами. Требования профсоюзов, противоречившие стремлениям представителей корпоративной бизнес-элиты, считались абсолютно безосновательными, а все разговоры об обнищании фермерства и пролетариата надуманными от начала до конца [Clark D.B. 1895: 67-68].

Основатель идеологии социал-дарвинизма Г. Спенсер, заимствовавший методологию Ч. Дарвина при объяснении общественных связей, пропагандировал оригинальные идеи эволюции, качественных изменений социальных и политических институтов. По его мнению, «законы борьбы за существование, естественного отбора и прогресса, гибели наименее приспособленных и выживания более приспособленных видов являются главными не только в биологии (в животном мире), но и в социологии (мире людей)» [Spencer H. 2004: 17]. Его приезд в США в 1882 г. практически превратился в государственный визит: представители элитарных кругов и «большого» бизнеса оказывали ему всяческие почести. В частности, журналисты с энтузиазмом расписывали, как он приветствовал своего последователя и одного из ближайших друзей – Э. Карнеги [1].

Популярность социального дарвинизма в США объяснялась не в последнюю очередь тем, что его идеи больше всего подходили к традиционной для Америки идеологии крайнего индивидуализма. Они казались многим американцам зеркальным отражением окружавшей их действительности, где свободная конкуренция уступила место всевластию крупнейших корпораций, отсюда естественной и закономерной считалась ежедневная сортировка людей на более или менее приспособленных. Как отмечал американский историк Р. Хофстедтер, «путая эволюцию с прогрессом, что было естественно для полных энтузиазма представителей

возвышающегося класса и нации на подъёме, они пришли к выводу, что ожесточённая конкурентная борьба в промышленности ведёт к медленному, но неизбежному прогрессу цивилизации» [Хофстедтер Р. 1992: 191].

Социальный дарвинизм удивительно точно отражал запросы корпоративной бизнес-элиты. Он рассматривал предпринимательские объединения в качестве естественного результата общественной эволюции, как следствие отбора наиболее приспособленных, которым власть и общество не вправе чинить никаких препятствий. Как утверждал В.В. Согрин, «главной темой американского социал-дарвинизма было обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей происхождения социальных явлений и противоречий капиталистического общества, таких как классовая борьба, конкуренция, миллионные состояния корпораций, с одной стороны, и массовая бедность – с другой» [Согрин В.В. 1995: 112]. Сведение общественных законов к биологическим импульсам снимало вопрос о социально-экономической обусловленности этих явлений, поэтому противоречия капитализма объявлялись извечными, а любое сопротивление «естественному» процессу считалось бессмысленным и тормозящим процесс социальной эволюции.

Неудивительно, что вскоре у Спенсера появилось много последователей в американской академической среде. Лидером социал-дарвинистов стал У.Г. Самнер, возглавивший в 1872 г. кафедру политических и социальных наук в Йельском университете, ставшую оплотом научного социал-дарвинизма. Его базовое сочинение называлось «Чем общественные классы обязаны друг другу?». В нём учёный декларировал, что «в истории человечества не было ни одного периода, когда бы отсутствовали классы и классовая борьба». Он утверждал, что «не видит никаких способов устранения или смягчения в будущем классовых антагонизмов», поэтому возможность замены классовой борьбы социальным сотрудничеством он воспринимал как утопию. «Сама природа, – по утверждению У. Самнера, – предоставила человечеству только один вариант взаимоотношений между индивидами – тотальную войну всех против всех». Он называл представителей «большого» бизнеса, уничтожавших менее приспособленных конкурентов, «продуктом естественного отбора, элитой общества, которая была отобрана самой природой» [Sumner W.G. 1974: 4].

Самнер и его последователи предлагали американцам полностью довериться прогрессу цивилизации, так как они считали, что любые попытки государства вторгнуться в естественный порядок вещей могут только навредить ему, затормозить поступательный общественный прогресс. Любые усилия, направленные на устранение крайностей социального неравенства, как доказывал Самнер, угрожают основам цивилизации: «Многие экономисты выражают неудовлетворённость распространённой в мире нищетой... Но при этом они не учитывают факт того, что, отвергнув формулу выживания наиболее приспособленных индивидов, можно предложить лишь одну альтернативу – выживание наименее приспособленных. Первая лежит в основе развития цивилизации, вторая является формулой антицивилизации» [Sumner W.G. 1883: 11]. Социал-дарвинисты требовали от

правительства неизменно придерживаться идеалов индивидуализма, и, следовательно, отказаться от политики государственного вмешательства в экономику.

Социал-дарвинизм, ставший мощным идеологическим орудием в руках корпоративной элиты, полностью отвечал задаче идеологического подтверждения её высокого статуса. Э. Карнеги, Дж.П. Морган и Дж. Рокфеллер во всех своих сочинениях и выступлениях преподносили себя как наиболее преуспевших на жизненном пути индивидуумов, а созданные ими гигантские корпорации позиционировались, как достижение естественного отбора. В частности, Рокфеллер утверждал, «что время свободной конкуренции по большому счёту прошло», поэтому «самые сильные люди в мире бизнеса уже появились и заняли высшие ступени карьерной лестницы» [Nevins A. 1940: 299]. Карнеги, получивший признание в качестве теоретика социал-дарвинизма, в своих эссе неизменно рассуждал о способах выживания в условиях полной экономической свободы. Например, он писал, что «сосредоточение богатства в руках немногих – результат длительного накопления опыта человечества, эволюции общества и экономики» [Carnegie A. 1889: 7]. С 1880-х годов в ведущих журналах публиковались его статьи, где он давал советы, как разбогатеть, учил миллионеров разумно тратить капиталы. Карнеги старался доказать, что каждый человек может стать богатым, если будет настойчив и энергичен в достижении поставленной цели.

Исповедуя принципы государственного невмешательства в экономику, корпоративная бизнес-элита на практике отказывала в помощи малому и среднему бизнесу, всячески подавляя и уничтожая его, хотя в то же время использовала государственные структуры для защиты собственных интересов. Полный отказ от любого этического уважения к жертвам жёсткой конкуренции имел прямой результат в конкретных действиях бизнес-элиты [Thimm A. 1976: 75]. Так, комментируя Гомстедскую стачку на заводах Карнеги, газета «Детройт ньюс» писала: «Деятельность крупных собственников рабочей силы, будь то корпорации или индивидуальные предприниматели, сама по себе не ведёт к изобилию или удешевлению товаров. Поэтому высшая степень безрассудства требовать или ожидать, что рабочим будут платить больше, при сохранении предлагаемых низких цен для потребителей. Это противоречит человеческой природе и нет закона, который может заставить так поступать» [2]. В связи с этим показательна карикатура, опубликованная в леворадикальном журнале «Маклюрс мэгезин» (*McClure's Magazine*) [3], где изображены владельцы железных дорог, жёстко расправлявшиеся с собственными работниками. Условия неравной конкуренции представлены в виде рабочего на хилой лошади и железнодорожного магната с копьём и в доспехах, олицетворявшего главную идею – социал-дарвинизм в действии, бьющий по самым бедным и незащищённым слоям населения.

Популярность идей социал-дарвинизма наблюдалась не только у представителей корпоративной бизнес-элиты, но и у среднего класса, что было связано с духом коммерциализации, охватившим американское общество. Все американцы

мечтали разбогатеть любыми доступными методами в связи с открывшимися возможностями в период формирования индустриального общества. В романе «Позолоченный век» М. Твен высмеивал эту неукротимую жажду наживы. Так, один из персонажей, полковник Селлерс, проворачивал различные фантастические сделки, как, например, «ускоренное разведение мулов» или скупка кукурузы во всех окрестностях и продажа её по заведомо высоким ценам [Твен М., 1992: С. 176-177]. Российский историк Л.В. Байбакова отмечает, что, «по словам Твена, современники считали Селлерса с его страстью к предпринимательству чистейшей фантазией, однако писатель просто подметил главную тенденцию, охватившую американское общество после Гражданской войны» [Байбакова Л.В. 2017: 328].

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Наряду с традиционными идеями времён мелкотоварного производства «большой» бизнес выработал новые идеалы, характерные, в первую очередь, для периода «Прогрессивной эры». Так, концепция «служения обществу» трансформировалась в XX веке в теорию «социальной ответственности» бизнеса. Первым о ней заговорил Э. Карнеги, призвав толстосумов помогать обществу посредством благотворительности. Особую известность получила его статья «Евангелие богатства», где он рассуждал о социальной ответственности бизнеса, который должен отдавать обществу большую часть прибыли не только в форме оплаты труда, но и путём благотворительности [Carnegie A. 1889: 2]. Мультимиллионер утверждал, что крупное предпринимательство приносит большую пользу всему обществу не только созданием новых рабочих мест и перераспределением части прибылей в виде зарплаты, но и посредством вкладывания средств в учреждения культуры и призрения. По его словам, богачи должны не раздавать милостыню, а финансировать колледжи, библиотеки, церкви и места досуга людей, которые могут стать исходной ступенью в построении успешной карьеры для следующих поколений. «Таким образом, – писал он, – индивидуализм сохранится, а миллионер станет лишь доверенным лицом бедняков» [Carnegie A. 1901: 23].

В архиве Карнеги сохранилось открытое письмо рабочим его компании, где он объявил о создании специального фонда с бюджетом в 4 млн долл. для «оказания помощи рабочим в несчастных случаях, а также выдаче небольших пенсий тем, кто в них нуждается» [4]. В книге «История моей жизни» он отмечал, что «после того, как в 1900 г. вышла моя книга «Евангелие богатства», я должен был начать жить согласно своему учению и перестать накапливать новые богатства. Я решил обратиться к более серьёзной и трудной задаче – к мудрому распределению накопленных средств» [Карнеги Э. 2007: 64-65]. Правда, рассказывая о духовном перерождении, Э. Карнеги старался замолчать «тёмные пятна» своей биографии, описывая свой путь к профессиональной вершине как воплощение «человека, который сделал себя сам».

Истины ради стоит напомнить, что после продажи сталелитейной империи, Карнеги посвятил все силы благотворительности, пожертвовав на неё в общей сложности 350 млн долл. В частности, на его деньги были построены Нью-йоркская публичная библиотека за 5,7 млн долл. и свыше 2 800 местных библиотек, каждой из которых было присвоено его имя. Им был основан Технологический институт в Питтсбурге и знаменитый на весь мир концертный зал «Карнеги-холл» в Нью-Йорке. Наконец, он создал в 1910 г. филантропический фонд «Карнеги» с капиталом 125 млн долл. [Krass P. 2002: 415-416], который до сих пор занимается поддержкой пацифистских организаций по всему миру. Согласно данным официального сайта отделения фонда в Москве, «основная его задача – содействовать сотрудничеству между странами. В своей деятельности фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине» [5].

С ростом числа состоятельных людей благотворительность приняла внушительные размеры, примеру Карнеги последовали и другие предприниматели. В частности, много внимания филантропической деятельности уделял Рокфеллер. Он субсидировал строительство Чикагского университета, делал пожертвования церкви, мечтал о создании благотворительного фонда, что и было реализовано в XX веке. Ежегодно нефтяной магнат отправлял 10% своей прибыли на нужды баптистской церкви и, как отмечали его биографы Хайди, к 1911 г. эта «десятина» составила 110 млн долл. Можно предположить, что мультимиллионеры хотели таким путём оправдать свои не всегда честные методы обогащения в глазах общественности, доказать свою социальную полезность и тем самым ослабить критику в свой адрес. Филантропия, кроме общих для всех богатых христианской идеи спасения души добрым делом, отражала, по всей видимости, их стремление к славе. Однако понимание того, что такое благотворительность, было разным у «капитанов» индустрии. Если Э. Карнеги призывал развивать меценатство, то Г. Форд утверждал, что само производство должно стать «средством общественного служения». Он убеждал в необходимости добиваться эффективности производства, сопровождаемого понижением цен на выпускаемую продукцию и повышением заработной платы рабочих, что, в свою очередь, обуславливало покупательный спрос населения к выгоде бизнеса. «Страна становится великой, – писал он, – если достояние её распределяется среди возможно более широких кругов населения и наиболее справедливым образом» [Форд Г. 2017: 103]. Внедрение идеи социальной ответственности бизнеса стало ответом на рост антимонополистических настроений в американском обществе.

Рассказывая о своей карьере в бизнесе, многие мультимиллионеры давали понять публике, что богатство пришло к ним не по счастливой случайности и не вследствие каких-то хитроумных махинаций, а благодаря собственной честности, целеустремлённости, настойчивости, сильной воле, трудолюбию, отсутствию

вредных привычек, что ещё с времён Б. Франклина стало хрестоматийным набором качеств делового человека. В этом отношении жизнеописания крупнейших американских предпринимателей походили друг на друга как две капли воды и имели целью создать идеальный образ миллионера из «низов».

В частности, такой мифологизированный образ представлен в карикатуре [6] известного карикатуриста Т. Насти. На ней Карнеги являет собой идеальный пример «американской мечты»: человек из бедной семьи иммигрантов, ставший одним из богатейших и влиятельнейших деятелей корпоративной бизнес-элиты. Изображённый в национальном шотландском костюме с волынкой, что подчёркивало его иммигрантское происхождение, он ссыпал золотые монеты на карту США, которые сразу же превращались в библиотеки, школы, музеи и места досуга. Разумеется, благоприятный литературный имидж богача был рассчитан не на строгий суд, а на одобрение общественностью, так как был очищен от всего порочащего в его жизни не без опоры на всестороннее изложение фактов.

Новоиспечённые мультимиллионеры откровенно и прямо излагали свои взгляды, давали оценки и делали выводы, не претендуя на научное исследование или написание учебника по экономике. В их мемуарах было немало эмоциональных и спорных суждений, при этом многие из них основывались на практическом опыте. Однако проблемы, вынесенные ими на повестку дня, чаще всего ставились в понятном широкой публике морально-этическом плане. Это и даёт современному исследователю возможность установить, к каким ценностям апеллировали их авторы, чтобы позиционировать в сугубо положительном плане свой образ жизни в критический для большого бизнеса период массовых антимонополистических движений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для доминирования корпоративной бизнес-элиты в американском обществе конца XIX – начала XX века необходимо было идейно-теоретическое подспорье. Возникшая под влиянием теории Ч. Дарвина идеология социал-дарвинизма, точно отражавшая стремление большинства американцев достичь материального успеха, была использована для утверждения превосходства корпоративной бизнес-элиты в социальной структуре общества. Однако существовала она лишь в последней трети XIX века. Под напором массовых движений протеста против всевластия крупного капитала периода «Прогрессивной эры» требовалось изменение устаревших идеологем, сменившихся концепцией социальной ответственности бизнеса. Таким образом, идеологическое оправдание корпоративной бизнес-элиты в период своего становления соответствовало общественно-политической ситуации, было достаточно гибким, меняясь под напором общественных запросов, и позволяло укрепить доминирование финансово-промышленной олигархии в обществе.

ИСТОЧНИКИ

1. *New York Times*. 12.09.1892.
2. *Detroit News*. 25.11.1892.
3. *Mc' Clure's Magazine*. 11.07.1894.
4. Carnegie A. Letters. 12.03.1901 / Library of Congress. Carnegie papers. Roll 15.
5. Фонд Карнеги. Available at: <https://carnegie.ru> (accessed 01.10.2020).
6. Carnegie. 1894. Available at <https://www.library.cornell.edu> (accessed 05.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байбакова Л.В. Смех сквозь слезы: исторические романы Марка Твена о пороках рождавшегося в США индустриального общества (рубеж XIX–XX вв.) / Историческая беллетристика. Серия: Люди и тексты. Исторический альманах. Т. 10. М.: ИВИ РАН. 2017. С. 220-245.

Карнеги Э. История моей жизни. М.: РОССПЭН, 2007. 239 с.

Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.

Твен М. Позолоченный век. Ижевск: Алфавит, 1992. 474 с.

Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М.: Бизнес Pocket, 2018. 352 с.

Хофтседтер Р. Американская политическая традиция и её создатели. М.: Наука, 1992. 452 с.

REFERENCES

Baibakova L. V., 2017. Laughter through tears: Mark Twain's historical novels about the vices of the industrial society that was born in the USA (the turn of the XIX-XX centuries) / Historical fiction. Series: People and texts. Historical almanac, Vol. 10. Moscow: IVI RAN, P. 220-245.

Carnegie A., 1889. The Gospel of Wealth and other timely essays. New York: Scribner's Sons, xi+ 238 p.

Carnegie A. 1901. The Gospel of Wealth. New York: The Century Co., x + 42 p.

Clark D.B., 1895. Distribution of Wealth. New York: The Macmillan Co., xii + 485 p.

Ford G., 2018. Moya zhizn'. Moi dostizheniya. M.: Biznes Pocket, – 352 s.

Hofstadter R., 1994. Social Darwinism in American Thought. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, x+ 191 p.

Hofstadter R., 1992. American political tradition and its creators. Moscow: Nauka, - 452 p.

Karnegi E., 2007. Istoriya moej zhizni. Moscow: ROSSPEN, - 239 p.

Krass P., 2002. Carnegie, New York: Wiley, ix + 624 p.

Nevins A., 1940. John D. Rockefeller: The Heroic Age of American Enterprise. New York: Charles Scribner's Sons, xiii + 683 p.

Sogrin V.V., 1995. Ideology in American history: from the founding fathers to the end of the XX century. Moscow: Nauka, 238p.

Spencer H., 2004. The Principles of Sociology. Los Angeles: University Press of the Pacific, xi+ 196 p.

Sumner W.G., 1883. Lectures on the History of Protection in the United States: Delivered before the International Free-trade Alliance. New York: Putnam's Sons, x+ 56 p.

Sumner W.G., 1974. What Social Classes Owe to Each Other. Catwell, Idaho: The Caxton Printers, x + 201 p.

Thimm A.L., 1976. Business Ideologies in the Reform-Progressive Era, 1880-1914. Alabama: University of Alabama Press, vii + 264 p.

Tven M., 1992. Pozolochennyj vek. Izhevsk: Alfavit, 474 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОЗЛОВ Вадим Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела внутриполитических исследований Института США и Канады Российской академии наук.

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3; старший преподаватель факультета мировой политики и мировой экономики НИУ Высшая школа экономики. Российская Федерация, Москва 101000, ул. Мясницкая, д.20.

Vadim O. KOZLOV, Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Internal Political Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation; Senior lecturer. National Research Institute Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow 101000, Russian Federation.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Лицензия на право ведения образовательной деятельности в сфере профессионального образования серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г. Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Осуществляет приём студентов очного (дневного) отделения по направлениям бакалавриата (срок обучения – 4 года):

- «**международные отношения**», направление подготовки: 41.03.05
- «**зарубежное регионоведение**», направление подготовки: 41.03.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи ЕГЭ по предметам:

История России; Иностранный язык; Русский язык

по направлению **магистратуры** (срок обучения - 2 года)

- «**зарубежное регионоведение**» (**Американские исследования**), направление подготовки: 41.04.01

Приём проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и по итогам собеседования.

Телефон приёмной комиссии: 8(499) 238-04-12.

Адрес факультета: 121814, Москва, переулок Хлебный, д. 2/3. (м. «Арбатская»); 109004, Москва, переулок Тетеринский, д. 12, стр. 5 (м. «Таганская»)

Сайт факультета: www.fmp.redline.ru, www.iskran.ru

Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru

Электронный адрес: worldpolitics@mail.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН С.М.Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор А.О. Чубарьян, ректор – Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата и магистратуры “Зарубежное регионоведение” и “Международные отношения”, предусматривают изучение общих гуманитарных, естественнонаучных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также дополнительных и факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, дает студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО (У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также в ведущих университетах США и стран Западной Европы.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

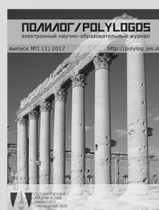
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**